

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРИГОРИЙ ШАРГОРОДСКИЙ
ВИДОК.
ЧУЖАЯ МЕСТЬ

Annotation

Человек способен привыкнуть ко всему. Вот и попаданец из мира, где магии нет и в помине, быстро привык к юному телу и должности полицейского видока. Освоился он и с чином титулярного советника, а также с обязанностями чиновника по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири. Да что уж там! Даже близкое общение с оборотнями, домовыми, лешими и русалками для него стало рутинной работой. Казалось бы, чем еще можно удивить такого человека? Но судьбе лучше подобных вопросов не задавать, потому что ответы придется получать на другом конце материка в схватке с монстром, факт существования которого отрицают даже создатели самого полного bestiaria магических существ и энергетических симбионтов.

- [Содержание](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Эпилог](#)

Содержание

Григорий Шаргородский
Видок. Чужая месть

Пролог

Приближался рассвет. Пока это было заметно лишь по чуть посветлевшему небу, но скоро над степью разгорится новая заря. Это великолепное зрелище доступно только тем, кто просыпается затемно, но лишь немногие из жаворонков способны по-настоящему оценить красоту момента. Фань Дзинь – первый секретарь посла Великого дракона Империи Цин, потомок древнего рода Фань и ученик мудрейшего Дай Дзена – ценил каждое мгновение бытия. Именно едва заметные детали обогащали его чувственный опыт. Каждая деталь мироздания, от упавшей на лепесток цветка пылинки до разогнавшего тучи урагана, несет важнейшую информацию. Тихий шорох в углу комнаты также имел немаловажное значение. Дзинь сумел вычленить его из общего фона, но ничего сделать не успел – в его шею вонзился отравленный дротик.

В этот же момент сердце Сюли – наложницы секретаря – сделало последний удар и замерло навсегда. Когда тело девушки мягко осело на пол, наложница посла пронзительно завизжала. И совсем не от страха за подругу: она поняла, что помощник ее господина мертв, ведь жизнь Сюли была крепко связана с жизнью Фань Дзиня. Она приняла бы на себя насланную на хозяина порчу, но против ударной дозы алхимического яда «связь душ» была бессильна.

Ворвавшийся в покои наложниц главный хранитель посольства мгновенно оценил обстановку:

– Перекройте все выходы из этого сарая! Чтобы ни одна крыса не выскочила наружу!

Охрана оцепила выделенный под нужды посольства особняк, но никого подозрительного поймать не удалось. Тяжело вздохнув, хранитель отправился на доклад к послу.

Чтобы хоть немного скрасить варварскую обстановку, слуги отгородили часть покоев посла шелковыми ширмами. Внутри этого пространства и было обставлено место для чайной церемонии. Долго проживший в Нихон Коку посол предпочитал не традиционный обряд «гунфу ча», а японский вариант «тя но ю». Для непосвященных разницы никакой, но именно знание тонкостей, нюансов и полутонов отличало цивилизованного человека от варвара.

Посол был одет в традиционную для цинского чиновника голубую чифу с желтыми вставками. Шляпочка по случаю уединения находилась на

специальной подставке, так же как и парадное тяжелое платье буфу. Дун Фэй в последний раз взмахнул веером, сложил его и, чуть наклонившись, положил перед собой на циновку. Этим символическим жестом он будто отгораживался от внешнего мира. В общем, посол находился в предмедитативном состоянии, которое и пришлось нарушить взволнованному начальнику охраны.

– Простите, мой господин, – низко склонился старый вояка перед послом, который застыл, как изваяние Будды. – Ваш секретарь убит, и убийца как-то сумел ускользнуть от нас. Я готов понести любое наказание.

Воин напряженно замер в ожидании решения своего господина. А оно могло быть каким угодно – большой поклонник культуры Нихон Коку вполне мог возжелать от своего слуги очистительного сэппуку.

Посол отреагировал на покаяние слуги лишь раздраженным движением вновь взятого в руку веера. Сейчас его больше заботила не смерть секретаря, и тем более не проблемы в поимке убийцы, – сильно напрягала перспектива разговора с великой княжной. О том, что со всеми проблемами нужно идти не к графу Скоцци, а к его супруге, знали все в цинском посольстве, вплоть до поварят.

Тень опасного врага накрыла собой дипломатов Поднебесной и предвещала в будущем лишь еще бóльшие неприятности. Скорее всего, придется возвращаться обратно в империю, но это явно не понравится дочери варварского владыки, а если честно, посол немного побаивался ее. Он никогда и никому не признавался в этом чувстве, но сам прислушивался к собственным страхам очень внимательно. Его религия требовала осмысления каждой мелочи. Все в этом мире имеет значение, включая страхи и туманные предчувствия.

Часть первая

Глава 1

Откладывать неизбежное – не самый лучший выбор, особенно если это касается так называемой рутины. В важных делах подгонять себя легче, а вот мелочи имеют свойство забываться и накапливаться. Доклад о моем новом подчиненном нужно было отослать в канцелярию генерал-губернатора еще позавчера, но все как-то завертелось и забылось. Причем завертелось именно благодаря фигуранту данного доклада.

Что я могу о нем написать? Да не так уж много.

Когут Петр Захарович, он же бывший шатун по прозвищу Коготь.

Когда первый раз услышал фамилию Когтя, я порадовался за него. Судя по всему, другие шатуны слабовато знают украинский язык: ведь «когут» переводится как «петух». Впрочем, насколько мне известно, это слово пока еще не было очернено в местных уголовных кругах.

Родился Когут тридцать два года назад в семье сибиряков из украинских переселенцев. Уйдя из дома в шестнадцать лет, он подался в шатуны и успел снискать среди них славу лихого добытчика. Очень удачно женился на дочери покойного коллеги, и этот брак сразу принес плоды в виде двух чудесных девочек-близняшек. Но тут в мировых столицах вошла в моду опиумная пыльца. Так что со временем ее начали добывать и в Стылой Топи. Неизвестно, рос на местных болотах дурман-цветок изначально или его завезли, но сейчас этой дряни там слишком уж много.

Для семьи Когутов начало добычи пыльцы стало роковым. Слишком уж любопытный Коготь подсел на пыльцу практически сразу, и все закончилось буйным наркотическим угаром. Только чудом он не убил всю свою семью. Израненную жену удалось спасти, а девочки отделались испугом. Только они не забудут этого испуга уже никогда. Выздоровевшая жена забрала детей и уехала из Топинска в неизвестном направлении. Засудить Когута не удалось, но он сам вынес себе суровейший из приговоров. На пике раскаянья шатун сумел соскочить с пыльцы, но при этом жестко запил и дважды пытался повеситься. Не дали товарищи. И тут к нему подошел я.

После первого предложения присоединиться к службе вылавливающих торговцев пыльцой, среди которых вполне могут оказаться шатуны, меня не убили только благодаря присутствию Евсея. Оборотень без проблем успокоил разошедшегося шатуна. Если честно, я уже плюнул на эту кандидатуру, но через сутки Коготь явился сам и согласился на

предложение. Еще через сутки у нас в руках оказалось несколько нитей, способных размотать клубок топинской наркомафии. За одну из таких ниточек мы и потянули через пару часов.

Отчет получился корявым, но другого канцелярии генерал-губернатора я предложить не смогу, разве что попрошу Леху немного причесать мой опус. Да и вряд ли кто станет читать эту скучную бумажку. А вот если бы я написал отчет о себе самом, причем правдивый, то он бы вызвал настоящий фурор. Причем где угодно – начиная с канцелярии генерал-губернатора и судебной службы и заканчивая полицией и православными инквизиторами, или как их там...

Я так и не удосужился узнать, как называется эта служба в нашей церкви. А уж как бы обрадовались ребята из седьмого управления жандармерии, курирующего все энергетические аспекты жизни Империи – от колдунов до оборотней и свободных энергентов.

Даже стало интересно, как это литературное творение могло бы выглядеть.

По сути, живущий ныне титулярный советник Игнат Дормидонтович Силаев, чиновник по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири, по-настоящему родился совсем не в тысяча восемьсот семьдесят восьмом, а в прошлом девяносто пятом. Именно тогда в теле юноши поселилась душа мужчины предпенсионного возраста из двадцать первого века совсем другой реальности. И вот теперь я тащу за двоих не очень-то легкую ношу полицейского видака. Свой старый грех из другого мира приходится смывать созерцанием самых жутких подробностей кровавых убийств, а затем пересказывать их в суде. Дело это опасное, но нужное. Хорошо хоть в Топинске убийства происходят не так уж часто, а после появления здесь видака их стало и того меньше. Вот я от скуки и решил побороться с наркомафией. А чем еще заняться? Благодаря немного неуклюжему прогрессорству проблем с деньгами у меня нет. Правда, своего соавтора по патенту на немагический, а значит, более дешевый аналог резины я сначала изрядно покалечил, а затем сдал жандармам.

Звучит мерзко? Не спорю, особенно учитывая, что это был мой друг и наставник. Тот факт, что он по совместительству являлся безумным ученым и пачками потрошил юных дев, чуть облегчает ситуацию, но ненамного.

В общем, вот такая веселая у меня жизнь. Еще веселее она стала бы, ознакомься с этой историей кто-то из жандармерии или инквизиции, но суицидальными наклонностями я не страдаю, так что фиг им, а не увлекательное чтиво.

Закончив отчет по новому подчиненному, я встал и подошел к окну.

Весна. Всегда любил это время года. Дожди не приносят слякоти, как осенью, холода ушли, а солнце пока не такое надоедливое, как летом. В отличие от других территорий Сибири, благодаря соседству Стылой Топи, которая вопреки названию дарит окрестным землям дополнительное тепло, к нам весенние деньки пришли уже в конце марта.

Все вокруг зеленеет, цветет и пахнет. Особенно дурман-трава. Мысли опять вернулись в рабочее русло, и я начал одеваться. Благодаря должности и особому положению меня никто не заставляет носить мундир, так что я вырядился в некий вольный вариант казачьей формы. Очень вольный. Шаровары заправлены в самые настоящие берцы. Рубаху с широкими рукавами прижимали к телу жилетка и парная наплечная кобура. Оружие прятала сверху куртка, стилизованная под укороченный казацкий полушубок, но не такая теплая. В своем наряде я старался сочетать привычную по двадцатому веку одежду и местный стиль, дабы не выделяться на общем фоне. Но это в походном варианте. Мое парадное платье было построено по всем канонам – вдруг имеющий на меня зуб топинский судья смиростивится и допустит шебутного видаoka в высший свет города.

Ну а пока гламурные развлечения для меня закрыты, развлекаюсь работой.

После недавних событий, не вооружившись по максимуму, я из дома не выхожу. Так что к паре малых револьверов в наплечниках у меня имеется два их собрата в набедренных, практически ковбойских кобурах. Они и видом посolidнее, и калибром посерьезнее. Младший калибр был представлен известными мне еще по родному миру «бульдогами», точнее, их подвидом под названием «кобальт». Не уверен, что фирма та же, но родиной этих револьверов оставалась Англия. А вот старшим калибром по совету Василича я взял английские же «крашеры». Тут не берусь утверждать о наличии аналогов в моем родном мире, потому что в прошлом не был ни охотником, ни заядлым любителей оружия. В качестве последнего шанса был представлен мой любимый миниатюрный двустольный пистолетик, разместившийся на поясе за спиной в особом кармашке. Плюс к этому пояс отягощали две светозумовые гранаты, начиненные серебряной пылью.

Повернувшись к зеркальной дверце, я подмигнул своему отражению. Из зеркала на меня смотрел лихой разбойник, вооруженный от пяток до зубов. И только юношеское, слегка простоватое лицо немного портило суровую картину. Русский, серые глаза, черты лица с претензией на аристократичность, правда, подкачал чисто славянский нос картошкой. Да

и вообще лишь в последнее время хитроватая улыбка и немного обогатившаяся мимика слегка улучшали картинку. Однажды Дава сказал, что в глубокой задумчивости я похож на сельского паренька, который впервые увидел паровоз.

Ничего, и это со временем пройдет.

Подпрыгнув пару раз, я удовлетворенно хмыкнул.

Все, теперь я почти терминатор, и плевать, что скажут окружающие.

Едва открыв дверь кабинета, я услышал возню на первом этаже. Судя по звукам и недовольному шипению, опять сцепились Кузьмич с Леонардом Силычем.

Интересно, когда-нибудь в этом доме хоть на минуту воцарится тишина?

С момента, когда мы поселились в бывшей пожарной каланче, брошенной огнеборцами по причине переезда в каменное строение в центре, покой в двухэтажном бревенчатом здании с наблюдательной башней воцарялся лишь ненадолго.

Спустившись до половины лестницы, я увидел вскочившего на стол большого серого кота. Сейчас шерсть на кошке стояла дыбом, спина выгнута дугой, а глаза злобно блестели. Кот продолжал шипеть, поворачиваясь вокруг своей оси и провожая взглядом нечто невидимое мне и другим людям в комнате. Двенадцатилетний Осип по прозвищу Чиж сохранял на лице нейтральное выражение – он вообще в этой сваре старался не принимать ничьей стороны. А вот казацкий урядник Евсей растянул губы в ехидной улыбке.

Ну, ему простительно – полгода назад Силыч успел изрядно покарять казака-оборотня. Теперь, без ошейника-амулета, Лео не мог становиться монстром и не так уж сильно отличался от обычного кота, но старые заслуги не забываются.

Внезапно лежавшее у печи полено взлетело в воздух и понеслось к коту. К чести Силыча, он с легкостью отбил лапой снаряд, продолжая сверлить взглядом нечто невидимое даже через мои магические гогглы.

Я проверял. А жаль – такой апгрейд мне не помешал бы.

Домовой невзлюбил кота с первых же минут его появления в доме, причем настолько, что даже на этой почве помирился с казаком-оборотнем. Так сказать, враг моего врага – мой друг.

– Все, хватит! – строго приказал я, спускаясь по лестнице. – Кузьмич, мне это надоело.

Еще оно полено лишь успело взмыть над поленницей и тут же упало обратно, а кот перестал вертеться на столе и посмотрел на меня. Над

потолком что-то ухнуло и задребезжало.

– А мне плевать! – возразил я бессловесному заявлению домового. – И покажись, когда с тобой разговаривают.

Тени в углу сгустились в полупрозрачную фигуру. Причем она сильно напоминала вырезанного Григорием человечка. Казака теперь с нами нет, а вот его фантазия помогла свободному энергетическому агенту, а в простонародье домовому духу, определиться со своим виртуальным обликом.

Евсей и Чиж тут же повернулись к показавшему себя домовому.

Леонард Силыч, почувствовав мою поддержку, успокоился и соскочил со стола на лавку. Он знал, что я не люблю его посещений столешницы, на которой, на минуточку, принимаем пищу.

– Мы все живем в одном доме, и пока я здесь хозяин, все будет по-моему.

В печи сердито завывало.

– Не, Кузьмич, тебя только называют Хозяином из уважения к традициям, но владелец тут я!

Мне уже давно удалось найти подход к домовому и понять, что строгость у него в чести, – слишком уж истосковался по человеческому обществу этот погорелец-бродяга.

В комнате повеяло сквозняком, и призрачный силуэт домового растаял.

Обиделся, сердешный. Какое-то время придется наблюдать в кабинете мусор по углам, но подобное мы уже проходили. Надолго этого чистюли не хватит, и через пару дней все вернется на круги своя, а именно – к идеальному порядку.

Осип засуетился у печи, накрывая на стол. Я присел на лавку, и Лео тут же потребовал ласки. Под довольное урчание моя рука прошла по гладкой шерстке на кошачьей спине, но движение закончилось у основания хвоста. После драки с Евсеем, который едва не откусил кошаку кончик хвоста, это место у Лео, так сказать, болезненное. Он вообще плохо реагировал на прикосновение к своей пятой конечности.

После того боя и пленения профессора прошло почти полгода, а месяц назад в наш дом заявился обшарпанный и грязный кот, который где-то умудрился посеять свой артефактный ошейник. Теперь он не мог превращаться в жуткого монстра, но безобидным котиком тоже не стал.

До сих пор не понимаю, как он сумел преодолеть триста километров от Омска до Топинска и почему решил прибиться именно ко мне.

– Леонард Силыч, вы бы не дразнили Хозяина.

Кот поднял морду с умильными глазками, как у его коллеги из

американского мультика, но на меня такое не действовало.

– Даже не сомневаюсь, что в сваре виноваты оба, причем одинаково.

Кот фыркнул и, соскочив на пол, пробежался по чисто выскобленным доскам. Затем запрыгнул на подоконник. Там он принял характерную позу с явным намерением приступить к вылизыванию своих интимных мест.

– Леонард Силыч! – возмущенно протянул я. – Только не надо паясничать и строить из себя безмозглое животное. Постеснялись бы.

Кот принял более приличную позу и серьезно посмотрел на меня. Я же решил пойти на компромисс.

– Коль уж вам нравится эта игра – пусть, но держите все в рамках приличия.

Интересный тут, однако, мир. Если бы у себя на родине я разговаривал с темными углами и общался с котами, то, как пить дать, загремел бы в психушку. А здесь нечего – вон мои домочадцы смотрят с пониманием и даже уважением.

Восстановив мир в собственном доме, я принялся за обед. Нагружался под завязку – вряд ли до вечера удастся нормально поесть. Хотя Чиж наверняка соберет что-то в дорогу.

Уже к концу трапезы к нам присоединился Коготь, ввалившись в столовую из сеней.

– Все готово, бари... – запнулся бывший шатун и исправился: –... командир. Уехал Кочевряж на свою заимку. Можно и нам собираться.

Я перевел взгляд на Евсея. Здоровенный казак молча кивнул и поднялся из-за стола. Пока Коготь быстро ел, Евсей ушел на второй этаж, чтобы закончить сборы. Раньше мои соседи спали прямо в гостиной, но теперь это было не очень удобно. Здесь у меня и трапезная, и офис, и переговорная, которую посещают разные люди, включая чиновников, – так что теперь Евсей и Чиж спали в казарме на втором этаже. Рядом в чулане хранились их личные вещи.

Через пару минут казак вернулся, как и я, вооруженный до зубов. Он уже перешел на летнюю форму с фуражкой, а вот я все еще носил на голове облегченную кубанку, потому что испытывал непонятную брезгливость к другим гражданским головным уборам. Вооружение казака составляли два массивных револьвера. В их расположении он частично взял пример с меня – один был в плечевой кобуре, а второй висел на правом бедре. С левой стороны находилась шашка. По количеству стволов он мне, конечно, проигрывал, но у него имелось и дополнительное оружие – звериная ипостась оборотня. Да и пяток свето-шумовых гранат в разгрузке дополняли боевую картину.

Коготь быстро дожевал и встал из-за стола. Его мы пока вооружать за казенный счет не спешили, так что он оставался при своем. За перепоясывающим полукафтан кунтушом торчал капсюльный пистоль, а из-за голенищ выглядывали рукояти кинжалов.

Пройдя черед сени, мы оказались в обширной конюшне. Правда, теперь это была не совсем конюшня, а эдакий механически-животноводческий ангар. С одной стороны помещения в стойле находился конь Евсея, а с другой расположился агрегат, от вида которого удавится от зависти любой любитель стимпанка: мой личный паромобиль.

Особенно колоритно выглядели треугольные автомобильные гусеницы, на которые вместо колес опирался сам агрегат. Это была моя задумка, а то на местных, похожих на мотоциклетные колеса далеко не уедешь, особенно зимой – можно застрять даже в городской черте.

Пока что автомобильные гусеницы были представлены в единственном наборе, но прекрасно зарекомендовали себя как зимой, так и по весенней распутице. На гусеничные ленты пошел местный энергетический каучук. В отличие от вулканического, номинальным изобретателем которого я считался, этот состав был намного прочнее и хорошо подходил для моей задумки. Конечно, меня можно упрекнуть в предательстве своего же детища, но топ-менеджмент АвтоВАЗа тоже не на «ладах» ездит, и, если честно, я их понимаю.

Дизайном мой паромобиль не впечатлял, но кузов ему разрабатывал не я, хотя планы по улучшению имелись. Внешне все было похоже на слегка приплюснутый четыреста пятьдесят второй УАЗ – родную «буханку», только на четырех треугольных гусеницах.

Еще нужно отметить, что бывший владелец чуть подсуетился с тюнингом – по корпусу шли золотистые аппликации, как на каретах екатерининских времен. От себя я добавил несколько гирлянд магических фар, но в чисто утилитарных целях. Итог безумного автотюнинга в местных реалиях выглядел круто, но меня вид паромобиля, честно говоря, раздражал. Впрочем, у нас не столица, а в деле паромобиль показал себя с лучшей стороны.

Возле машины крутился Корней Васильевич, которого я сманил из оружейного магазина. Жил он прямо в гараже – к отапливаемой стенке пристроил деревянную каптерку-мастерскую. От более комфортных условий старый оружейник отказался.

– Все нормально, Игнат Дормидонтович. Аппарат готов к работе, – гордо заявил оружейник-механик, ковыляя ко мне на протезе.

Эту штуку он тоже смастерил сам по моей наводке и теперь настолько

освоился, что даже не пользовался костылями.

– Спасибо, Корней Васильевич, – благодарно кивнул я старику и вместе с Когтем забрался в салон через кормовую дверь.

Евсей с большим удовольствием оседлал бы своего скакуна – он вообще не любил паромобиля, особенно со мной за рулем. Был у него в этом плане не очень приятный опыт. Но сегодня казаку придется потерпеть.

Внутри паромобиля по местной моде пространство было разделено на два отсека – водительский и пассажирский. В пассажирском отсеке находились два диванчика вдоль бортов лицом друг к другу. Для безопасности они имели ремни, которые играли очень важную роль, учитывая мой стиль езды по местным ухабам. Евсей остался в салоне, а Коготь уселся в кресло рядом со мной и начал суетливо пристегиваться. У него тоже состоялась поездка на этом паромобиле, что породило здоровую осторожность.

Ну что, поехали!

Дернув за рычаг, я пустил по спиральным трубам дистиллят и энергетический реагент, который местные называли «огненной водой». Смешиваясь в сферическом котле, две жидкости вступали в реакцию. Часть воды практически сразу переходила в состояние перегретого пара. В отличие от паровых котлов в моей реальности, угрозы взрыва не было – когда давление в котле превышало определенный уровень, реакция замедлялась и температура энергетической смеси снижалась сама по себе.

Паромобиль фыркнул паром и тронулся с места. Скорость для реалий двадцать первого века моего мира не ахти – не больше сорока километров в час. На колесах было бы быстрее, но это в Омске или еще где. В Топинске, особенно после недавнего дождя, такой вариант был предпочтительнее. К тому же, когда выберемся из города, недостатки гусениц мгновенно превратятся в достоинства.

Тихо, лишь иногда пыхая паром и лопоча гусеничными лентами по лужам и подсохшей грязи, мы выкатили на улицу. Отсутствие шума было главным достоинством паромобиля. Правда, в плане маскировки оно нивелировалось блестящими на солнце завитушками.

Ничего, это дело мы поправим – Василич уже нашел нужную краску, правда, не сильно горит желанием сдирать аппликации. Говорит, что не хочет портить такую лепоту.

Народ хоть и привык к виду пока что единственного паромобиля в городе, но все равно останавливался и глазел на сие чудо технической революции. Уверен, местная элита недолго станет терпеть приступы зависти, и скоро автопарк города увеличится. А значит, добавится работы у

единственной в Топинске автомастерской, которая полуофициально принадлежала мне.

До окраины города мы добрались минут за двадцать, и вот тут мой железный конь показал себя во всей красе. Если на гравии и грунтовке износ лент был неприятно высоким, то на лесной траве и болотных мхах они чувствовали себя прекрасно. В трясину, конечно, соваться не стоило, но мы этого и не планировали. Коготь хорошо знал местность и был проинформирован о возможностях нашего вездехода, так что с умом подбирал маршрут.

Лес уже окончательно проснулся от зимней спячки. Впрочем, в Стылой Топи, особенно ближе к центру, он, по сути, лишь дремал. Все вокруг наливалось не только природными зелеными оттенками, хватало и цепляющих взгляд диковинных красок. На окраине инаковость Топи была не так заметна, а в центре ее мало кто побывал, чтобы поделиться впечатлениями. Тот же Коготь рассказывал много удивительного о втором поясе Стылой Топи. А вот мне довелось побывать в самом центре. Но одно дело наблюдать за туманом, искрящимся крохотными молниями, сначала из защищенного вагона, а затем через крохотные иллюминаторы пароходика, а другое – оказаться там без прикрытия, ощутив кожей все волшебные прелести и угрозы.

Так далеко мы забираться не собирались, но не факт, что к нам не нагрянут гости из тех сказочных мест.

– От трех сосен налево, – сказал Коготь, тыча пальцем в кривоватые деревца.

Довернув руль, я пустил паромобиль мимо примечательной троицы деревьев. Судя по хиленьким, покосившимся сосенкам, мы оказались на краю одного из тысяч топких мест знаменитых Васюганских болот, на юге которых и находилась Стылая Топь – единственное в Сибири место Силы.

– Не нырнем? – на всякий случай спросил я.

– Ну, ежели из той ухабины выбрались, туточки проползем играючи, – ответил бывший шатун, поминая наши совместные покатушки по окрестностям Топинска.

Я улыбнулся, вспомнив вытянувшуюся от удивления рожу шатуна, и уверенно повел паромобиль по указанному маршруту. Под лентами захлюпала жидкость, и, кажется, сама машина немного просела. Скорость чуть снизилась, но ненамного. Будь мы даже на траковых колесах, так бы легко не прошли. А может, и вообще застряли.

Еще минут через двадцать добрались до места, где росли деревья помощнее и повыше, – эдакий остов посредине болотистой местности.

– Дальше лучше пешком, – опять выдал ценный совет Коготь.

Возвышенность, по сути, являлась большим холмом, если не сказать горушкой. Склоны были слишком круты для паромобиля, поэтому его придется оставить без присмотра.

Угнать не угонят, но могут испортить.

Сперва я даже пожалел, что не взял с собой Чижа, дабы он посмотрел за машиной. С другой стороны, если мы разминемся с шатуном и он наткнется на наш транспорт, то пусть лучше просто пострадает дорогое железо, чем навредят мальчонке. Боковые двери пилотского отсека закрывались изнутри, так что мы вышли через проем в пассажирское отделение, а затем выбрались наружу через задний выход. Эту дверь я и закрыл массивным ключом. Конечно, даже в таком состоянии наш транспорт можно вскрыть тем же топором, но повозиться вандалам все-таки придется.

Разобрав оружие, мы двинулись в заросли. Первым шел Коготь, уверенно выводя нас на цель.

Надеюсь, ему не грезятся по ночам лавры Сусанина. Кстати, в этом варианте истории такой персонаж тоже присутствовал, только он совершенно не собирался спасать родоначальника династии Романовых, потому что и династии такой не было. Поляки к Москве приходили, да только не выгорело у них ничего. В стране как таковой Смуты не случилось, и царь Игорь Иванович, о котором в моем мире и слыхом не слыхивали, без проблем провел страну через годы голода и погодных катаклизмов. Он же наподдал полякам, причем так увлекся, что в лихой славе далеко от папеньки не ушел. Так и записали в анналы – после Ивана Грозного царствовал Игорь Кровавый.

Тряхнув головой, я разогнал ненужные сейчас размышления о различиях двух параллельных историй и поспешил за Когтем. Спину мне, как обычно, прикрывал Евсей. Это положение в строю позволяло ему без лишних взглядов проводить частичную трансформацию, что подтверждали прерывистые звуки, которые издают собаки в поисках следа. Уверен, что сейчас лицо казака может напугать не только какую-нибудь барышню, но и нашего битого жизнью проводника. Я еще не сообщил Когтю, что в отряде имеется оборотень, и как он на это отреагирует, пока непонятно. Хотя, может быть, шатун что-то и подозревает – Топинск город маленький, и слухи здесь разлетаются быстро.

Очередной подъем немного сбил мне дыхание, что было прокомментировано фырканьем оборотня. После наших зимних приключений казак старался соблюдать субординацию и вести себя

уважительно, но иногда позволял себе некоторые вольности.

Преодолев подъем, мы оказались на своеобразном плато, заросшем хвойным лесом. Причем пробираться по этим зарослям было еще то удовольствие. Одно радовало – хоть и едва натопанная, но все же различимая тропинка в наличии имелась. Коготь уверенно повел нас по этому пути.

Недоброе я почувствовал буквально через пару минут. Хорошо, что смотрел под ноги. Спина бывшего шатуна двинулась влево, а тропинка-то все еще вела прямо. Сначала я не стал придавать этому значения – мало ли какими кривыми путями ходят шатуны к своим схранам, – но затем Коготь полез совсем уж в непроходимые заросли.

– Коготь, зачем мы с тропы сошли? – спросил я, хлопнув проводника по плечу.

– Чего это сошли? Вот она, родимая, – уверенно ткнул шатун пальцем себе под ноги.

А там не то что тропы не было – трава почти в пояс.

– Не понял, – мотнул я головой и только тут почувствовал, что висящий на шее кулон в виде расколотого сердца чуть греет мою кожу.

Дернув за плечо, я заставил Когтя развернуться ко мне лицом, а затем резко хлопнул его ладонью по лбу. Идея «одуплителя» опиралась сразу на два источника: о чем-то подобном упоминалось в «Бестиарии», и так поступали гипнотизеры в моем мире, когда будили своих подопытных.

Как ни странно – угадал.

– Чаво энто?! – отскочил от меня Коготь, но тут же забыл об ударе и начал осматриваться: – А тропа-то куда девалась?

– Тебе заморочили голову, – озвучил я свои догадки, но по-прежнему не понимал, кто здесь мог баловаться ментальной магией.

– Неужто правда, что Кочевряж сговорился с лешаком? – озадаченно проворчал Коготь.

Ну да, я мог бы и сам догадаться. Только что нам теперь делать?

– Евсей, – позвал я казака, которого отпустило и без моего вмешательства, – ты, случаем, никого не заметил?

– Не, командир, самого неслабо приложило.

– А зрение у тебя не меняется, когда...

– Есть немножко, – пожал плечами казак и покосился на Когтя.

– Давай, – разрешил я, и казак начал обращаться.

Это была частичная трансформация. Лицо оборотня вытянулось и потемнело. Я знал, что это всего лишь нарастающая псевдоплоть, сиречь временно материализовавшаяся энергия, и все же зрелище пробирало до

дрожи. Со стороны казалось, что деформируются кости черепа, но это было не так. Просто на лицо нарастала псевдоплоть, которая скоро как появилась, так и растает, вновь переходя в энергию.

Блеснули удлинившиеся зубы волколака.

– Святые угодники! – перекрестился Коготь. – Неужто правду люди бают?!

Да уж, сегодня у бедолаги день открытий. К тому же его возглас подтверждал, что слухи о казаке-оборотне успели разойтись по городу.

Трансформация задержалась лишь на пару секунд. Казак осмотрелся вокруг и начал меняться обратно.

– Не, командир, не видать его, – закончив преображение, отчитался Евсей.

Мне сразу вспомнился вертящийся на столе кот. Нужно будет в следующий раз взять его с собой, раз у него как-то получается отслеживать домового.

Эхом словам оборотня по листве пробежался ветер, и в этом шорохе я услышал скрипучий смешок.

Ага, значит, свободный энергент дорос до понимания человеческой речи. Об этом говорил и тот факт, что наркоторговец сумел договориться с лесным духом о защите. Иначе он сам тут плутал бы в трех соснах до скончания веков – сил на это лешему точно хватит. Благодаря беседам с профессором Нартовым и чтению подаренного им же «Бестиария» мне было кое-что известно о природе этих созданий.

Возникают они из простейших природных духов, у которых мозгов меньше, чем у улитки. Но вот однажды безмозглый дух взбудоражил листву и напугал какого-то грибника с нездоровым воображением. Наслушавшись рассказов о леших и прочей нечисти, бедолага выплеснул свой страх на духа, тем самым накачав его энергией. Год за годом сначала на одних инстинктах, а затем целенаправленно проказник пугал людей, подпитываясь их страхом, пока не начал осознавать себя как личность. За пару сотен лет вырастали такие хитромудрые ребята, что с ними нужно держать ухо востро.

Что же, попробуем договориться, ведь с домовым я как-то сладил.

– Здрав будь, хозяин леса. Прости за неожиданный визит и прими подношение от чистого сердца.

По правилам нужно было бы обратиться более велеречиво, но я знал, что на форму обращения энергентам плевать, как и на пирожок, который я положил под куст. А вот на творческую энергию души, которую вложила в снесь кормившая нас баба Марфа, он должен позариться. Страх куда

слаще, но и такая подпитка энергенту будет в радость.

Увы, я просчитался. Ветер опять взбудоражил листву.

Или это она сама зашевелилась?

Прозвучал все тот же подлый смешок. На голову мне посыпались сосновые иголки и какой-то мусор.

Даже так?

– О, так вот же тропа! – радостно заявил Коготь, опять указывая куда-то в кусты.

– Стой на месте! – резко приказал я.

Евсея тоже зацепило, но он тряхнул головой и глухо зарычал. Злость оборотня вызвала еще один смешок лешего. Физически повредить он нам не сможет, разве что шишкой стукнет, а вот заморочить голову моим спутникам – вполне. Конечно, благодаря артефакту я могу повести их как альпинистов на поводке, но не факт, что тропа приведет меня к нужному месту.

– Коготь, тропа идет к самому схрону?

– Не, Кочевряж не дурак. Тропка только до старого дуба, там бивуак для пришлых, а затем нужно еще с полверсты кругаями по знакам ходить.

Да уж, если даже Коготь объяснит мне, какие знаки искать, леший наверняка закроет их листьями, и оберег от морока уже не поможет.

– Леший, давай договариваться по-хорошему, – решил я сменить тон.

В любом случае к машине мы выйдем без проблем. В кронах зашумело. Стволы деревьев заскрипели. Понимание того, что я влип в нехорошую историю, прошло по спине неприятным холодком, но отступить в таких случаях и стыдно, и вредно.

– Слушай меня, гнилой ты пенек. Если я уйду отсюда несолоно хлебавши, то очень скоро вернусь. А со мной придут ведьмаки. Слыхал о таких, шишка трухлявая?!

Я отчаянно блефовал, всеми силами стараясь придать уверенность не только своему голосу, но и усиленно транслируемым чувствам – пытался поверить в собственный блеф. И, кажется, получилось.

Ветер в кронах утих. Похоже, моя фантазия о возможностях ведьмаков оказалась очень близка к истине, и леший об этом знал побольше моего.

– Мы сейчас дойдем до схрона шатуна и заберем его с собой, а ты будешь вести себя как паинька.

На мои слова леший не отреагировал. Что же, будем считать молчание знаком согласия.

– Пошли, – обратился я к притихшим подчиненным.

Судя по их лицам, я, как говорят геймеры, заработал несколько очков

репутации. Причем совершенно незаслуженно. Мне просто повезло. Будь леший хоть немного тупее или же чуточку умнее, в Топинск мы могли бы и не вернуться.

Коготь быстро сориентировался и вывел нас на тропу. Еще минут через десять мы дошли до упомянутого им дуба. Прямо под раскидистым деревом было обустроено место для бивуака. Все выглядело довольно привычно, кроме вбитых в ствол дерева костылей с привязанными к ним веревками.

– Коготь, дай угадаю. Твой кореш приводил сюда каких-то дурачков и привязывал на ночь. Только никак не пойму, зачем они на это соглашались.

– Так на спор шли. Напивались в кабаке до петушиного гонора, а Кочевряж предлагал побиться об заклад. Ежели кто простоит ночь и не обгадится, тому он даст рубль серебром.

– Экий затейник, – хмыкнул я.

Похоже, он так и денежку зарабатывал, и лешего раскормил чужим страхом до неприличной наглости.

– Да уж, Кочевряж пошутковать любит, – еще раз подтвердил мои догадки Коготь. – То к дереву кого-то привяжет, то в воду забросит, а мог и еще чего удумать.

– А ловушек твой шуткарь нам не приготовил? – напрягся я.

– Как же без этого, но меня в ловушку не поймает. С пятнадцати годков в Топь хожу. Так что пройдем. Повозимся токмо долго, – горделиво сказал шатун, но тут же с сомнением добавил: – Ежели лешак не подгадит.

– Да уж, – недовольно сморщился я и тут же поднял брови от неожиданной возникшей в голове мысли. – Кикимору мне в тещи! Коготь, а другая тропа от схрона есть?

– Есть, токмо кружная. Да и выходит она... – Глаза шатуна расширились от понимания. – Думаете, лешак упредит Кочевряжа?

– Даже не сомневаюсь. Сможем перехватить?

– Попробуем, – сосредоточенно кивнул Коготь и сорвался с места.

Ну и мы припустили следом. Теперь никакой тропы не было, но и леший не колобродил, что тоже неплохо. Минут через десять мы добрались до склона островной возвышенности, с которого хорошо видна прилегающая к этой стороне холма часть болота, и тут сразу произошло несколько событий. Сначала мы заметили человека, резво бегущего по относительно сухому пространству, которое узким языком пересекало болотное озеро. Не успели мы ощутить охотничий азарт, как нас стало не трое, а четверо: с нижних ветвей высокого дуба рухнула вниз рыжая туша неприятно крупной рыси.

Да ну?! Есть в этом проклятом болоте хоть кто-то, кто не помогает хитрому и очень шустрому наркобарыге? Евсей успел перехватить прыгнувшую на меня рысь и сразу начал меняться.

– Я справлюсь, – прохрипел оборотень.

Ну, справится, значит, справится. Махнув Когтю, я побежал между деревьями вниз, к кромке болота.

Но к берегу добежал почему-то в одиночку. Двигавшийся позади меня шатун неожиданно вскрикнул. Мне показалось или в его голосе прозвучала не боль, а радость?

Погасив инерцию, я оглянулся, но шатуна за мешавшими обзор кустами не увидел.

Чем дальше, тем веселее!

Отмахнувшись от зудящего под черепом здравого смысла, я рванул за беглецом. Похоже, эта полоска суши являлась еще одним мостиком между островом и более сухими пространствами Стылой Топи. Конечно, не беговой трек, но терпимо. Особенно для шатуна.

Вон как чешет, зараза! Похоже, не догоню. Не знаю как, но беглец неся по болотному мху как по асфальту, а вот мои сапоги норовили утонуть в мягкой поверхности.

Ну, значит, будем поступать не по-спортивному.

Резко остановившись, я глубоко вздохнул, одновременно доставая массивный револьвер из левой набедренной кобуры. Перебросив оружие в правую ладонь, я прицелился и сделал три выстрела. Попал как минимум раз – шатун дернулся и покатился кубарем. Он попытался встать и ухватился за поясницу. Сделав еще с десяток шагов, Кочевряж резонно решил, что после попадания резиновой пули в спину особо не побегаешь. Вывод он сделал вполне логичный, а вот дальнейшие его действия оказались для меня загадкой. Шатун чуть ли не ползком добрался до края сухопутной полосы и склонился над водой. Казалось, он решил о чем-то поговорить с рыбами.

У меня появились нехорошие предчувствия. На ходу возвращая револьвер в кобуру, я побежал к стоявшему на четвереньках шатуну. Не успел – он увидел мое приближение и нырнул.

Не знаю, сработала интуиция или охотничий азарт, но я рыбкой сиганул за беглецом. На удивление вода оказалась достаточно прозрачной, особенно учитывая, что мы находимся на болотах. Мир вокруг сразу утратил изрядную долю реалистичности, а еще через секунду он вообще превратился в сказку.

Миновав пытающегося уплыть шатуна, в ореоле воздушной пыли и

плавно покачивающихся водорослей на меня ринулась русалка. Это был бестелесный энергент, частично проявивший свою суть. То, что было совсем прозрачным, дорисовывала завихрявшаяся вокруг энергетического поля вода. Картинка получалась чуть размытой, но от этого не менее жуткой – эдакий злобный призрак в воде. Полупрозрачная девица в призрачной рубаше изящным щучьим движением скользнула ко мне. Оскал у нее был очень несимпатичным и до предела недобрый.

Хвататься в таких случаях за двустольный коротыш у меня стало уже рефлексом. Кургузый пистолет вынырнул из кармашка на поясе. Едва ствольные зрачки уставились на подплывшую почти вплотную русалку, оружие глухо ухнуло и выдуло изрядный газовый пузырь.

Пальнул я с перепугу, так и не вспомнив, может ли разорвать в таких условиях ствол. Не разорвало. Результат, если честно, был не ахти – из воздушного пузыря вылетела стайка дробин, но двигались они как-то беспомощно. У меня бы получилось солиднее плюнуть вишневой косточкой. И все же выстрел оказался не таким уж бесполезным. Русалка налетела на уже начавшую клониться ко дну стайку дробин и вдруг забила как попавшаяся на крючок рыба.

Испуг отпустил меня, позволив начать мыслить рационально. Все правильно: серебро – сильнейший энергетический резонатор. Усложнившуюся энергетическую структуру он расслаивает до состояния сырой энергии. Для разрушения энергента такого уровня необходимо долгое воздействие, но даже короткий контакт не принесет духу никакой радости. Русалка рванула назад быстрее, чем атаковала меня, но своего подельника в беде не оставила. Прямо на ходу она цапнула уже всплывавшего шатуна за пояс и потащила за собой. Сначала очень медленно, но с явной тенденцией к ускорению.

Конечно, бросаться за ними в погоню я не собирался – была идея получше. На нее меня натолкнул звон в собственной голове. Его причиной было кислородное голодание и гидроакустический удар от выстрела пистолета.

Быстро всплыв, я выбрался на торфяной язык и сорвал с пояса гранату. Надеюсь, внутренняя обмотка не успела размокнуть.

– Если не клюет, будем глушить, – процитировал я своего друга-браконьера и метнул гранату, стараясь опередитьдвигающийся в воде бурун.

Живодерских наклонностей своего друга я не разделял, но в данный момент его советы пришлись к месту.

Вышло не так уж идеально, но оно и к лучшему. Подводный взрыв

вздыбил воду, когда бурун с явно уже захлебывающимся шатуном проскочил метров на пять.

Мужiku повезло дважды – он оказался достаточно далеко от взрыва, к тому же всеми силами пытался удержать в легких остатки воздуха. Поэтому всплыл как оглушенная рыба, а не ушел камнем на дно.

Серебряная пыль в гранате вряд ли достала русалку, но наверняка злобности и решительности у нее прибавилось.

Ну вот спрашивается, почему не сделать так с самого начала, вместо того чтобы изображать из себя Жака Кусто?

Напряжение отпустило меня, практически лишив сил. Так что подбежавшие коллеги оказались весьма кстати.

– Достань его, пока не утоп, – устало приказал я и присел на ближайшую кочку.

Евсей выразительно посмотрел на Когтя, и тот начал быстро раздеваться. Меня удивило, с какой осторожностью бывший шатун положил на мох тряпичный сверток.

И вообще, где его черти носили?

Задать гневный вопрос я не успел, потому что оставшийся в одних портках Коготь прыгнул в воду и быстро поплыл к бывшему товарищу. Бывшему – потому что его сегодняшние приключения наверняка сильно подпортят их взаимоотношения.

Глава 2

Кочевряжа мы выловили относительно вовремя. Почему относительно? Потому что захлебнуться он успел и пришлось делать ему искусственное дыхание. Этот шатун нужен был мне живой и в своем уме. Когда утопленник закашлял, у меня была идея сразу идти к паромобилю и возвращаться домой, но все же решил обследовать захоронку наркобарона уездного разлива. Евсей взвалил шатуна на плечо, а Коготь выступил в роли проводника. При этом он продолжал бережно прижимать к груди таинственный сверток.

Чтобы не отвлекать подчиненного от поиска ловушек, я решил отложить расспросы до прибытия на место. К тому же по пути было на что посмотреть – например, на изодранную когтями тушу огромной рыси. Судя по всему, оборотень свернул ей шею.

Жаль, красивый был зверь, но лучше уж так – при ином исходе было бы жалко казака, и намного больше.

После получасовой прогулки по лесу мы оказались у холмика, который при более внимательном осмотре оказался сводом просторной землянки. Но прежде всего в глаза бросался луг, окружавший эту искусственную возвышенность.

Интересный пейзаж. Прямо из жизни хоббитов – окрест аккуратной землянки раскинулось поле красных цветов. Сначала я принял их за простые маки, но затем рассмотрел, что и листья помяснее, и посередине вместо зародыша головки находится пестик, густо облепленный наслоениями пыльцы. Похоже, это и есть дурман-цветок. Если честно, я ожидал чего-то более экзотического.

– Мелковат цветок, – подтвердил мои сомнения Коготь, – ближе к центру Топи растут размером с большой подсолнух.

Ну, раз бывший шатун сам о себе напомнил, начнем с него:

– Скажи-ка, голубь мой сизокрылый, какого рожна ты потерялся, когда мы гнались вон за тем затейником? – для наглядности ткнул я пальцем в Кочевряжа, которого Евсей сгрузил у входа в землянку как мешок с картошкой. – Неужели захотел как-то подсобить старому дружку?

– Не сердчайте, барин, – потупился Коготь, сняв с головы картуз. При этом он по-прежнему прижимал к себе таинственный сверток, – но такая удача бывает токмо раз в жизни.

– Какая, к лешему, удача? – раздраженно спросил я и, как показало

будущее, очень верно сформулировал свой вопрос.

– Так увидел я «счастливые глазки».

Глубоко вздохнув, я постарался говорить спокойно:

– Слушай внимательно, Коготь. Если мне придется задавать еще один вопрос, ты сильно об этом пожалеешь. Говори просто и понятно.

Бывший шатун все понял и заговорил четко и информативно:

– Когда бежал за вами, командир, я увидел «счастливые глазки» в траве. От радости споткнулся и покатился кубарем. Пока нашел, пока откопал, а вы уже и сами словили беглеца. Да и не дружок он мне, коль я сам же вам на него и донес. – Верно прочитав мой колючий взгляд, шатун быстро добавил: – «Счастливые глазки» – очень редкий цветок, и найти его – к большой удаче. За них можно рубликов семьдесят взять.

Коготь закончил свою речь торжественным шепотом, разворачивая бережно хранимую тряпку. Там я увидел ком грунта, из которого торчали два желтых цветочка на коротких стеблях. Они были похожи на ромашку, но, приглядевшись, можно было увидеть, что от наклона лепестки меняют цвет по всей радужной палитре.

Симпатичный сорняк, но не настолько же, чтобы так подставлять своего командира.

– Коготь, ты реально не понимаешь, как накосячил?

– Не косил я ничего, – удивленно нахмурился шатун.

– В смысле провинился.

– Дык богатство-то какое! Иной раз за всю зиму в Топи столько не соберешь.

– Тебе денег не хватает? – продолжал я сверлить взглядом Когтя.

– Хотел женке с детками чуток переслать.

Правильно мыслит мужик. Наворотил дел с семьей – принимай ответственность по полной. От обязанностей родителя его никто не освобождал.

– Похвальное намерение, но лучше бы обратился прямо ко мне. Теперь ты мой человек, и твои проблемы становятся моими. Вернемся – получишь две сотни рублей. Хватит?

Коготь задохнулся от удивления:

– Так я... так это...

Ну вот что ты будешь с ним делать? Вроде шатуны должны быть ребятами независимыми и дерзкими, но привычка к покорности слишком долго вбивалась в наш народ кнутами и сапогами. Коготь попытался брякнуться на колени, но, увидев мой свирепый взгляд, явно вспомнил, что я из Новгорода, и по-военному вытянулся в струнку.

– Так, с этим решили, – недовольно проворчал я, поворачиваясь к лежащему на траве Кочевряжу, который уже пришел в себя, но особо не шевелился под тяжелой ногой Евсея. – Теперь ты, рыба моя быстрая. Скажи-ка, мил человек, откуда ты такой шустрый взялся? Кто тебя с духами подружил?

– Мамка обучила, – присел наркобарон местечкового разлива, когда Евсей убрал ногу с его груди. – Ведуньей она была, вот и подсказала слово верное.

Шатун быстро пришел в себя и даже сумел пригладить ладонями мокрые волосы. Наверняка прическа была его гордостью – моложавый мужик явно имел популярность у провинциальных мещанок. Эдакий Николай Басков, только чуть покарябанный парочкой шрамов, которые только добавляли ему брутального шарма. Работа у шатунов вредная и целостности шкурки не способствует.

– Хорошая у тебя мамка, и делу толковому обучила. А дурь ядовитую детям подсовывать тоже она наказала?

– При чем тут дети? – искренне удивился Кочевряж.

– А то ты не знаешь, что только за прошлый год в Империи от пыльцы загнулось больше сотни подростков.

– Врешь! – пораженно выдохнул красавчик.

– А в харю сапогом? – тут же отреагировал Евсей на хамство шатуна.

– Простите, ваше благородие, я же не знал, что ее деткам дают.

Ну не совсем деткам – травится в основном золотая молодежь, да и приведенную статистику я из пальца высосал, но рассказывать об этом горе-плантатору не собирался. Да и не верил я в его покаянное удивление.

– Сами нюхают, но недорослям разве ума вставишь, вон твой товарищ – на что здоровая орясина, и тот не удержался.

– Не товарищ мне эта крыса, – прорычал Кочевряж, ощерившись в сторону Когтя.

– Не любишь его? – с притворным участием спросил я и тут же зло добавил: – А я вот тебя не люблю, от слова совсем. И с удовольствием утопил бы в том болоте. Но ты будешь жить, потому что мне нужнее те, кому ты сдаешь товар в Омске.

– То серьезные люди, и тебе до них не добраться, офицеришка.

Смотри ты, узнал, несмотря на мой гражданский наряд.

– Тебя же нашел, вот и до них доберусь, – криво ухмыльнулся я на его ярость.

– Не доберешься, потому что я не крыса и не дурак.

– Загредишь на каторгу, – попытался надавить я на шатуна, но

безуспешно.

– И там люди живут, – фыркнул Кочевряж. – Да и не за что меня на каторгу конопатить. Нету такого закона. Так что хоть режьте, а ничего я не скажу.

– Режьте, говоришь? – оживился Евсей и потащил из ножен любимый кинжал.

Кажется, он даже провел частичную трансформацию лица, но это я отметил лишь краем сознания, потому что думал совсем о другом.

Кто же это такой умный проконсультировал шатуна насчет ущербности местных законов? Генерал-губернатор обещал похлопотать у императора насчет введения запрета на дурманящие средства, но это дело очень нескорое.

Наглое выражение на морде шатуна и злость на несовершенство законов вывели меня из душевного равновесия.

– Подожди, – бросил я оборотню и быстрым шагом направился ко входу в землянку.

Так, что тут у нас? Мешочки и туески. Я начал с туесков. В первом были какие-то ягоды, во втором неизвестные мне листья, а вот в третьем обнаружился тонкий серебристый порошок. Его я узнал сразу, как и идущий от туеска запах. На поверку еще в четырех аналогичных емкостях находилась пыльца, и денег все это стоит немало. Но мне много не нужно. Подхватив один туесок, я вышел наружу и недобро улыбнулся шатуну:

– Ну, раз закона за пичканье людей пыльцой нету, то и хорошо. Евсей, поддержи-ка этого хитрована.

Казак быстро все понял и резко схватил дернувшегося шатуна за волосы. Я сначала хотел сыпануть пыльцы ему в морду, но побоялся, что она попадет на руку казака. Так что щедро насыпал этой дряни на траву и кивком призвал Евсея к действиям.

Казак понятливо кивнул и ткнул шатуна лицом в кучку пыльцы. В последней попытке избежать приема своего же товара Кочевряж дунул на пыльцу, которая тут же поднялась облачком и поплыла по воздуху. От этого стало только хуже, потому что на обратном вдохе шатун втянул в себя изрядную порцию наркоты. К тому же казак еще несколько раз ткнул его мордой в остатки дури.

– Хватит, – остановил я оборотня.

Кочевряж завыл, катаясь по траве и пытаясь стереть ладонями с лица остатки пыльцы, но это ему уже не поможет. От такого зрелища во мне что-то шевельнулось, но я тут же вспомнил Витьку Стахова, словившего передоз еще в мои студенческие годы, а также едва не убитую семью Когтя,

да и тех, кто скрывался за безликими цифрами хоть и выдуманной мною, но не такой уж далекой от истины статистики. Поэтому нечто шевельнувшееся в душе быстро затихло.

По заверениям изучавших данный вопрос докторов, в себя Кочевряж придет часа через два, так что пока можно заняться базой. Но сначала чуток испортим ему кайф. Шатун развалился на траве и глупо улыбался.

Я присел рядом с горе-плантатором и тихо сказал:

– Вот ты дурачок, Кочевряж, неужели мамка не говорила тебе, что все духи берут за свои услуги больше, чем им было обещано. За сделанное они требуют с тебя душу. Я бы на твоём месте больше никогда не подходил ни к пруду, ни к луже. А еще, вон слышишь, кажется, через кусты к нам лезет леший. Уверен, явился по твою душу.

Находишь Кочевряж в здравом уме – он лишь улыбнулся бы моим инсинуациям, но сейчас огонь его паранойи раздувался мехами наркотического угара.

Шатун задергался и попытался на четвереньках рвануть через поле дурман-цветов, но Евсей вновь прижал его к земле и начал сноровисто связывать.

Оглянувшись, я увидел осуждающий взгляд своего нового подчиненного.

– Ты, Коготь, на меня волком не зыркай, а лучше семью свою чудом спасшуюся вспомни. Мы тут не в бирюльки играем.

Коготь ничего не сказал, лишь угрюмо кивнул.

Через полчаса содержимое землянки горело ярким пламенем, которое вырывалось из двери и узкой отдушины. Стало жарковато, у меня даже возникла мысль подсушить мокрую после купания одежду, но вслед за пламенем потянулся и какой-то совсем уж ядовитого цвета дым. Не хватало нам еще надыхаться этой дряни.

– Уходим, – приказал я подчиненным.

Коготь двинулся первым по уже пройденной нами тропе. Евсей взвалил на плечи тихо подвывающего Кочевряжа и направился следом.

Обратный путь мы прошли без проблем, и даже леший не стал нам мешать. Загрузившись в паромобиль, я облегченно вздохнул – все же хорошая у меня машинка. Вокруг болото и тина, а внутри сухо и комфортно. Ощущение портила лишь мокрая одежда.

Евсей привязал пребывающего в прострации Кочевряжа к сиденью и уселся напротив него. Коготь остался в пассажирском отделении, явно переваривая наш с ним разговор. К тому же он явно боялся, что я прикажу ему выбросить узелок с цветочком, который он все еще хранил за пазухой.

Да и пусть – обратную дорогу найду и без посторонней помощи.

Нашел, причем ни разу не сбившись, так что через час мы подкатили к нашей каланче, где я вымылся в душе и благодаря заботам Чижа оделся в чистое.

Красота!

К этому времени Кочевряж немного пришел в себя и уже был готов к дальнейшему разговору.

– Ну что, наркобарон, едрить тебя через коромысло. Понравилось нюхать эту дрянь?

Все еще не отошедший от пережитых кошмаров шатун резко замотал головой.

– Тогда говори, пока я не посадил тебя на эту отраву. Еще пару раз – и будешь сам ее нюхать, пока не сдохнешь.

Конечно, я не собирался марать себя таким поступком, да и пыльцы у меня уже не было ни грамма, но Кочевряж об этом не знал. Опиумная пыльца давала привыкание уже со второго приема, но поначалу шансы вывернуться еще были. Вон Коготь как-то соскочил, правда, через жуткий запой, который и смягчил ломку.

Кочевряж об этих свойствах пыльцы либо знал точно, либо догадывался, поэтому раскололся по самую... сидущку табурета.

Не факт, что он сдал всех, но десяток имен назвал. Почти все фигуранты обитали в Омске, за исключением одного, чье имя меня откровенно напрягло. Как оказалось, наркотрафик в Топинске «крышевал» один из местных полицейских. Он же и проинформировал барыгу насчет законов.

Я, конечно, знал этого субчика, но, к счастью, не был знаком близко – так, виделись в управе несколько раз.

Да уж, неприятный разговор будет у меня с Дмитрием Ивановичем. К полицмейстеру я точно не пойду, потому что Аполлон Трофимович – дядька импульсивный и страх какой здоровый. Если что, может на пике злости мне и в морду сунуть за якобы поклев на сослуживца. Он не очень-то меня жаловал после того, как я начал работать сразу на два ведомства. Разобравшись, наш Аполлон, конечно, повинится – мужик он справедливый, – но мне-то легче не станет. Так что я лучше пойду к старшему следователю. А с остальными именами из списка уже к генерал-губернатору Западной Сибири князю Шуйскому, у коего я и числился чиновником по особым поручениям. Уж там-то мне опасаться нечего – Петр Александрович держит всех в городе в ежовых рукавицах и раздает перцовые пряники направо и налево, можно сказать, с удовольствием. Так

что подбросим ему повод для веселья. Заодно почистим ряды вкрай распоясавшихся бюрократов.

Если честно, меня совсем не удивило, что среди омских фигурантов дела лишь один относился к купеческому сословию, – все остальные носили чиновничьи мундиры.

Закончив разговор с Кочевряжем, я взялся писать отчеты и продумывать план своей встречи с генерал-губернатором, на которую, если повезет, попаду денька через два. В тот момент я еще не догадывался, что увижу начальство значительно раньше.

Оторвав меня от писанины и размышлений, на моем рабочем столе задребезжал телефон. Линию пришлось тянуть до каланчи за свой счет. Благо по улице нашлось еще три купца, которые только начали богатеть. Их-то и удалось раскрутить на бесполезную, но очень статусную вещь.

– Силаев у аппарата, – привычно сказал я в трубку.

– Игнат, привет, – послышался голос Лехи. – Где тебя носит?! Аполлон Трофимович рвет и мечет. Ты почему к телефону не подходишь?

Губернский секретарь Алексей Карлович Вельц был моим первым другом в этом мире. Теперь он являлся неким неформальным мостиком между городской управой полиции и топинским отделом генерал-губернаторской канцелярии по борьбе с распространением дурманных средств.

– Что за пожар у вас там приключился? – настороженно спросил я, коря себя за оплошность.

Давно нужно было привлечь Чижу отвечать на телефонные звонки и записывать сообщения. Пока что паренек шарахался от новинок, которыми я напичкал дом, как черт от ладана. Хорошо хоть научился пользоваться унитазом.

– А ты не видел? – таинственно изрек Леха.

– Чего я не видел?

– Вот ты чудак! – послышался изумленный возглас моего друга. – Весь город, разинув рот, смотрит в небо, а ты небось только ворон там и считаешь.

– Ты можешь толком объяснить?

– Не, так неинтересно. Приезжай. Только быстро и при полном параде. Я хотел возмутиться, но опоздал – абонент отключился.

Впрочем, Леха обычно такими вещами не шутит. Так что я очень оперативно обрядился в полицейский мундир. От службы в полиции меня никто не отстранял, так что форму я сохранил, лишь поменял погоны, которые отличались от старых исчезнувшими тремя звездочками. Странно

смотреть на погоны вообще без звезд, но тут такие правила. У моего бывшего начальника были такие же, что меня немного напрягало: ведь наши заслуги перед империей несравнимы – он уважаемый следователь, а я выскочка, которому удалось выслужиться лишь в одном громком деле. Надеюсь, Дмитрий Иванович скоро получит коллежского асессора, и вид его погон перестанет меня смущать.

Пройдя в гараж, я увидел, как Василич отмывает изгвазданный в болоте паромобиль. Хорошо, что я додумался поднять уровень комфорта в нашем доме до небывалых в этом мире высот. В пристройке находился отопительный комплекс с малой паровой машиной, который не только разводил горячую воду по батареям, но и поддерживал давление в водопроводе. Так что одноногий оружейник не елозил по корпусу смоченной в ведре тряпкой, а смывал грязь с помощью шланга. За ним ходил Чиж и щеткой на длинной ручке отчищал заковыристые места. Вода стекала в слив, который выводился в выгребную яму за домом. Туда же вели трубы от двух унитазов в туалетах на обоих этажах. Такой вот у меня получился бытовой двадцать первый век в антураже века девятнадцатого.

Я посмотрел на мокрый аппарат и подумал, что придется искать извозчика. Корней Васильевич в свою очередь глянул на нарядный вид начальства и, похоже, прочитал мои мысли:

– Игнат Дормидонтович, сей минут закончим.

– Хорошо, – кивнул я, понимая, что искать извозчика дольше, чем они потратят на завершение работы.

Хотелось помочь в отмывке паромобиля, но опять же, пока буду переодеваться, справятся и без меня. Так что я просто присел на лавку у стены – вот такой вот барин, не устающий наблюдать за тем, как подчиненные работают.

– Все! – Василич, скрипнув протезом, отошел чуть назад и критически осмотрел паромобиль. – В середке я уже прибрался. Так что можете ехать.

– Спасибо, Корней Васильевич, – искренне поблагодарил я, забираясь на водительское место через боковую дверь пилотского отсека.

– А можно с вами? – умоляюще посмотрел на меня Чиж.

– Можно, – улыбнулся я, захлопывая дверцу.

Словно мелкий птах, парень пролетел мимо передка мобиля и запорхнул на пассажирское сиденье.

Он уже не раз ездил со мной и даже был допущен до управления под бдительным присмотром и в безлюдной местности. Но все равно паромобиль приводил парня в неувядающий восторг. И именно этот восторг убивал тот страх, который он испытывал к телефону и душевой

кабинке.

Пару раз дернув за рычаг насоса, я накачал в котел смесь воды и реагента. Под ногами заклокотало. Через десяток секунд контрольный клапан пыхнул, сообщив, что давление в котле дошло до допустимого максимума. Об этом же говорил манометр на приборной панели.

Паромобиль мягко качнулся и во второй раз за этот день выехал на улицу.

Ближе к центру города размокшая грунтовка закончилась, и мы выехали на брусчатку. Я старался не особо ездить по камням, чтобы не стирать гусеничные ленты из энергетического каучука, но тут уж либо застревать в грязи на колесах, либо стирать ленты на брусчатке. Денег у меня хватало, так что второй вариант предпочтительнее.

Когда мы свернули на главную улицу города, я наконец-то понял, о чем говорил Леха.

– Ух ты, дерижаббль! – озвучил мои мысли Чиж, хотя и неточно, так что я автоматически поправил его:

– Дирижабль.

Действительно – чудо чудное. В принципе, летающие аппараты легче воздуха в империи не такая уж редкость, но пока частный бизнес до них еще не добрался. Так что, кроме императорского воздушного флота, дирижабли были только у некоторых членов царской семьи и в зарождающейся Императорской Торгово-транспортной компании.

Причальной мачты в городе конечно же не было, и дирижабль пришвартовали длинными тросами прямо к фонарным столбам и на скорую руку вбитым в газоны аварийным якорям.

Леха однозначно прав: когда эта дура летела над городом, равнодушных в Топинске не оставалось. Скорее всего, это случилось, когда мы были на острове и не могли насладиться редкостным зрелищем.

Жаль, в полете этот красавец наверняка смотрелся сногшибательно. Было сразу видно, что это, так сказать, модель представительского класса. Я не являюсь специалистом в дирижаблях, но кое-какие особенности отметил сразу, к тому же в голове всплыли мельком прочитанные строки из «Имперской энциклопедии». Судя по соотношению размеров гигантского баллона и гондолы, в этой штуке использовали не водород, а гелий. Вроде его научились выделять из природного газа с помощью какого-то артефакта. Значит, летать на таких штуках безопасно. А вот на этом еще и комфортно.

Дизайнер дирижабля явно вдохновлялся создателями морского флота века эдак шестнадцатого. Гондолу украсили как испанский галеон –

золотые завитушки и серебристые фигурки. Баллон тоже пытались облагородить, но ограничились раскраской черного шелка золотыми узорами.

В общем, получилось красиво и стильно.

Я так засмотрелся на это летающее чудо, что едва не въехал в стоящую у обочины пролетку. Благо скорость у паромобиля была минимальной, так что тормоза сработали безупречно.

Лихо, насколько это позволяли квадрогусеницы, я подкатил к полицейской управе, но не то что войти внутрь – даже выйти из паромобиля мне не дали.

– Ваше благородие! – замахал руками знакомый городской. – Езжайте к ратуше!

Ну, к ратуше так к ратуше.

Да уж, похоже, у них тут знатный переполох. Вон прямо на лестнице меня встречает цельный полицмейстер. Наш Аполлон был настолько взволнован, что его встопорщенные бакенбарды превращались в львиную гриву.

– Где тебя носит... – начал было распекать меня полицмейстер, но уже в который раз вспомнил, что я как бы не совсем его подчиненный, поэтому исправился: – Милостивый государь, вы заставляете себя ждать таких людей!

– Виноват, ваше высокоблагородие! Только вернулся с задержания преступника, – вытянувшись в струнку, четко ответил я, хотя мне очень хотелось узнать, какие такие люди сумели до такой степени всполошить нашего гиганта.

– Ладно, раз уж служебная надобность... – Полицеймейстер не договорил и лишь махнул рукой, призывая меня идти за ним.

А вот это уже сюрприз. В кабинете председателя городского собрания за столом восседал мой наиглавнейший шеф – генерал-губернатор Шуйский. Хозяин кабинета вместе с главой городской управы, а теперь еще и полицмейстером заодно, что-то лопотали, застыв перед гостем по стойке «смирно». За спиной князя с мрачными минами на суровых лицах стояли два его адъютанта. Это еще те волкодавы, причем службу секретарей, а порой и денщиков, они исполняли виртуозно. Особой дружбы у меня с этими парнями не получилось, но, так как мы считались членами одной команды, можно сказать, терпели друг друга.

– Много воли взяли, господин титулярный советник. Заставляете себя ждать даже меня.

– Виноват, ваше сиятельство! – изображая из себя тупого служаку,

заорал я. – Виноват в том, что не виноват! Был на задании, которое сам же себе и выдал!

– Прекрати паясничать, – устало вздохнул генерал-губернатор.

Не понял. Ладно, топинских чинуш взбудоражило внезапное появление высокого начальства. А князя кто умудрился укатать до таких вот томных вздохов?

– Господа, не оставите на минутку? – попросил князь, и троицу городских боссов как ветром сдуло.

Вроде князь особо не выделял установку голосом, но оба адъютанта неожиданно для меня последовали за топинскими чиновниками.

Не понял.

– Что-то случилось, Петр Александрович? – обеспокоенно спросил я, когда мы остались одни.

Еще три месяца назад я и не думал, что смогу обращаться к генерал-губернатору, да в придачу еще и сиятельному князю, по имени-отчеству. Но, как оказалось, у чиновников по особым поручениям есть свои привилегии.

– Случилось, Игнат, и мне нужна твоя помощь.

Кикимору мне в тещи! Что же это такое творится-то?! Неужели земля вот-вот налетит на небесную ось?!

Шутки шутками, но таким своего шефа я еще не видел. Обычно этот в принципе некрупный человек своими пышными бакенбардами и шикарными усами рыжей масти напоминал эдакую слегка ленивую, но очень опасную рысь. Сейчас же он выглядел как уставший, потрепанный жизнью кот. Про себя я называл начальника стариком, но это было скорее образное выражение, потому что старым князь не казался, да и его подвиги на любовном фронте говорили сами за себя. Но в данный момент мой шеф выглядел на все свои семьдесят с хвостиком, если не больше.

Комментировать странное заявление генерал-губернатора я не стал, да в том и не было никакой необходимости.

– У нас пролетом оказалось цинское посольство, – устало проговорил князь. – И надо же было такому случиться, что именно в моем городе... в общем, убили первого секретаря посольства. Княжна рвет и мечет, а я уже не так молод, чтобы без урона для чести и нервов сносить бабские упреки.

– Простите, ваше сиятельство, но при чем тут какая-то княжна?

Мой вопрос немного разозлил князя, чего я и добивался. Тяжело было видеть старика в настолько унылом состоянии.

– Не какая-то, а великая княжна Дарья Петровна, сейчас она, конечно, графиня Скоцци, но кого это волнует! В общем, собирайся, нашего

старичка я к месту происшествия подпускать не рискнул, – сказал князь, намекая на моего омского коллегу.

Князь встал и, делая широкие шаги, направился к двери. Я двинулся следом и, пока мы еще были наедине, позволил себе мучивший меня вопрос:

– Ваше сиятельство, а почему вы сами...

Князь остановился перед пока еще закрытой дверью, развернулся и, посмотрев мне в глаза, тихо сказал:

– Если честно, она меня пугает до мурашек в животе.

У меня чуть челюсть не отвисла. Генерал-губернатор Западной Сибири, которого за глаза все называли Живодером и если не боялись до дрожи в коленках, то точно опасались, испугался какой-то княжны!

Впрочем, как сказал князь, она очень даже не какая-то. Если бы не кривоватая улыбка, я бы подумал, что старик совсем сдал. Мы вырвались из кабинета с видом гладиаторов, идущих на смертный бой. Подтянувшиеся к кабинету разномастные чиновники затихли и выстроились по бокам ковровой дорожки как почетный караул.

Ох, чувствую, выльется мне их переполох в неприятности, хотя я здесь вроде и ни при чем.

Буря в лице генерал-губернатора как неожиданно налетела на тихий город Топинск, так же внезапно и ушла.

Уже когда мы двинулись от колоннады здания ратуши к лифтовой люльке дирижабля, мне наконец-то удалось окончательно справиться с замешательством.

– Простите, ваше сиятельство, но мне нужно собрать свои вещи, да и кое-какие дела уладить, – осторожно сказал я, тем самым затормозив целенаправленное движение князя к дирижаблю.

Князь остановился, и тут же волна резко подскочившего напряжения чиновников ударила мне в спину – они-то небось уже облегченно выдохнули, глядя вслед убывающему начальству.

– Нет времени, – недовольно проворчал генерал-губернатор. – Купишь все необходимое в Омске, ты же у нас записной богач. – Заметив мой быстрый взгляд в сторону паромобилия, князь добавил: – Твой аппарат?

– Мой.

– Чудной, – резюмировал князь. – По Сеньке ли шапка?

– Это не на потеху гордыни. Я на нем по болотам злодеев гоняю. Замучился отмывать от грязи.

– Ну, коли так, – хмыкнул князь, – пять минут, чтобы дать распоряжения подчиненным и коллегам, а после сразу на корабль.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – козырнул я и побежал к паромобилю.

Влезать не стал, а лишь приоткрыл дверцу в водительский отсек.

– Чиж, сейчас найди извозчика – и быстро домой. Пусть Корней Васильевич заберет паромобиль.

– Я и сам могу! – тут же оживился парень.

– Ага, заехать в гости к кому-нибудь в магазин через витрину. Причем прямо на этой площади. Рано тебе в самостоятельный заезд. Слушай дальше. Скажешь Евсею, пусть соберет мой оружейный баул и захватит полевую одежду. И чтобы вечерним поездом отбыл в Омск. Там я его найду. Так... – задумался я, пытаюсь сформулировать послание для Бренникова.

С робкой надеждой оглянулся и радостно увидел, что в растущую компанию выряженных чиновников затесался и мой бывший начальник.

– Выполняй что сказано.

– Слушаюсь! – пискнул парень и выпорхнул из водительского отсека.

Стараясь идти быстро, но при этом не теряя благообразия, я подошел к группе чиновников. От меня шарахнулись как от прокаженного. Ну что ты будешь делать?! Еще не знают, что случилось, но уже на всякий случай боятся подхватить от меня заразу начальственной немилости.

Это единое, как у стайки рыб, движение оставило на освободившемся пространстве лишь одинокую фигуру следователя. Он не потомственный чиновник и в полицию попал из армии, так что бюрократическими суевериями не страдал.

– Игнат, что происходит? – подойдя ближе, тихо спросил следователь. – У вас проблемы?

– Абсолютно никаких. Есть дело в Омске, но рассказать о нем не имею права.

– Это ради какого же дела сам генерал-губернатор...

– Дмитрий Иванович, – с укоризной прервал я следователя.

– Простите, но все же вы явно меня искали.

– Да, – оглянувшись на стоящих поблизости чиновников, согласился я, – мне удалось взять шатуна, который выращивал дурман-цветы. По закону ему предъявить нечего, но мне удалось кое-что из него вытрясти. И одно из названных им имен вам следует знать.

– Даже так? – напрягся Бренников, и не напрасно.

Подойдя еще ближе, я шепнул ему на ухо фамилию опорочившего себя полицейского.

– Вот мерзавец, – сквозь зубы процедил следователь, и я понял, что

подельнику Кочевряжа мало не покажется. – Вы хотите дать делу официальный ход?

– Нет, оставляю решение за вами. И еще прошу взять в оборот этого изобретательного ботаника. Сейчас он у нас в каланче, но хотелось бы, чтобы им занялись вы.

– Конечно, можете на меня рассчитывать, – согласно кивнул Бренников.

– Будьте внимательны. Очень скользкий тип. Как-то сумел договориться с лешим и русалкой.

Щека следователя непроизвольно дернулась. Так уж сложилось: по неформальному наказу церкви и общественным правилам приличия наличие в этом мире всякой нечисти не то чтобы отрицалось, а просто не признавалось. Увы, у Бренникова возможности носить розовые очки уже не было – он и мой «Бестиарий» читал, и трупы упырей описывал в отчетах, а также стриг и оборотней наблюдал воочию. К тому же не единожды имел сомнительное удовольствие лицезреть моего Кузьмича.

– И не таких обламывали. Справимся, – решительно кивнул следователь.

– Благодарствую.

Пожав бывшему начальнику руку, я быстрым шагом направился к дирижаблю. И чем ближе я подходил, тем огромнее он мне казался. Свита генерал-губернатора уже загрузилась на борт, так что я сразу вошел в лифт. Подъемник был похож на большую бельевую корзину и, если честно, доверия не внушал.

Один из двух стоявших у подъемника матросов – или как там они называются – дунул в свисток, и корзина со мной рывком взлетела вверх. У меня по коже пробежался неприятный морозец и чуть подогнулись ноги. Надеюсь, это от резкого движения, а не от слабости в поджилках. Мало того что плетеные стенки поскрипывали, так еще и вся конструкция немного раскачивалась на ветру. К счастью, подъем занял всего несколько секунд. Лучи солнца, пробивавшиеся через щели, внезапно исчезли. Затем дверца открылась, и я вышел из этого странного лифта, оказавшись в небольшом отсеке. Там меня ждал еще один матрос:

– Прошу за мной, ваше благородие.

Только теперь я внимательнее рассмотрел внешний вид матроса. Одет он был в нечто похожее на свободный комбинезон десантника, только темно-синего цвета. На голове пилотский шлем с незастегнутым подбородочным ремнем. На ногах ботинки. Этими ботинками он и потопал по полу коридора, отходящему от шлюзовой камеры.

По бокам шли двери с круглыми иллюминаторами. Все вокруг было сделано из дерева, в редких случаях усиленного металлом. В конце десятиметрового коридора находилась винтовая лестница, по которой матрос начал подниматься на второй уровень. Подойдя к лестнице, я увидел, что она соединяет сразу три этажа.

На втором уровне был такой же коридор с дверьми, только он тянулся уже в обе стороны от лестницы и был в два раза длиннее. На третьем уровне еще один коридор, опять короткий. Сразу же справа от лестницы находилась большая дверь, которую и открыл матрос, уже преодолевший последние ступени. За дверью обнаружилась неожиданно большая комната, особенно после тесных переходов. Это точно была кают-компания. Посреди помещения находился овальный стол на десять персон. У стен стояли мягкие диванчики. Между ними в стенных нишах за стеклом виднелись разные бутылки и стаканы, закрепленные в специальных ячейках.

Князь сидел на диване, а его адъютанты-охранники томились неподалеку, глаза на противоположную от входа стену кают-компании. И посмотреть там было на что. Вся передняя часть прямоугольной комнаты и частично боковые были застеклены и открывали шикарный вид на небо. Чтобы увидеть землю, нужно было подойти поближе. Ну а тем, кому захочется заглянуть под дирижабль, придется выйти через одну из двух дверей на боковые открытые галереи.

Лично мне захотелось сразу же, и очень сильно, так что я не стал особо стесняться. Только тихо поинтересовался у стоящего рядом матроса:

– А можно выйти наружу?

– Конечно, ваше благородие, – тоже тихо ответил матрос, покосившись на погруженного в раздумья князя.

Дверь открылась без проблем, и я оказался на смотровой площадке. Конечно, для того, кто работал на двадцатом этаже офисной высотки, вид был не таким уж шокирующим, но все равно очень красиво. Да и чуть раскачивающаяся громадина дирижабля – это вам не твердь уверенно стоящего на мощном фундаменте здания.

Беспочвенность моих опасений стала понятна сразу: узкий мостик, который шел параллельно с правой стеной кают-компании и доходил до застекленной зоны, был огражден высокими перилами мне по грудь. Так что выпасть отсюда можно только преднамеренно, ну или если дирижабль будет нещадно болтать.

Засмотревшись на лежащий у моих ног Топинск, я не заметил, как подошел генерал-губернатор:

- Знаешь, Игнат, я всегда чуточку завидовал вам.
- Нам? – удивленно переспросил я.
- Новгородцам.

Вот постоянно забываю, что я тут считаюсь новгородцем, хотя в Господине Великом Новгороде ни разу не был – ни в этом мире, ни в том.

– В вас нет страха, – продолжил князь, оглядывая окрестности. Кроме нас двоих на площадке больше никого не было. – А в нас этот страх впитывается как вонь отхожего места, и избавиться от него очень сложно.

Да уж, неожиданное заявление, особенно от такого человека.

Видно, прочитав эту мысль в моих глазах, князь улыбнулся:

– Да, Шуйские – один из самых старых родов империи. Мои предки верой и правдой служили еще Ивану Грозному. Но даже нас с детства учили постоянно думать, о чем говоришь. Каждое неосторожное слово может сильно испортить жизнь. Так и рождается страх даже в сильных мира сего. – Некоторое время князь смотрел вдаль, затем вздохнул и продолжил: – Я ведь очень горевал, когда меня сослали на службу в Сибирь. А затем понял, что это была милость божья, а не испытание. Мне здесь просто некого бояться. Даже отправь кто кляузу в императорскую канцелярию – там только разведут руками. Ведь куда меня дальше пошлешь? Послом в Нихон? Так то будет умалением чести княжеской, старые роды не поймут. Так что только в Сибири я и вздохнул свободно. Но вот явилась эта пигалица, и опять в душе шевельнулось что-то забытое и мерзкое. Тебе не понять, ты действуешь и говоришь без страха. Может, потому что по юношеской глупости не ведаешь о возможных последствиях. Думаешь, я не вижу, что и кланяешься ты, и тянешься словно лицедействуя. Нет в тебе страха.

Князь опять погрузился, и, если честно, мне стало его жалко, так что я позволил себе легкую лесть:

– Ну, перед вами я и тянусь, и кланяюсь вполне искренне.

– Вот за это и ценю тебя. Поэтому и защищаю. Ладно, что-то размяк я. Старею, наверное.

Князь приосанился и, заложив руки за спину, пошел к двери в кают-компанию. Как только он приблизился, дверь тут же открыл один из адъютантов. Наверняка подслушивал, шельмец, но помощники у князя вышколены и буквально ели с руки хозяина, так что опасаться их не стоило.

Странно, конечно, что он так раскрылся перед малознакомым, по сути, видом в невысоких чинах. А может, именно в этом и дело? С кем ему еще поговорить? С вечно трясущимися подчиненными или с больше похожими на роботов адъютантами? Вероятно, мое новгородское происхождение

отводило меня куда-то в сторону от этой пирамиды страха.

В чем-то Шуйский одновременно был прав и не прав. Я действительно паясничал, когда изображал из себя подобострастного служаку. Но это не от отсутствия страха, а потому что по-другому не умею. Да и грусть князя мне понятна. В моем мире до революции все было точно так же – каждый боялся проронить неосторожное слово. После революции этот страх не исчез, хуже того: он стал паническим, потому что тут уже не немилостью царской или каторгой пахло, а пулей в затылок. Когда Союз расплылся, как гнилая дерюга, появился выбор. Можно было уже не бояться, но почему-то большинству удобнее в своем страхе. Зато тех, кто разучился страшиться начальственной немилости или дубинки надсмотрщика, согнуть уже нельзя – сломать можно, но не согнуть.

Так, что-то меня пробило на философию – видно, заразился меланхолией от князя. Интересно, какая она, эта великая княжна Дарья Петровна, которая так разбередила старику душу?

От размышлений меня отвлек шум, напоминавший громкое гудение шмеля. Можно предположить, что это заработали пропеллеры дирижабля. И верно, город подо мной поплыл куда-то назад. В общем, мы полетели.

Ветер на открытой площадке усилился, так что мне пришлось придержать фуражку, чтобы она не осталась в Топинске. За непотребный вид князь выплет по первое число, несмотря на всю симпатию ко мне и мое эксклюзивное новгородское происхождение.

Кстати, после всех этих бесед посетить Новгород мне захотелось еще больше, но, если честно, потом все же вернусь в Топинск. Нравится мне здесь. Склонив голову над перилами, я глянул вниз на уплывающий город.

Смотреть на сибирские просторы под брюхом дирижабля было очень интересно, но холод уже забрался под легкую шинель, так что пора в тепло.

Особо порадовало, что в кают-компании уже накрыли поздний обед. К генерал-губернатору присоседились два офицера в форме, которая была похожа на морскую, только светло-синего цвета. За спиной генерала застыли адъютанты, а офицеров обслуживали два матроса. Кок в поварском колпаке разливал из изящной фарфоровой кастрюльки какое-то жидкое блюдо.

Если честно, я растерялся. Непонятно, можно ли мне присоединиться к сей компании. Оба офицера были выше меня по званию – один лейтенант, а второй капитан второго ранга. Но, развеяв все сомнения, князь пригласил меня за стол.

Офицеры вели себя настороженно. Оно и понятно – по табели о рангах империи я скакал как блоха. По особому рескрипту императора

поступающие на службу империи ученики Новгородской энергетической академии, а также школы видоков выпускаются сразу в чине коллежских секретарей. Плюс к этому практически в обход закона – раньше трех лет службы – за поимку маньяка я получил от князя титулярного советника. Во флоте для подобного скачка нужно отслужить минимум десять лет, а максимум двадцать. К тому же даже армейцы недолго любили полицейских, а флотские и подавно. Спеси у последних было выше крыши. Осталось понять, к кому ближе летуны – к армейцам или мореманам.

За обедом выяснилось, что офицеры – господа адекватные, только не очень охотно отвечали на вопросы по устройству дирижабля. Да и то больше из-за усталости от многократных повторений, а не по причине секретности сведений или вредности характера. В конце концов, капитан-лейтенант посоветовал мне книгу, которая находилась в одном из шкафов кают-компания. Изучением ее я и занимался почти все время пути до Омска.

Глава 3

Похоже, книгу составлял именно тот, кого утомили расспросы дилетантов, или просто профессионал своего дела по просьбе подобных бедолаг. На страницах пухлого, но компактного томика была изложена вся история воздухоплавания империи. Начали они, как и в моем мире, с водорода, но трагедия, постигшая цепеллин «Гинденбург», здесь случилась намного раньше. Отрасль едва не умерла, но в Новгородской академии был создан артефакт, способный выделять гелий из природного и нефтяного газов. Так дирижаблестроение получило новый толчок, причем настолько сильный, что вполне могли пострадать самолеты. О них я пока ничего не слышал.

Двигались воздушные гиганты с помощью винтов на паровой тяге. Котлы, так же как в паровозах и паромобилях, работали на термальном реагенте, что сильно увеличивало полезную нагрузку корабля.

Кроме основной книги, на полке я нашел и брошюрку, где были описаны все дирижабли, построенные на данный момент. Наш назывался «Стремительный» и был приписан к министерству иностранных дел. Из-за спешки и волнения подробно рассмотреть воздушное судно мне удалось только на иллюстрации. Сейчас я находился в кают-компании прямо над боевой рубкой, которая выдвигалась перед корпусом как нос у дельфина. Верх этого застекленного «носа» я видел, когда наклонялся над перилами смотровой площадки. Вооружен «Стремительный» двумя тридцатисемимиллиметровыми пушками, размещенными на носу и корме гондолы, а также пятью пулеметами, два из которых находились в гнездах прямо на куполе оболочки.

Увы, полазить по служебным помещениям гондолы мне не разрешили, так что пришлось довольствоваться видами со смотровой площадки, изучением справочника и беседами с князем. Чем ближе мы подлетали к Омску, тем отстраненнее становился генерал-губернатор. Я делал вид, что так и нужно, да и вообще не особо радовался минутной слабости старика. Как бы впоследствии мне не пришлось пожалеть о ней.

Триста с хвостиком километров до Омска мы преодолели за неполных три часа, что по местным меркам было запредельной скоростью. С высоты птичьего полета Омск выглядел великолепно. Плавный изгиб Иртыша с вкраплениями островков и отмелей. Озорная Омь, которая, поднырнув под каменным мостом, нежно вливалась в более полноводный поток. Стройные

ряды особняков, чопорных как купеческое собрание первой гильдии. За ними виднелся городской парк и железнодорожный вокзал. Справа проплывали крыши кожевенной мануфактуры и окружавших ее складов. Именно там мы с Евсеем брали профессора Нартова, и там же мне пришлось делать сложный выбор – мучительная неволя для друга и наставника или десятки девичьих жизней, которые заберет безумный ученый, если останется на свободе. Был еще вариант с пулей в голову, но я не смог.

Когда вдали показался шпиль Омского университета, где преподавал профессор, мое настроение окончательно испортилось. Да, город остался по-прежнему прекрасен, но в моих глазах его краски как-то выцвели. Так что я вернулся в кают-компанию.

Как оказалось, в Омске была своя причальная мачта для дирижаблей, но только одна, а сейчас город посетили сразу три небесных корабля. Чуть в сторонке, удерживая среднюю высоту, как борцы сумо, друг напротив друга застыли два гиганта. Один был очень похож на «Стремительного», только раза в три больше. Я насчитал как минимум шесть артиллерийских спарок и десятка два пулеметов в гондоле и по периметру оболочки. Второй выглядел очень колоритно – размером примерно со старшего брата нашего корабля, да и вооружен не хуже. Отличия конечно же были – оболочка чуть уже, зато длиннее, а прилипшая к баллону гондола украшена в восточном стиле, с драконами по бортам. Также огромное изображение китайского дракона несколько раз обвивало жесткую оболочку с газом.

«Стремительный» причалил к остававшейся свободной мачте, так что мы спускались не в странной корзине для белья, а на нормальном лифте. Ну, если скрипучую коробку с паровым приводом можно назвать нормальным лифтом.

У вышки нас встречала чиновничья свита генерал-губернатора, который опять обрел силу и стремительность движений. На его лице застыло властное и монументальное выражение. Если все это, конечно, не маска. Меня тут же оттерли в сторону, но один из адъютантов остался рядом.

– Игнат Дормидонтович, нам к служебному мобилу, – указал он на скромный паромобиль, стоявший третьим в кортеже из девяти единиц транспортных средств.

Чем дальше адъютант уходил от генерала, тем более человечным и менее роботизированным становился.

– Благодарствую за заботу, Андрей Федорович, а то меня едва не затоптали.

– Выслуживаются, – криво ухмыльнувшись, тихо сказал адъютант, – когда великая княжна изволили гневаться на Петра Александровича, так все разбежались, словно прусаки по щелям. А вот теперь повыползали.

Ага, похоже, разговор по душам с князем не остался незамеченным, и меня приняли в ближний круг его свиты. Вроде и не стремлюсь выслуживаться, но поди ж ты, приятно.

Пока князь на ходу раздавал перцовые пряники и усаживался в паромобиль, нам пришлось немного поскучать. Затем мы наконец-то поехали.

Двигались быстро и через двадцать минут оказались у черного входа в Белый дворец, который в народе называли «Торопыжка». Появилось это здание, когда купцы первой гильдии торговой палаты Омска узнали, что их город собирается посетить Федор Второй – батюшка нынешнего царя. Денег у купцов было много, а достойных принять царя зданий, по мнению тех же купцов, не было вовсе. Вот они и скинулись, желая пустить пыль в глаза всему свету. За дело взялся лучший подрядчик города, но из-за постоянных пинков заказчиков что-то пошло не так. Царя с горем пополам приняли, но на то, чтобы здание после этого не развалилось, пришлось потратить втрое больше средств, чем на его постройку. В конечном итоге дворец все же был доведен до ума, и сейчас в нем останавливались самые дорогие гости Омска, для которых посещать гостиницы было не комильфо, как и подселяться к кому-то из дворянского собрания.

У черного входа в дом навтыжку застыли полицмейстер Омска Рогов и старший следователь Тарасов со сворой подчиненных. Своего коллегу – престарелого видока – я нигде не видел. Лица встречающих иллюстрировали полярное отношение ко мне полицейских Омска. Полицмейстер обжег злобным взглядом, а Анастас Денисович улыбнулся уголками рта. У нас со старшим следователем возникла взаимная симпатия еще со времен охоты на Мясника – маньяка, за зловещим прозвищем которого властям удалось скрыть от общественности профессора Нартова и его жуткие эксперименты.

Князь прошел в открытую дверь, даже не удостоив взглядом никого из встречающих. Я, как положено, отдал честь, на что полицмейстер вынужден был ответить тем же. Затем он шмыгнул за князем. Теперь мы со старшим следователем могли перекинуться парой слов.

– Все плохо, Анастас Денисович?

– Хуже некуда, – вздохнул следователь. – Его сиятельство не хотел допускать до ритуала нашего старика, а их высочество чуток осерчали и приказали доставить кого нужно пред ее ясны очи. Даже разрешила

использовать свой дирижабль. Вот князь и выполнил ее приказ... буквально. Ох и взбесилась же княжна, когда их сиятельство улетели за вами самолично. Такого я еще не видал.

Намекая на то, что мы слишком задержались, следователь сделал приглашающий жест рукой. Да уж, бесить начальство лишний раз не стоит, оно и так, судя по всему, на пределе.

Меня сразу проводили в одну из комнат дворца. Там уже находились князь с полицмейстером и три человека в гражданском, от которых так и веяло опасностью, а еще два китайца в колоритных нарядах. Один был наряжен в шаровары и что-то напоминающее кафтан. Меч на бедре выдавал в нем воина. Этот хоть на голову надел отдаленно знакомую шапочку с поднятым тыльником и ушками, а вот второй вырядился в сущую распашонку и увенчал себя прикольной шапкой с красным верхом, из которой торчало эдакое помело. Я, конечно, видел исторические фильмы о древнем Китае, но чтобы вот так, воочию лицезреть подобную экзотику...

Так, не смей улыбаться!

Компанию семерым мужчинам составляла одна дама. Похоже, это и есть великая княжна Дарья Петровна. Оригинальная особа. Она явно всеми силами старалась придать себе сходство со Снежной королевой – серебристое платье, собранное сзади, облегалo стройную фигуру. Темно-серая маленькая шляпка в охотничьем стиле с белоснежным пером. Ниже белый шейный бант на высоком воротнике. А между шляпкой и шарфом бледное до изморози холодное лицо с тонкими чертами и губами-ниточками. И только синие, с легкой сумасшедшинкой глаза оживляли эту ледяную скульптуру. Наведенная строгость добавляла княжне, точнее графине, несколько лишних лет, но ей вряд ли было больше двадцати пяти.

Если честно, такой типаж женщин мне не нравился.

Не понял, я что, так громко думаю? Великая княжна посмотрела мне в глаза и удивленно изогнула бровь:

– Князь, и вот ради этого... юноши вы заставили меня ждать?

Голос у нее был глубоким, с легкой хрипотцой и тоже отдавал льдом, как и весь образ.

– Поверьте, этот юноша способен на многое и уж точно справится лучше нашего городского видока.

Княжна окинула меня взглядом с ног до головы, явно интерпретируя слова генерал-губернатора по-своему. Князь заметил эту гримасу и тут же взял дело в свои руки. Он решил опустить все церемонии, возможно нарушая какие-то дипломатические протоколы:

– Игнат Дормидонтович, тело в соседней комнате.

Я молча кивнул и прошел в указанную дверь. В комнате никого не было, если не считать лежащего у окна тела во все той же распашонке, только не такой богатой, как у предыдущего господина.

Картина убийства стала ясна с первого же взгляда – торчавший в шее дротик от духовой трубки сомнений не оставлял. Скорее всего, выстрелили в спину, когда китаец смотрел в окно на городской парк. Значит, будем устраиваться в углу комнаты, возле внешней стены.

Так, сначала достаю из планшетки казенные гогглы. Теперь я похож то ли на газосварщика, то ли на косплейщика, отыгрывающего героя стимпанка. В данный момент света в комнате хватало, так что для меня ничего не изменилось. Усевшись на пятки в лучших традициях самураев, я положил ладони на бедра, закрыл глаза и глубоко вздохнул. С каждым разом будить свой дар с помощью нанесенных на мое тело рун удавалось все легче.

Когда почувствовал, как потеплели татуировки, я открыл глаза. Таким образом контраст реальной картинке и видения не вызывал когнитивного диссонанса, как это было во время проведения моих первых ритуалов. Комната почти не изменилась, только теперь ныне покойный китаец не лежал, а стоял у окна. Он явно любовался восходом солнца.

На меня нахлынули эмоциональные образы человека, пребывающего в состоянии полного покоя. Казалось, я почувствовал запах сакуры и услышал звук журчания горного ручья. Это не были четкие ощущения – просто эмоциональная тень человека, которая была врезана в ткань мироздания противоестественным актом убийства. Это как шрам на коже, но он недолговечен и продержится чуть больше суток. А после ритуала видока возмущение пространства исчезнет практически сразу. Так что у меня одна попытка, и именно поэтому князь не допустил сюда омского видока, который давно устал от своей работы.

В моем видении предрассветное освещение было слабовато, так что гогглы дополнили затемненные места деталями, сотканными из серых полутонов.

Именно такой тенью выглядели двери, которые бесшумно открылись, не потревожив задумчивого цинского чиновника.

Вот зараза!

Вместо ожидаемой фигуры убийцы в комнату вплыло размытое облако. Неприятный нюанс, но с такой штукой я сталкивался не первый раз.

Перед тем как использовать эффект удильщика, попытаемся заглянуть в душу убийцы. У него оказался неплохой самоконтроль – эмоции еле

угадывались.

Ладно. Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Сконцентрировавшись, я представил, будто набрасываю на нечто в центре размытого облака крючок с леской. В этот же момент из облака вылетела крохотная стрелка, и я боковым зрением увидел, как китаец в распашонке повалился на пол. Его эмоции поблекли, а затем вовсе исчезли вместе с жизнью.

Ну, хоть этот ушел без мучений. В моем деле такое происходит довольно редко. Обычно в лучшем случае гибель людей сопровождалась злостью или сильным гневом, а в худшем – страшными муками и животным страхом. Так было с жертвами профессора Нартова. Воспоминания кольнули душу и едва не сбили концентрацию, но мне все же удалось зацепить убийцу. Ментальная нить натянулась. По своей привычке я привстал на одно колено, как будто удерживая в руках спиннинг, – это уже стало рефлексом.

Есть контакт. Нить натянулась сильнее, связывая меня не только с образом, который убийство запечатлело на ткани мироздания, но и с реальной аурой убийцы. Если он далеко, через секунду нить лопнет. Но она не лопнула. Мало того, напряжение было не таким уж сильным.

Так он что, в доме?! Интересно девки пляшут. А ведь здесь не только все начальство Западной Сибири, но и дочь императора! Ох, что-то мне нехорошо.

Сорвавшись с места, я выскочил через дверь и шалыми глазами осмотрел присутствующих.

Все, кто был облечен властью, уставились на меня как институтка на мышь. Троица в штатском и китаец в ушастом чепчике мгновенно напряглись. Троица тут же заняла позицию вокруг княжны. Похоже, с этих толку не будет, а вот китаец что-то чирикнул, глядя мне в глаза, и резко кивнул. Похоже, он просчитал ситуацию мгновенно. Матерый волчара. Или все-таки кошка? Grimаса исказила лицо китайца, и в нем проступило что-то кошачье. Неужели ракшас? Впрочем, сейчас это не так уж важно.

– В чем дело, господин видок? – первым не выдержал почему-то именно полицмейстер.

Я уже открыл рот, чтобы начать долгие и нудные объяснения, иначе с этой публикой не получится, и тут почувствовал, как ментальная нить натянулась сильнее. Убийца отдалялся, и времени на объяснения просто не оставалось, что, если честно, меня порадовало.

– Убийца в доме, – бросил я уже на бегу и выскочил из комнаты.

За спиной послышались мягкие шаги китайца и гулкие удары в пол

двух пар ботинок. Похоже, княжна решила отрядить мне подмогу. Оперативно среагировала дамочка. Уверен, без ее приказов эти парни не оставили бы объект охраны ни за какие коврижки.

Выбежав в коридор, я на секунду притормозил.

Так, здание у нас вроде идет буквой «П», и мы находимся в «шляпке», а нить тянет вперед и вниз, значит, убийца уже во двореке и очень скоро окажется на улице. Эта мысль добавила мне прыти, и я побежал к лестнице. Сопровождение дисциплинированно топало позади, контролируя меня, как охотники следуют за гончей. Когда мы выскочили во дворик, я сразу понял, что мы гоняемся за тем, кто убежать-то и не собирался.

Во дворе кроме транспорта, на котором мы прибыли сюда, стояло несколько телег и один грузовой паромобиль. Вот к ним и двигалась группа китайцев из трех ярко и непривычно одетых женщин и двух молодых воинов. Мужчины явно помогали дамам донести их пожитки – посольство собиралось покидать не очень-то гостеприимный город.

Убийца находится в этой группе, вопрос только – кто из пятерых. То, что связывало меня с объектом, я по наитию называл нитью, потому что ощущал связь как тактильную галлюцинацию – будто на ладонь была намотана бечевка. Куда она уводит, я ощущал, но вот самой нити не видел, как и того, с кем она меня связала. Точнее, однажды мне удалось увидеть эту нить, когда профессор Нартов проявил ее перед тем, как разорвать.

Я замедлил шаг, пытаюсь определить, кто же из пятерых является убийцей. Дам я отмечать не стал, потому что давно понял – женщины порой бывают намного опаснее мужчин. Китаец, в котором я подозревал ракшаса, поравнялся со мной и пошел рядом. Два телохранителя княжны разошлись с намерением взять подозрительную группу в клещи.

Чтобы определить убийцу, нам придется...

Не пришлось – парень понял, что его трюк с артефактом, стирающим часть следов на ткани мироздания, не прошел, и начал действовать. Его напарник по переносу багажа умер сразу, получив метательный нож в шею. Убрав самого опасного, по крайней мере по позиционированию, соперника, убийца перешел к устранению второго по опасности. Интересно, чем он руководствовался, выбирая именно мою персону? У меня ведь в руках даже оружия нет.

Об этом всем я подумать успел, а вот вытащить спрятанный под кителем двустольный коротыш не смог – рука лишь коснулась пуговицы, которую еще нужно было расстегнуть. Прямо перед моим лицом что-то звякнуло, и метательный нож отлетел от плоскости меча, который очень вовремя подставил предполагаемый ракшас. Я с какой-то отстраненной

апатией подумал, что тренировки с Евсеем нужно ужесточить до предела. До кровавых, мать их, мозолей и пота!

Через секунду китаец с мечом закрыл меня своим телом, точнее, встал между мной и убийцей. Только в фильмах схватка двух профессионалов длится больше нескольких секунд, а здесь все произошло практически мгновенно. Телохранители княжны хоть и контролировали происходящее наведенными на китайцев револьверами, но не вмешивались. Да и не было такой необходимости. Два бойца сошлись даже без звона клинков. То, что убийца вооружен еще чем-то, кроме метательных ножей, я увидел, когда его обезглавленное тело сначала упало на колени, а затем завалилось на бок. В руках труп все еще сжимал два коротких и узких меча.

Китайки визжали. Телохранители княжны равнодушно спрятали револьверы. Кого-то из водителей генерал-губернаторского кортежа вырвало. Я воспринимал мир какими-то рублеными образами, но через секунду все пришло в норму. Это либо отходняк от ритуала, либо просто усталость. Хотелось выпить чего-то жгуче-продирающего, а затем поспать. Но – увы, это лишь мечты.

Во двор вывалилась вся высокородная шушера – и ну галдеть. Я тихонько отошел в сторону, но меня быстро нашли и взяли в оборот.

– Господин видок, что здесь произошло? Отвечать! – вспылil полицмейстер Омска.

Странно, в прошлый раз он производил впечатление непростого дядьки – умеющего и дурачком прикинуться, и жестко надавить. Неужели княжна и этого разбередила? Учитывая то, что князь от нее смылся аж в Топинск, вполне может быть.

Я осторожно покосился на великую княжну и сцепился с ней взглядами. Такое впечатление, что мне за шиворот сыпанули ковшик колотого льда. Даже в затылке заломило.

Ох и непростая дамочка.

Словно прочитав мои мысли, княжна улыбнулась одними уголками рта. Это была даже не улыбка, а так – ее призрак. Пока мы с княжной переглядывались, в дело вступила тяжелая артиллерия:

– Геннадий Павлович, не нужно так горячиться, – примирительно улыбнулся полицмейстеру князь, и улыбка начальника подействовала на подчиненного как взгляд Каа на не самого смелого бандерлога. – Думаю, в откровениях нашего видока необходимости нет. Все уже благополучно разрешилось. Ведь так, ваше высочество?

– Да, инцидент исчерпан, – милостиво кивнула великая княжна.

– Ну вот, – позволил себе улыбку князь. – Вы, конечно, снимите, как

положено, показания и предоставьте господину видуку место в служебной гостинице. Вам ясно?

– Так точно, ваше сиятельство! – попытавшись втянуть изрядный животик, отпраповал полицмейстер.

Он уже понял, что накосячил. Не сильно, но существенно. Впрочем, мне было плевать, и должность чиновника по особым поручениям генерал-губернатора давала такую возможность.

Жилы из меня он все-таки попытался вытянуть, но муторный опрос все же не перешел в допрос, несмотря на пылкое желание полицмейстера. Анастас Денисович, как мог, смягчал процедуру, так что со старшим следователем мы расстались, как обычно, тепло и со взаимным уважением.

Полицмейстер, конечно, приказал мне отправиться в ведомственную гостиницу и сидеть там безвылазно. Этот приказ я решил проигнорировать, едва он прозвучал. Так что тихонько шепнул Анастасу Денисовичу, что меня в случае чего пусть ищут в известном ему отеле, и наконец-то покинул полицейскую управу.

Вечер постепенно вытеснял из города дневной шум и гам, укутывая Омск в уютные сумерки. В воздухе разливались великолепные запахи. Здесь весенние деньки начались немного позже, чем в согретом Стылой Топью Топинске, но даже в этой робкой нерешительности весна была прекрасна.

Напряжение наконец-то начало покидать меня, но желание хорошенько выпить и закусить никуда не делось. Тем более что я знал чудесное местечко, где все мои желания можно удовлетворить, так сказать, одним махом. Называлось это место отель «Европа». Он был не так шикарен, как «Россия» или «Венеция», обустроенная приехавшим в Омск итальянцем, но номера и обслуживание были на должном уровне. К тому же из-за относительно скромных размеров к постояльцам там относились с особым теплом.

Поймав пролетку, я быстро добрался до гостиницы и прямо с порога ощутил то самое особое отношение.

– Игнат Дормидонтович! – как родному, обрадовался метрдотель. – Мы очень рады вас видеть.

– Взаимно, Степан Николаевич, – улыбнулся я молодящемуся мужику с явно крашеными шевелюрой и бородкой-клинышком.

Несмотря на некоторые особенности этого человека, я старался общаться с ним вежливо, насколько позволяла разница в социальном статусе. Это ему очень льстило, а я мог рассчитывать на дополнительную конфиденциальность и лояльность.

– Вы к нам надолго? – с показной надеждой, которая, впрочем, была не такой уж наигранной, спросил метрдотель.

– Не знаю, – пожал я плечами, – может, на пару дней, а может, завтра уеду. Мой номер свободен?

– Да, – улыбнулся метрдотель, даже не взглянув на стойку с ключами или в свой гроссбук, – но вот ваш любимый столик сейчас занят. Зато свободен тот, что у окна, который вы предпочитаете под настроение.

– Хорошо, накройте ужин на одну персону, а я пока освежусь.

Юркий портье, который являлся племянником метрдотеля, провел меня в номер и щербато улыбнулся, получив на чай двугривенный.

Номер ничем не удивил – все на привычных местах. Широкая кровать, два платяных шкафа. Справа дверь в ванную комнату, а слева – в комнату для слуги с отдельным выходом, где обычно ночевал Евсей. Меблировку дополняли: круглый стол, полдюжины стульев, софа и стол-бюро с небольшим бюстиком нынешнего императора – неброско и уютно.

Быстро ополоснувшись над большой раковиной, я подумал о находящейся внизу мыльне, но решил сначала все же поужинать.

Мои вкусы в гостиничной ресторации знали хорошо, как и платежеспособность, так что стол ломился от множества мясных деликатесов, а для затравки будет небольшая порция борща. Сейчас борщ находился в супнице, которую сторожил шеф-повар заведения. С этим товарищем у меня была особая история. Два месяца назад его обвинили в убийстве любовницы – горничной этого же отеля. Я как раз находился здесь и, наплевав на возможные проблемы, провел ритуал без санкции полицмейстера. Реальность мало отличалась от бразильского сериала: убийцей оказался ревнивый муж.

Я, конечно, получил от полицмейстера по шапке, но повар почему-то уверился в том, что, проведи ритуал местный престарелый видок, он бы обязательно отправился на каторгу вместо слетевшего с катушек мужа. В общем, отравления в этом месте мне можно не бояться, к тому же Тихомир зарежет любого, кто хоть косо посмотрит в сторону готовящихся для меня блюд.

– Здравствуй, Тихомир.

– Здравия желаю, ваше благородие, – вспомнив молодость, по-армейски вытянулся повар.

Он бы еще поварешкой отсалютовал.

Усевшись, я улыбнулся торжественности повара, а затем, получив порцию борща, взялся за ужин. Тихомир, дабы не смущать едока, бесшумно удался. В ресторации было не так уж много народу, но и тот

десяток, который наблюдал за экзерсисами повара, теперь заинтересованно разглядывал меня.

Да и плевать.

От второй рюмки ледяной водки напряжение отпустило, а вкуснейшие закуски подняли настроение еще выше. Мелькнула даже мысль послать метрдотеля за одной очень игривой дамочкой, которая освоила древнейшую профессию не столько для заработка, сколько для удовольствия. В выборе клиентов она была переборчива, но у молодого, относительно симпатичного и к тому же небедного полицейского видака имелся, так сказать, перманентный доступ к телу.

Желание так до конца и не сформировалось, о чем я даже пожалел, когда после купальни улегся в постель, – слишком уж смешливой и игривой была сопровождавшая меня горничная. Можно, конечно, и ей уделить внимание, но здесь с этим делом строго, и я только приветствовал подобные правила для персонала. И все же мысль о том, что не помешало бы сбросить остатки напряжения самым действенным способом, витала над моей головой.

Да уж, лучше бы я пригласил Жаннет.

Глава 4

Меня разбудили ближе к полуночи, что подтвердили часы, подсвеченные ночником с магической лампой внутри. Решительный стук в дверь говорил о том, что дело серьезное, раз уж Степан Николаевич не смог организовать мягкую побудку, да и вообще позволил себе беспокоить дорогого гостя в неурочный час.

В проем приоткрывшейся двери сунулась голова метрдотеля:

– Игнат Дормидонтович, простите...

– Что случилось? – прервал я извинения метрдотеля.

Он открыл дверь полностью и вошел. Сухо щелкнул выключатель, и комнату залил свет лампочки накаливания. Сейчас в этом мире шла война магического освещения и электричества. Пока с переменным успехом. Чаще всего оба направления уживались рядом. Магические светляки выигрывали за счет мобильности, а электричество брало экономичностью.

– Вас вызывает к себе ее высочество, – вместо метрдотеля ответил вошедший следом человек.

Я сразу узнал одного из телохранителей великой княжны.

– Вызывает? – присев на кровати, раздраженно спросил я.

– Потрудитесь поспешить. Ее высочество не любит ждать.

– Неужели? – хмыкнул я и демонстративно почесался.

Сам не знаю, зачем стал бесить без сомнения опасного бойца. Но я уже давно уяснил, что в сословном обществе есть свои правила, и сейчас этот чужак их нарушал, причем довольно грубо.

Я находился на действительной службе и имел свое начальство, причем почти под боком. Княжна могла попросить меня навестить ее, и только, а приказывать – лишь после разрешения генерал-губернатора. Но суть даже не в этом – великой княжне многое позволено и прощается, а вот этот красавец, пожалуй, слишком привык находиться у ноги высокородной особы, так что перенял от хозяйки взгляд свысока. Причем совершенно безосновательно. К тому же, как и любой верный пес, кусать без приказа он не станет.

– Я постараюсь выполнить просьбу ее высочества и соберусь с предельной поспешностью.

– Это была не просьба, новгородец.

Ах вот оно что! Судя по интонационному выделению последнего слова, у него какие-то претензии к уроженцам Господина Великого

Новгорода.

– Уж не приказ ли? – прищурившись, спросил я.

– Да. – Это слово телохранитель княжны прорычал и, видимо решив меня припугнуть, пустил по лицу волну частичной трансформации.

Даже так? Ну-ну.

Опыт общения с Евсеем многое расставил по своим местам в плане натуры волколаков. В моменты трансформации, даже частичной, их инстинкты приближаются к звериным, а самоконтроль резко снижается. И тут нужно вести себе как с кинувшейся на тебя собакой. Есть несколько вариантов – хвалить или одергивать. Похвала от чужого сбивает пса с толку – ведь с подобными интонациями к нему обращается только хозяин. Но здесь этот прием не пройдет, и уж точно нельзя показывать ему свой страх.

– Ты тут только все слюной не закапай, – равнодушно сказал я и, зевнув, с ленцой начал подниматься с кровати. При этом левая рука скользнула под подушку, где лежал мой двустольник.

Хотелось добавить про запах псины, но я сдержался – это уже будет совершенно ненужная провокация, особенно при таких силовых раскладах.

– Не боишься? – вернув себе человеческое лицо, хмыкнул оборотень, сделав шаг назад.

– Тебя или вашего брата вообще? – хмыкнул я в ответ и как бы невзначай засветил зажатый в ладони пистолет.

Оборотень презрительно оскалился, а я вернул ему настолько лучезарную улыбку, чтобы он понял – с этой игрушкой не все так просто.

– Вообще, – совершенно спокойно уточнил ночной гость.

Теперь стало понятно, что меня прощупывали «на слабо». Уж не по приказу ли княжны? Моя старая душа это поняла и отметила как интересный факт, а вот молодое тело отреагировало на подначку вспыхнувшим лицом и волной злости, которую пришлось срочно гасить.

– Если честно, предпочел бы встречать вашего брата пореже. Надоели, – ровным тоном, как на светской беседе, изрек я.

После моего недвусмысленного знака метрдотель запустил в номер горничную, которая начала сноровисто подносить мне одежду и временами помогать одеваться. Купальню я вчера покинул в гостиничном халате, а моя форма прошла через заботливые руки прислуги, так что сейчас радовала взгляд свежестью и чистотой. Волколак меня совершенно не стеснял. Поняв это, он криво улыбнулся и вышел в коридор.

Степан Николаевич демонстративно вытер носовым платком пот со лба:

– Игнат Дормидонтович, вы простите ради бога...

– Пустое, – отмахнулся я от извинений, – у вас все равно не получилось бы его остановить.

– А он... – робко поинтересовался метрдотель, сделав жест, которым взрослые показывают страшного серого волка, сопровождая сказки для малых детей.

– Да, – улыбнулся я и, отстранив горничную, поблагодарил ее: – Спасибо, милая, дальше я сам.

После моего подтверждения полумистического статуса охранника княжны и метрдотель, и горничная синхронно перекрестились, а затем быстро удалились из номера.

Вот такой парадокс. Они прожили в этом мире с рождения и смотрят на оборотней как на сказочных персонажей. А я живу здесь только полгода и уже успел устать от этой публики. Сначала был пытавшийся убить меня наемник купца, которого мы на пару с Евсеем упокоили, хоть и с большим трудом. Затем ракшас на энергетическом заводе. Ну, этого я видел не вживую, а благодаря трансу. После вообще странный насекомоподобный оборотень, на котором профессор Нартов ставил свои опыты. И это не считая свидания с упырицами и стригами. На последнем таком randevу меня едва не разорвала очень миленькая девушка. Миленькой она была, пока не обросла зубами и щупальцами. До сих пор дрожь пробирает, когда вспоминаю это свидание.

– Я готов, – лучезарно улыбаясь, заявил я телохранителю княжны, который дожидался меня у дверей номера.

Мое веселье было совершенно фальшивым, и в этот момент я корил себя за то, что не прошелся вечером по оружейным магазинам. Вот теперь придется ехать на ночь глядя, имея при себе всего лишь не очень-то серьезную пукалку, хоть и не раз спасавшую меня от гибели. Ну и еще есть кое-какой сюрприз от моего оружейника.

У входа в гостиницу нас ждал паромобиль. Этих аппаратов в городе не так уж много, поэтому я сразу узнал технику из гаража генерал-губернатора. Причем водительское место было пустым. А это многое говорило об отношении князя к госте города. Обычно водители-механики от своих железных скакунов не отходили ни на шаг.

Телохранитель уселся за руль, а я демонстративно погрузился в пассажирское отделение.

Ехали мы недолго – в принципе можно было и пешком пройти, но это так, к слову. Понятно, что княжна не будет ждать, пока я подышу свежим воздухом ночного Омска.

Вполне ожидаемо паромобиль остановился у дома, который я покинул

всего несколько часов назад.

Железные нервы у княжны. Любая другая на ее месте наверняка переселилась бы в гостиницу – подальше от места убийства. А этой хоть бы хны. Мне даже стало интересно, ради какой такой надобности меня вызвали прямо посреди ночи.

Апартаменты, занимаемые княжной, находились на втором этаже особняка, и для того чтобы попасть туда, нам пришлось пройти через два поста охраны. Сначала это были китайцы. Они лишь смерили меня пристальными взглядами, из которых относительно доброжелательным был лишь взгляд уже знакомого мне ракшаса. Второй пост состоял из телохранителей княжны. Вот здесь меня обыскали и изъяли мой двустольный коротыш.

Только после всех этих манипуляций была открыта заветная дверка, и я вошел в покои княжны. Если честно, я ожидал всего, чего угодно, – от стола с чрезвычайной «тройкой», решившей допросить меня насчет незаконного вселения в чужое тело, до огромной кровати с лежащей там в соблазнительной позе княжной. Реальность, как всегда, преподнесла сюрприз. Да, это был некий аналог будуара, но какого-то слишком уж семейного. Княжна сидела за туалетным столиком с большим зеркалом и умащала себя кремами.

Вид она имела хоть и домашний, но вполне утонченный. Халат с пышным воротником, может, и выглядел бы пристойно, оставаясь его хозяйка стоять, но в сидячем положении немного оголялось ее бедро, что делало обстановку в комнате до предела неформальной. Еще больше формализм ситуации разрушал прилегший на софу мужчина. Одет он был в обтягивающие брюки с подтяжками, а также свободную рубашку с широченными рукавами и кружевными манжетами а-ля мушкетеры. Мало того, было сразу видно, что у туалетного столика этот субчик провел не меньше, чем его супруга.

Нетрудно догадаться, что в таком виде рядом с княжной мог находиться только ее супруг граф Скоцци. Он, как и большинство итальянцев, был горбонос, смугл, но некие детали немного выделяли его образ из национального типажа.

Не понял, он что, подвел глаза и завил волосы? Да и вообще граф был далек от брутального образа Челентано. С другой стороны, метросексуалы тоже пользуются косметикой, но тут, пожалуй, не тот случай, а совсем даже наоборот.

Если насчет метрдотеля «Европы» у меня еще имелись сомнения, то с графом было кристально ясно, что он имеет очень нестандартную

ориентацию в интимных вопросах. Гомофобией я точно не страдаю, хотя имею один неприятный опыт. После окончания института мы с друзьями гудели в одном баре, и поверьте, это и близко была не «Голубая устрица». Там и появилась компания ярко разодетых и покрашенных... как бы это помягче выразиться... нетрадиционалов. Один из них по какой-то ведомой только ему причине решил подкатить именно ко мне.

Честно, я потом долго смотрел в зеркало, пытаюсь найти в своем отражении компрометирующие черты. Не нашел.

Подкат бы недолгим, но довольно агрессивным.

Из этого случая я вынес два урока. Первый – бить таких ребят нужно аккуратно, потому что хиловаты. Второй и намного более полезный вывод – в общении с девушками нужно придерживать свой энтузиазм и внимательно следить за ответной реакцией. Побывать в шкуре того, к кому нагло и развязно пристают, было неприятно, но познавательно. После этого случая я пару раз общался с геями, которые оказались вполне адекватными и нормальными людьми. Но – увы, как в той истории с ложечками: осадочек остался.

Боюсь, что этот осадок и отразился на моем лице, когда я увидел графа.

– Не понравился, – с легким итальянским акцентом сказал граф и манерно вздохнул. – Инкрещиозо.

– Душа моя, – каким-то совсем домашним и теплым голосом обратилась к мужу эта Снежная королева, – говорите по-русски. Порой ваши слова звучат как оскорбления. Вам было мало последней дуэли?

По интонации итальянца я и так понял, что слово не ругательное, но уточнение все же успокоило меня окончательно.

– Я выразил сожаление. – Отложив небольшой томик с чем-то наверняка романтически-слащавым, граф поднялся с кушетки и подошел ко мне. – Позвольте представиться, граф Скоцци. Называйте меня Антонио. Ну или на людях Антонио Пьерович.

Граф смешно сморщил нос и протянул мне руку. Без жеманности – просто и открыто. Рукопожатие у Антонио оказалось на удивление крепким. Улыбнувшись мне, он подошел к княжне, положил ладони на ее плечи и поцеловал в макушку:

– Бона ноте, миа кара.

– Доброй ночи, дорогой.

Ну прямо семейная идиллия. Чтобы посмотреть на своего мужа, княжна чуть повернулась, при этом оголив ногу еще больше. Но мой взгляд прикипел отнюдь не к соблазнительному бедру: он впился в украшение на

шее девушки.

Так вот что она прятала под высоким воротником! Это, конечно, не ошейник, который вешают на заводских арестантов, но руны в ажурном ожерелье я узнал мгновенно.

Стрига!

Тварь намного опаснее оборотня, потому что не ограничена навязанной предками боевой формой, и вообще непредсказуемая и склонная к боевой истерике. Говорят, что у них две души, но энергетики отрицают это. Они утверждают, что за демоническую ипостась отвечает темная часть раздвоенного сознания. Именно эта больная часть личности формирует нестандартную и до оторопи жуткую форму псевдоплоти.

Княжна тут же почувствовала мои эмоции и опасно прищурилась, а ее муж, судя по всему, откликнулся уже на реакцию супруги. Он сделал два шага вперед, становясь между нами. Причем его поза выдавала опытного бойца.

Да уж, теперь понятно, чем закончилась дуэль с бедолагой, который на свою беду не знал итальянского языка и обладал слишком уж болезненным самолюбием.

– Все в порядке, дорогой. – Теперь уже княжна положила руку на плечо напрягшегося мужа. – Он не желает мне зла.

Неприятно, когда о тебе говорят в третьем лице, но это не самое обидное, что мне приходилось выслушивать и в той, и в этой жизни. Княжна трогательно положила подбородок на плечо уже вернувшего себе вальяжность Антонио:

– Какой интересный мальчик. Он не только понял, кто я, но и почему-то уверен, что сможет мне навредить. Ведь так, Игнат Дормидонтович?

– У меня нет привычки нападать на женщин.

– А ради защиты? – очаровательно улыбнулась княжна. – Только интересно, чем вы могли бы мне навредить? Вас же обыскали на входе.

– У каждого свои секреты.

– Какой интересный мальчик, – повторила княжна и пристально посмотрела мне в глаза, а затем перевела взгляд на Антонио, – и ведь не обижается на «мальчика».

– С чего бы? – решил я немного похамить. – В нашем разговоре это скорее должно задевать вас.

– Интересный и колючий, – сказал граф и окинул меня оценивающим взглядом.

Я всем своим видом показал, что от подобного осмотра отнюдь не в восторге.

– Инкреционо, – теперь уже жеманно вдохнул граф и еще раз

поцеловал жену в висок. – Не буду вам мешать.

Интересно, в чем? Что-то меня на похабщину потянуло. И всему виной теперь уже скрывшееся за полой халата бедро княжны.

Учтиво раскланявшись со мной, граф оставил свою жену наедине с посторонним мужчиной. Впрочем, с его наклонностями ревновать он скорее стал бы меня к ней.

Когда дверь за Антонио закрылась, княжна вернулась в кресло перед зеркалом. А я остался посреди комнаты. Да и вообще на этой почти пижамной вечеринке в своем парадном мундире я выглядел, мягко говоря, нелепо.

– О вас рассказывают много любопытного, – проведя ватной подушечкой по лицу, сказала княжна.

– Вот уж не было печали.

– Вы не тщеславны? – удивилась девушка.

– Я не настолько глуп.

Игра в пространные вопросы и не менее пространные ответы быстро надоела княжне, и она перешла к конкретике:

– Это ведь вы арестовали профессора Нартова?

– Да, хотя по официальной версии он умер.

– Профессор многое для меня сделал, – как бы сама себе сказала княжна, явно делая мне некий намек.

Но напрягаться я не стал и спокойно ответил:

– И для меня тоже.

Мои слова удивили ее.

– Тогда почему вы позволили посадить его на цепь? – зло прищурившись, спросила княжна и для выразительности постучала ноготком по собственному шейному украшению. – Это, знаете ли, тяжкая ноша.

– У меня был выбор между смертью друга и его арестом.

– А третий вариант даже не рассматривался?

– Если вы говорите о свободе, то к ней в довесок шли будущие смерти большого количества девушек, которых профессор без сомнения пустил бы на опыты. Да и на меня у него были планы, которые мне не очень-то понравились.

– Какие же?

Княжна встала и подошла ближе. Я ощутил аромат ее духов, и голова немного закружилась.

Это что, какие-то алхимические любовные штучки?

– Он хотел оставить меня в живых, но без памяти. К тому же при этом

был шанс стать умалишенным, – удалось мне выдавить из себя. – А я в такие игры не играю.

– А в какие игры ты играешь, мальчик? – грудным, полным неги голосом проговорила княжна, и я почувствовал, как у меня на груди потеплел подаренный обсуждаемым профессором амулет.

– В эти тоже стараюсь не играть. Молод еще, так что предпочитаю обходиться без дополнительных возбудителей.

Амулет тут же перестал нагреваться.

Теперь уже я разозлился и с вызовом посмотрел в глаза улыбающейся женщине.

– Какой интересный мальчик, – закусив губу, сказала она.

– Вы это уже говорили, ваше высочество.

Княжна сделала еще один шаг и приблизилась ко мне вплотную. Наши лица разделяло всего несколько сантиметров. Она словно передавала мне инициативу, намекая на гарантированную взаимность. Все так, но подобные дамы не бывают настолько великодушными. Поэтому я продолжал смотреть ей в глаза, оставаясь без движения.

Помню, как в похожей ситуации поцелуй ведьмы Эммы больше напоминал укус, а вот Снежная королева поцеловала меня очень мягко и осторожно. Дальше тоже все пошло неспешно и плавно, как в медленном танце, но что-то подсказывало мне – сюрпризы не за горами.

Мы переместились на кровать и полностью избавились от одежды. Но когда через некоторое время наконец-то должны были достигнуть кульминации, княжна потянулась рукой к ошейнику.

Кикимору мне в тещи! У нее там что, застежка вместо замка?

От того, что это дикое предположение оказалось верным, меня прошибло холодным потом. В такой ситуации любое возбуждение должно было исчезнуть без следа, но страх неожиданно разжег его еще сильнее. Тихо звякнув, ошейник упал на кровать, и княжна начала меняться. Она была прекрасным монстром. Вслед за страхом возбуждение подстегнула еще и боль. Десяток коготков вспорол кожу на моей спине, я же максимально сильно, едва ли не до хруста костей, сжал изменившееся, но все еще соблазнительное тело. И тут словно лопнула до предела натянутая струна.

Наваждение схлынуло, и через мгновение я остался на кровати в полном одиночестве.

Похоже, обнимашек не будет.

Княжна, вернув своему телу человеческий облик, пошла к туалетному столику, на ходу застегивая ошейник.

И красиво пошла, скажу я вам.

Чтобы лучше видеть, я повернулся на бок и непроизвольно застонал.

Вот зараза, глубоко пропахала!

Княжна обернулась на звук и мило улыбнулась. Усевшись перед зеркалом, она позвонила в маленький колокольчик. Дверь тут же открылась, и в комнату вошла служанка в традиционном наряде горничных – закрытом платье, белом переднике и в чепчике на голове. В руках она несла какую-то баночку. Я попытался прикрыться простыней, но под мягким, при этом настойчивым, давлением рук служанки просто лег на живот. Порезы на спине защипало, но терпимо, так что я не стал реагировать.

Когда понял, что процедура закончена, и повернулся, я увидел, что служанка стоит у кровати, удерживая в одной руке мои брюки, а в другой рубаху.

Вот такой ненавязчивый намек на то, что мне пора удалиться.

Одевался я быстро, почему-то раздраженно отпихнув заботливые руки служанки. Довольно неоднозначная ситуация. Княжна вновь надела маску Снежной королевы.

И как только у нее это получается, особенно учитывая, что из одежды на ней сейчас только ошейник?

В подобной ситуации вопросы о нашей близости были бы сущей глупостью, но уходить молча мне не хотелось:

– Это профессор Нартов помог тебе примириться с темной сущностью?

– Как ты понял? – удивленно спросила княжна.

Маска Снежной королевы дала трещину. Она щелкнула пальцами. Служанка поднесла халат и помогла госпоже скрыть наготу.

– Одна его подопечная пыталась меня убить. Она менялась, оставаясь в здравом рассудке.

– Но ты здесь, и живой, несмотря на вашу встречу.

– Как сама видишь, – улыбнулся я, потому что ситуация выровнялась, не позволяя ей смотреть на меня свысока.

Мальчишество, конечно, но все равно приятно.

– Как?

– У каждого свои секреты. – Сделав небольшой шаг назад, я поклонился. – Ваше высочество.

– Господин видок, – кивнула мне великая княжна.

Обратно я прошел тем же маршрутом. Телохранитель-оборотень вернул мне пистолет и явно намеревался доставить обратно в гостиницу, но я лишь отмахнулся:

- Сам доберусь. Здесь недалеко.
- Как пожелаете, – похабно улыбнулся телохранитель.
- Зубы спрячь, не по чину оскал, – жестко приказал я.

Как ни странно, мой собеседник не стал лезть в бутылку и даже потупил взгляд.

Это что, сказались заработанные моим дерзким поведением очки уважения или сработал новообретенный статус фаворита его хозяйки? Боюсь, что как раз второе. Да и плевать!

Весенняя ночь в Омске особым теплом не радовала, но эту прохладу все же можно было назвать свежестью, а не холодом. В общем, было хорошо. В голову полезли довольно странные мысли.

Вспомнились слова Александра Сергеевича из моей родной реальности:

Как много нам открытий чудных

Готовит просвещения дух...

Ага, особенно в плане сексуального просвещения. Бывало у меня по-всякому. Я знал, что такое смесь страсти и нежности, – как с ожидавшейся меня в Топинске Глашей. Испытывал и чистую, словно медицинский спирт, не замутненную примесями страсть Жаннет. С ведьмой Эммой я познал, что такое смесь страсти и злости, а Дарья показала всю степень накала смешавшихся со страстью страха и боли.

Хотя «это самое» со стригой – конечно, уже перебор. Так и до садомазо недалеко. Чур меня, чур!

Ночь была прекрасна, а спать после всего случившегося уже не хотелось. Так что бродил я по ночному Омску больше часа, пока за мной не увязались все-таки два каких-то субчика. Конечно, моя форма их сдерживала, но надолго ли? Так что от греха подальше я повернул в сторону гостиницы.

Вернувшись в номер, немного почитал, затем сон все же сморил меня, и проспал я почти до десяти утра. Может, продрых бы и дольше, но опять был разбужен громким стуком.

– Да что же за день такой? – вздохнул я, присаживаясь на кровати. – Кто?

- Это я, командир, – слышался голос Евсея.
- Заходи.

Казак вошел в номер, втащив за собой мой оружейный баул и командировочный чемодан с одеждой.

– Что будем делать? – с непонятым энтузиазмом спросил Евсей.

Ну и что мне теперь ему сказать? Ничего, кроме грубой правды, на ум не приходило:

– Сейчас пойдешь на вокзал и купишь нам на вечер билеты домой.

Лицо оборотня вытянулось:

– Это как?

– А вот так, – развел я руками и принялся одеваться. – Все, что от меня требовалось, я уже сделал. До вечера погуляем по городу и отправимся восвояси.

Если честно, была у меня мысль остаться в Омске на пару дней – пообщаться с Жаннет, обойти магазины, но эта идея как-то быстро выцвела. К тому же дома остались незавершенные дела. С контактами Кочевряжа в Омске мне все равно не дадут поработать, да и не до того сейчас и князю, и полицмейстеру. Так что нужно побыстрее узнать, что там вытряс Дмитрий Иванович из продажного полицейского. К тому же обязанности видока не позволяли мне прохлаждаться без дела вдали от охотничьих угодий.

Впрочем, до вечера времени было много, и мы успели не только обойти с десяток магазинов, но еще и неплохо посидеть в ресторане. Так что на вечерний поезд садились с целой грудой свертков и слегка навеселе.

Глава 5

Путешествие на поезде было намного медленнее и скучнее, чем перелет на дирижабле. У меня даже появилась безумная идея как-то обзавестись собственным цеппелином, но при этом я понимал всю сказочность подобного замысла. И дело даже не в деньгах, хотя и в них тоже. Мало ли сколько мне удастся поднять здесь на спланированных из родного мира изобретениях, но вряд ли сильные мира сего потерпят настолько статусную вещь в руках какого-то провинциального видока. На данный момент дирижабли в личной собственности есть лишь у четверых великих князей, ну и, естественно, у императора.

Даже «Стремительный» формально не принадлежал княжне, а был приписан к министерству иностранных дел. Кстати, в штате этого учреждения княжна не числилась, а всего лишь сопровождала графа Скоцци – чрезвычайного полномочного посланника департамента внешних сношений при министерстве иностранных дел империи. Хотя всем и каждому было понятно, кто в этой парочке главный. Даже неформальное присутствие члена императорской семьи в чрезвычайной делегации автоматически повышало ее статус и эффективность.

Так что придется вам, Игнат Дормидонтович, довольствоваться паромобилем. Ну, еще можно придумать что-то пооригинальнее. Есть одна задумка для прогулок по реке – кататься на лодочке, махая веслами, не хотелось, а Стылая была слишком мелкой и илистой для обычных катеров. Так что есть смысл попробовать аэросани-амфибию, на которой получится и зимой по снегу рассекать, и летом по затопленной части болот путешествовать. К тому же можно не сомневаться, что и эта идея принесет мне денег благодаря стараниям Давида Ароновича Бронштейна – отпрыска уважаемой еврейской семьи и по совместительству юридической династии. Нет, слава богу, к Троцкому он никакого отношения не имел, но парень все равно очень шустрый. Он с месяц дулся на меня за то, что я отдал другому стряпчему работу по привилегиям на вулканический каучук. Затем осаждал меня требованиями изобрести что-то не менее масштабное, а после перешел в партизанский режим. Дава регулярно посещал нашу широкопрофильную механическую мастерскую и трепал нервы моему партнеру Боре Хвату. Так что любое усовершенствование сразу проходило оценку на предмет поймать с него чуток золотишка.

За размышлениями об аэросанях и начертанием в блокноте

предварительных эскизов дорога прошла почти незаметно. Ближе к ночи мне удалось даже поспать, хотя делать это в сидячем положении я не люблю.

На вокзал Топинска мы прибыли в десять часов утра и сразу погрузились на извозчика. Хотелось домой, чтобы помыться в нормальном душе и переодеться: за два дня форма успела мне изрядно надоесть.

Странно – обычно Чиж выскакивает из дома, едва услышит, что кто-то въезжает во двор. Особенно когда я в отъезде. А сейчас бывшая пожарная каланча казалась вообще незаселенной.

Пока Евсей загружался багажом из коляски, ворча о том, что все обленились и никто не спешит ему на помощь, я взбежал на крыльцо и вошел в прихожую. Сделать получилось только два шага, как тут же закружилась голова.

Не понял!

Быстро погасив в себе желание двинуться дальше, я выскочил наружу. Несколько вдохов свежего воздуха исправили ситуацию.

Неужели Чиж растопил печь и проспал утечку угарного газа? Но этого просто не может быть, потому что за печью и за домом в целом неустанно следит домовая. К тому же от угарного газа меня не могло бы размотать так резко.

Быстро объяснив ситуацию тут же подобравшемуся оборотню, я решил зайти с другой стороны, причем в буквальном смысле этого слова. Миновав крыльцо, мы подошли к закрытым воротам гаража.

– Стой здесь, – приказал я и, глубоко вдохнув, ринулся внутрь помещения, как в воду нырнул.

Затем была короткая перебежка к стоявшему в гараже паромобилю. Точнее, к ящику для инструментов, который размещался под сиденьем в пассажирском отсеке.

В самом начале моей карьеры видока произошел любопытный инцидент. Один затейник пытался осложнить мне работу, разбрызгав на месте преступление очень вонючую субстанцию. Расчет был, в принципе, верен, но не до конца. Тогда я воспользовался пожарным рукавом, чтобы дышать воздухом, который подвели снаружи. Во избежание подобного конфуза в дальнейшем и чтобы еще раз не пришлось вызывать пожарных, я чуток помучался с энергетическим каучуком, стеклом и различными наполнителями для банки фильтра. Получилось изделие, знакомое всем родившимся в Союзе по занятиям начальной военной подготовкой.

Запас воздуха в груди заканчивался, поэтому пришлось оперативно, как в армии, напаяливать на себя противогаз. После этого был осторожный

вдох. На всякий случай я подошел к выходу из гаража, но головокружение не повторилось. Да и дышалось легко, конечно учитывая несовершенство самодельной конструкции. Корпус фильтра у меня был из тонкой жести. Внутри два десятка слоев пропитанной раствором соды и затем высушенной марли, а также прослойка активированного угля. Был ли уголь по-настоящему активирован, я не знал – просто прокипятил березовый уголек так, как когда-то вычитал в одной из интернет-статей.

Для начала я заглянул в каптерку моего оружейника. Он лежал там на своей кровати в таком виде, будто и не просыпался с ночи. А ведь Василич – пташка ранняя, впрочем, как и Чиж. Нащупав слабый пульс на шее старика, я с облегчением вздохнул, хотя беспокойство еще осталось.

Оружейник хоть и не обладал излишним жирком, но весил изрядно. Хорошо, что Евсей дождался меня у ворот и быстро перехватил безвольное тело. Я же сразу побежал в нашу гостиную-приемную. Как и ожидалось, Чиж устроился прямо на кушетке. Обычно он ночевал наверху в казарме, но, когда меня не было, почему-то перебирался в гостиную. Парень тоже спал как уколота веретеном принцесса, но его тащить было намного легче.

Как только вошел в комнату, я сразу заметил странный цветок в вазе на подоконнике, но внимательнее к нему присмотрелся только после того, как проверил пульс у Чижа.

Ну и что это за сорняк такой? Цветок выглядел странно. Большие, толстые и мясистые лепестки ядовито-красного цвета окружали корону такого же жирного пестика. У меня сразу возникло подозрение, что странная ситуация в доме и этот цветок как-то связаны между собой. Но выяснять все подробно времени не было. Сначала я вынес Чижа на улицу и положил его рядом с Корнеем, возле которого уже вовсю хлопотал Евсей. Увы, его старания результата не приносили.

Я растерянно посмотрел на казака, сам не зная, что делать. Из реанимационных мероприятий мне известны только непрямой массаж сердца и искусственное дыхание, но здесь все это без надобности – сердце у пострадавших билось, и дышали они хоть слабо, но самостоятельно.

Только осознав свою беспомощность, я вспомнил, что не хватает еще кое-кого из членов моей команды, но суетиться необходимости уже не было. Из открытой двери на крыльцо вышел полупрозрачный человечек, и не просто так, а буксируя за собой некий лохматый груз. Домовой тащил бесчувственного кота, причем волоча его за горячо любимый хвост.

Надеюсь, никто не проболтается Леонарду Силычу о сем конфузе, а то он Кузьмичу вовек не простит подобной вольности, наплевав на благодарность за спасение.

– Кузьмич, кикимору тебе в жены! – подхватив на руки кота, вместо похвалы за спасение питомца наехал я на домового. – Ты куда смотрел? У тебя в доме чуть всех жильцов не утомили!

Вид у домового был озадаченным и даже беспомощным. Он совсем по-человечески развел руками.

– Впрочем, цветы – это не по твоей части.

В ответ домовый сердито упер кулачки в бока.

– Но мог бы и догадаться. Уж сколь веков живешь рядом с людьми. Неужели не удивился, что народ спит допоздна, как раздобревшая купчиха? Ладно, давай открывай все окна и организуй в доме сквозняк. Может, получится выдуть эту дрянь.

Домовой сокрушенно покачал головой и растаял. Через пару секунд в доме захлопали оконные рамы и завыл ветер.

Оставив спящего кота рядом с другими пострадавшими, я хотел уже позвонить в больницу со своего телефона, но решил не рисковать. Конечно, можно было побеспокоить живущего на нашей улице купца, которого я раскулачил на предмет совместного проведения телефонной линии, но этот способ вряд ли будет самым быстрым. Пока найдут доктора, пока удастся объяснить ему всю серьезность ситуации... Так что будем действовать по старинке. Соваться в гараж тоже пока не хотелось. Вон Евсей все время поглядывает на ворота, наверняка обдумывая возможность эвакуации уснувшего прямо в стойле коня.

– Побудь с нашими, пока не вернусь, – попросил я казака, а сам побежал к пролетке.

Доставивший нас с вокзала извозчик заинтересовался возникшей суматохой и сейчас стоял поодаль, дожидаясь развития событий.

– Гони в больницу! Если мне понравится твоя расторопность, получишь два рубля, – выпалил я, заскочив в коляску.

Предложение извозчику понравилось. Он пронзительно свистнул и огрел кнутом свою лошадку. Та обиженно всхрапнула, но сразу же набрала приличную скорость.

Пожалуй, на гусеницах паромобиля было бы даже медленнее.

Словно пожарная команда, мы пронеслись улицами города и минут через десять остановились у входа в окружающий больницу парк. По дороге на нас косились городовые, но моя форма лишала их желания проучить лихача.

– Жди меня здесь, – бросил я извозчику, выскочив на мостовую.

Впрочем, куда он денется без заслуженно заработанных рублей?

Я хорошо знал, где находится кабинет доктора Вяльпе, поэтому

побежал туда под удивленными взглядами медсестер и больных.

– Доктор, мне срочно нужна ваша помощь! – выпалил я, ворвавшись в кабинет после формального стука.

– Я же говорил вам, что не стоит ходить по домам терпимости, – с легким эстонским акцентом нравоучительно изрек доктор.

Он почему-то подозревал меня в страшной распущенности и при наших редких встречах все норовил прочитать лекцию о половой гигиене.

– Ян Нигульсович, что вы такое говорите?! – вполне обоснованно возмутился я. – У меня люди пострадали от нападения растения из Топи.

Доктор тут же сделал стойку. Он вообще переселился в Топинск, чтобы изучать энергетически измененные живые организмы. Конечно, этот ярый естествоиспытатель с большим удовольствием поковырялся бы скальпелем в Евсее, но и агрессивное растение ему было небезынтересно.

Собрался он со скоростью одевающегося курсанта военного училища. И уже через пару минут мы загружались в пролетку.

Пока ехали, доктор все донимал меня вопросами о подробностях нападения. Я, как мог, отвечал на них, но утолить любопытство Яна Нигульсовича был не в состоянии и, кажется, немного разочаровал его. Он наверняка уже нарисовал у себя в голове картинку, в которой монструозное растение гоняется по каланче за ее обитателями.

К чести доктора, как только мы прибыли на место, он не стал требовать предоставить ему виновника переполоха, а сразу бросился к лежащим на траве телам. Чиж с Корнеем до сих пор так и не проснулись, что резко усилило мое беспокойство.

– Ну как, доктор?

– Пульс ровный. Хорошо наполненный. Думаю попробовать нашатырный спирт.

Он сразу перешел от слов к делу. Из потрепанного жизнью саквояжа был тут же извлечен пузырек темного стекла. После второго вдоха паров нашатыря Корней закашлялся и попытался отмахнуться от пристающего к нему человека. Старый солдат едва не заехал кулаком по носу доктора. Хорошо, Евсей успел перехватить его руку.

Ну и слава богу – если такой приткий, значит, не сильно пострадал.

Простое и действенное, как весло, средство сумело пробудить и Чижа. Так что через пару минут, когда они отдышались, я смог приступить к расспросам:

– Откуда взялась эта дрянь?

Вопрос был обращен к Корнею, как к тому, кто оставался в доме за старшего.

– Какая дрянь? – удивленно спросил оружейник.

Он явно вообще не понимал, о чем идет речь.

– Здоровенный и мерзкий цветок в горшке на подоконнике.

– Так там были лишь два миленьких цветочка. Их Петька вчера приволок в горшке. Говорил, что удачу в дом принесут, – сказал оружейник и повернулся к хлопавшему глазами Чижу: – Осипка, как, он сказывал, цветочки-то называются?

– «Счастливые глазки», – тут же ответил обладающий прекрасной памятью паренек.

Скрипнув зубами, я повернулся к Евсею:

– Бери пролетку и дуй за этим ботаником-вредителем. Скажешь извозчику, что накину еще рубль.

– Сделаем, – кивнул казак и еще раз с тоской посмотрел на дверь конюшни.

– Езжай, мы сейчас же займемся твоим Орликом.

Казак кивнул и, придерживая рукой саблю, побежал к пролетке.

– Игнат Дормидонтович, вы не забыли, что я не ветеринар? – тут же дал о себе знать Ян Нигульсович.

– А как же сравнить влияние яда энергетически измененного растения на человека и животное с большой массой тела? – хитро прищурившись, высказался я.

– Ну, если вы так ставите вопрос...

– Именно так.

– Горазды вы играть словами, Игнат Дормидонтович, – добродушно упрекнул меня доктор и поправил съехавшее на сторону пенсне. – Показывайте своего пострадавшего с большой массой.

Сначала появилась мысль войти в гараж, надев противогаз. Но как тогда удастся понять, выветрился ли газ? Так что, оставив противогаз в сумке, я просто сделал пару шагов за ворота и осторожно вдохнул. Затем выдох, и еще раз вдох.

Вроде ничего страшного.

Ворота были распахнуты настежь, а домовый успел раскрыть еще и окна под потолком. К тому же наш пациент уже показывал признаки жизни.

Орлик пытался встать на ноги и, несмотря на свои солидные даже для лошади габариты, выглядел как только что родившийся жеребенок. В том смысле, что его ноги тряслись и подгибались. Не знаю, какая это была попытка, но и она не удалась – Орлик завалился на бок.

– Простите, Игнат Дормидонтович, но я не представляю, чем смогу помочь этому животному. Очевидно, что на такой большой организм

ядовитый газ подействовал не так сильно и из крови был выведен значительно быстрее. О последствиях можно будет судить только через некоторое время. Да и то я стану наблюдать лишь ваших помощников.

– Хорошо, Ян Нигульсович, этого будет вполне достаточно. Если понадобятся деньги, можете рассчитывать на любую сумму.

– На любую? – удивленно переспросил доктор.

– Да. Как вы сами сказали, это мои люди, и мне за них отвечать.

– Что же, подобное отношение к подчиненным делает вам честь. Но пока я не вижу необходимости в серьезном лечении. Просто положим их в клинику и немного понаблюдаем. Ну а мне все-таки хотелось бы получить обещанное и увидеть этого растительного монстра. Где он?

Понимая, что доктор готов ринуться прямо к цели, я немного остудил его пыл:

– Давайте не будем торопиться. Лучше всего, если я вынесу его на открытое пространство. Подождите меня на улице.

– Хорошо, – кивнул доктор, при этом почему-то одарив меня подозрительным взглядом.

Неужели он думает, что я решил припрятать эту гадость для себя? В доме она мне и даром не нужна. Я бы эту икебану, мать ее, вообще спалил, но, раз уж обещал доктору, пустим ее на опыты.

Поднявшись на крыльцо, я все же надел противогаз и вошел в прихожую. Через нее попал в гостиную и направился прямо к подоконнику. Все окна были открыты, так что газ наверняка выветрился, но надо быть совсем идиотом, чтобы соваться к магическому цветку без противогаза. Подойдя ближе, удалось рассмотреть, что, возможно, Коготь подсунул нам свинью неумышленно. Толстый стебель растительного монстра пророс в центре горшка, при этом он раздавил собой два знакомых мне цветочка. Пожухшие «счастливые глазки» безвольно лежали на сырой земле.

Прямо ботаническая трагедия.

Я осторожно взял горшок в руки и пожалел, что не надел перчаток. К счастью, цветок вел себя спокойно и не пытался ни укусить меня, ни ухватить какими-нибудь побегами.

Что-то у меня воображение разыгралось.

Со всеми предосторожностями растение было выдворено из дома и поставлено на траву подальше от тех, кому оно уже успело навредить. Как ни странно, доктор сначала посмотрел не на магический цветок, а на меня.

– А что это у вас за приспособление?

– Где? – прямо в противогазе спросил я и тут же, догадавшись, о чем говорит доктор, снял защитное устройство. – Вы о противогазе?

– Противогаз... – задумчиво повторил Вяльпе.

Похоже, он видит такую штуку впервые. А действительно, если мне не изменяет память, в моем мире его изобрели где-то ближе к Первой мировой.

– Интересно, – разглядывая протянутый мной противогаз, сказал доктор. – И в нем можно дышать в любом дыму?

– Не знаю. Но если он выдержал ядовитый газ, то можно рассчитывать на многое. Нужно просто подумать о составе фильтра.

Так, судя по выражению лица доктора, он уже думает, как использовать новый девайс в своих целях. Нужно поскорее показать противогаз Боряну и Даве. Конечно, доктор не станет опережать меня с патентом, но мало ли кому он похвастается новой игрушкой.

– Вы позволите? – указав взглядом на противогаз, спросил Ян Нигульсович и, увидев утвердительный кивок, тут же напялил его себе на голову.

По крайней мере, попытался. Пришлось помогать: ведь у интеллигентного эстонца не было моей армейской практики.

Защитив свое дыхание, доктор принялся осматривать будущего подопытного. Осмотр закончился на удивление быстро. Сняв противогаз, доктор повернулся ко мне:

– Я заберу его в лабораторию.

– Только не отравитесь, усердствуя.

– Но вы же дадите мне ваш противогаз? – старательно повторил он незнакомое слово.

Ну, честное слово, как ребенок – дядя, дай конфетку. С другой стороны, обижать доктора не хотелось.

– Хорошо, Ян Нигульсович, но только позже. Вы, главное, позаботьтесь о том, чтобы в больнице никто не отравился.

– Не беспокойтесь. У меня там особый флигелек для биологических опытов. Туда никого не пускают, – заявил доктор и, хитро прищурившись, добавил: – Сам придумывал сказки о страшных болезнях, чтобы отпугнуть любопытных сестричек. А то от них никакого спасу нет.

– Только как вы повезете его к себе? – перешел я к технической части проблемы.

– Вы видели емкость для перевозки реагентов с энергетического завода?

– Нет, – честно признался я.

– Она закрывается герметически и по размеру вполне вместит в себя это растение вместе с горшком. Даже не помню.

Мы еще поговорили о странностях растительного мира Топи, а затем по улице примчалась коляска с Евсеем и Когтем. Я решил не мучить извозчика и сразу сунул ему пятерку. Затем погрузил в транспорт доктора со слабо сопротивляющимися пациентами и клятвенно пообещал Яну Нигульсовичу охранять эту мерзость до его возвращения.

Перед тем как начать мотать жилы бывшему шатуну, я осмотрел Леонарда. Кот уже начал слабо шевелиться, так что выкарабкается. Уж этот по живучести даст сто очков форы и людям, и лошадям.

– Ну а теперь рассказывай, Борджио ты недорезанный, чем тебе так насолили Василич с мальчонкой?

Судя по помятому виду Когтя, Евсей уже провел предварительную беседу, напугав бедолагу до чертиков. А в случае с бывшим шатуном это довольно сложная задача. Под моим грозным взглядом Коготь попытался рухнуть на колени, но тут же был вздернут казаком за шиворот и поставлен на ноги.

– Вот те крест, барин. Знать не знал, что такое приключится. Хотел отблагодарить за доброту вашу и поставить в доме на удачу «счастливые глазки». Чтобы, знать, всем хорошо было.

– Да уж, им было очень хорошо. Так хорошо, что едва не окочурились. – Чуть подумав, я вздохнул и уже спокойным тоном спросил у шатуна: – Сам-то как думаешь, откуда взялась эта мерзость?

Покосившись на блаженствующее под лучами солнца растение, Коготь почесал в затылке.

– Только леший мог такое сотворить. Говорят, он вообще по лесным растениям мастак. Кочевряж без него дурман-цветок ни в жизнь бы не вырастил, да еще и цельный лужок.

В чем-то бывший шатун был прав, да только что делать с его правотой?

Больше не нуждаясь в помощи Евсея, кивком я разрешил ему проведать Орлика. Оборотень тут же убежал в конюшню. Еще минут через двадцать явился и доктор, ошарашив меня тем, что вытащил из коляски бидон для молока. Ну, прямо один в один. Я чуть не засмеялся, но затем понял, что действительно конструкция для целей энергетического завода самая оптимальная.

Погрузив в бидон горшок с цветком и закрыв рычажные запоры, он удалился, при этом не забыв потребовать у меня противогаз, на что получил решительный отказ: у меня на него возникли неожиданные планы.

– Ян Нигульсович, я привезу его вам уже к вечеру, потому что появились дела, для которых может понадобится противогаз.

Доктор с разочарованной миной смирился с моим упрямством, но все же при отбытии поблагодарил за помощь. В ответ он услышал уже мою искреннюю благодарность и, чуть подобрев, укатил на коляске со счастливо улыбающимся извозчиком.

Похоже, водитель шустрой кобылы получил пару рублей еще и с доктора.

Выскочивший из конюшни Евсей убежал за ветеринаром, Леонард Силыч уполз к соседке, которая его за истребление мышей подкармливала молоком, так что у каланчи остались только мы с Когтем.

– Ну и что будем делать? – спросил я у притихшего подчиненного.

– А чего мы можем-то? – грустно вздохнул бывший шатун.

– Есть варианты, – задумчиво ответил я и еще раз попытался проанализировать неожиданно возникший в голове план.

На первый взгляд изъянов в нем не было – ведь сумели же мы как-то приструнить лешего в прошлый раз. К тому же мне очень хотелось испробовать инновационный метод охоты на свободных энергентов, именуемых в народе духами. Насколько я знаю, ведьмаки как-то умудряются их развеивать, то есть разрушать сложную энергетическую структуру. Но там свои секреты и наборы артефактов, часть из которых, по слухам, вживляются прямо в тело ведьмака.

Все еще гоняя идею по мозгу, я вернулся в гараж и начал готовить паромобиль к выезду. Можно было бы оставить эту затею до завтра, но злость и исследовательский зуд не давали покоя. К тому же мне просто нечем было заняться. Возвращаться в каланчу и тем более спать там я не собирался еще пару дней – мало ли как повлиял этот странный газ на внутреннюю атмосферу. Так что некоторое время мы с Евсеем проживем в гостинице, а оружейник с юнгой отлежатся в клинике. У Когтя свой дом, в котором он благополучно и пережил ботаническую атаку. Так что в ближайшие дни в каланче будут жить лишь два злейших друга – домовый и кот. Впрочем, кот всегда мог уйти в загул по соседским кошкам, что он проделывал регулярно, в любом настроении и без оглядки на сезонность.

В общем, получалось трудное решение – со злостью на лешего спорил инстинкт самосохранения, но, если потакать этому инстинкту, можно докатиться до агорафобии.

Ладно, предоставим право решать тому, кого подобные сомнения посещают реже.

Выгнав пыхавший паром вездеход из гаража, я выбрался наружу и громко позвал:

– Леонард Силыч, будьте добры, покажите свою наглую морду.

Через десяток секунд листва на растущем у забора дереве зашуршала, и на траву прыгнул кот.

Кто бы сомневался: нахлебался молока – и словно не травили его таинственными газами.

– Леонард Силыч, а не хотели бы вы прокатиться со мной в Топь?

Выражение морды кота говорило о нешуточном удивлении и легком оскорблении его тонкой натуры – позвали и почему-то вместо колбасы предложили незнамо зачем переться на болота.

Ну, насчет незнамо зачем мы сейчас проясним:

– Я тут надумал поохотиться на того, кто отравил вас и других обитателей сего дома.

Боже, сколько экспрессии!

Шерсть на Леонарде встала дыбом. И мне даже показалось, он немного трансформировался. Впрочем, без амулетов профессора это максимум, на что он сейчас способен. А вот раньше... даже вспоминать страшно.

Немного успокоившись, кот с решительным видом двинулся к паромобилю.

Ну что же, доверимся звериному инстинкту.

– Собирайся, – сказал я Когтю, а сам пошел в гараж, куда Евсей только что протащил плюгавенького мужика.

Если честно, в моем представлении ветеринары должны выглядеть как эдакие медведеобразные друиды. Хотя что я понимаю в ветеринарах.

Плюгавенький гость уже вертелся рядом со вставшим на ноги Орликом. Что-то щупал и даже нюхал. Заглядывал тяжело дышащему пациенту в глаза и зубы. Рядом с обеспокоенным видом отирался Евсей. Вид у коня помятый, но ему было явно лучше, чем час назад.

– Евсей, нам нужно вернуться на тот остров и пообщаться с лешим.

Услышав упоминание хозяина леса, ветеринар замер и втянул в плечи увенчанную картузом голову. Евсей беспомощно оглянулся на Орлика, который, зараза, тут же изобразил из себя умирающего лебедя.

Ну вот почему в этом доме сплошь такая хитрая живность?

Единственной слабостью казака был его конь, и, как я подозреваю, он же являлся его единственным другом. У меня просто не хватило решительности тащить за собой изнывающего от беспокойства лошадника.

– Ладно, – отмахнулся я. – Занимайся конем. Сами справимся. Дорожка уже протоптана.

Мне оставалось лишь сбегать наверх, переодеться и собрать снаряжение. Постоянно казалось, что в помещении пахнет чем-то

подозрительным. Но при этом голова не кружилась и чувствовал я себя вполне бодро.

Ох, чую, уют в этот дом вернется не скоро.

Коготь уже обустроился в пассажирском отсеке, а Леонард занял свободное место в водительском сегменте вездехода. Так что мы выехали без задержек.

Глава 6

Путь к болотному острову был мне знаком, и добрались мы без малейших задержек. На часах половина четвертого, так что времени у нас просто завались. Быстро разберемся с духом-террористом и даже успеем на не слишком поздний ужин. Может, даже приглашу Давида с Борей в трактир и расскажу о своих странных приключениях в Омске. Надеюсь, при этом ничего не нарушу. Впрочем, подписки о неразглашении с меня никто не брал.

Мне бы еще вспомнить поговорку о том, что «если хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах».

За время нашего отсутствия остров ничуть не изменился. Паромобиль я остановил там же, где и в первый раз. С этой стороны водных разливов почти не было, и подъезжать близко к полуозерам-полулужам не очень-то и хотелось – знаем, плавали. Причем в прямом смысле этого слова.

– Ну, пошли, пообщаемся с обнаглевшим лешим, – бодро призвал я к действию нашу команду, хотя моя уверенность в правильности происходящего таяла с каждой секундой.

Леший встретил нас практически на том же месте. Коготь энергично промахнулся мимо тропы и зашагал в просвет между кустами. У меня на груди потеплел амулет, а вот Леонард тихонько зашипел и замер на месте, глядя на разлапистую ель.

Я быстро сдернул с пояса светозумовую гранату и метнул ее под елочку. Бухнуло знатно. Коготь от неожиданности присел и начал испуганно оглядываться. С елки посыпались мелкие ветки и какая-то труха, а у подножия расплылось облако серебряного порошка. Не факт, что это леший, но вой в ушах возник какой-то очень уж потусторонний – на одной ноте, которая постепенно выцвела.

Кажется, попал! На свою беду. Уж лучше бы промахнулся.

Когда вой развоплощенного энергента растворился в шорохе леса, реквиемом ему откуда-то из глубины острова пришел утробный рокот. Земля под ногами задрожала, а деревья вокруг заскрипели с какой-то демонической злобой.

Коготь и Леонард очень уж похоже пискнули. Кот инстинктивно присел и прижал уши к голове. Глаза у Силыча стали размером с блюдца, и в них плескался первобытный страх.

Первый раз вижу такое в его исполнении.

А вот бывший шатун, наоборот, вытянулся на цыпочках, пытаясь что-то разглядеть сквозь стену леса. Выглядел, как говорится, краше в гроб кладут. Ни кровинки в лице, а рот перекошен судорогой. Похоже, меньше всего здесь испугался именно я, но это скорее можно объяснить полным непониманием ситуации, чем запредельной отвагой.

Из глубины леса послышался треск – казалось, будто сквозь заросли прорывается большое стадо лосей.

– Что это? – решил я нарушить групповое молчание, и мое слово стало триггером для действий.

– Владыка Топи, – хрипло выдохнул Коготь.

Затем он как-то странно посмотрел в мою сторону. Мне почему-то сразу вспомнился анекдот про чукчу, которому не нужно бежать быстрее белого медведя, достаточно просто обогнать геолога.

То, что я угадал, стало понятно, когда Коготь подпрыгнул, словно перепуганный заяц, и с заячьей же скоростью припустил через кусты. Направление он выбрал правильное – в противоположную сторону от места, где находился вездеход. У бывшего шатуна достаточно навыков, чтобы выбраться из Топи пешком, а вот у меня есть только мой паромобиль и единственный известный маршрут.

Радовало одно – Леонард остался со мной. Он, конечно, тоже дал деру, но на повороте тропы остановился и посмотрел на меня как на идиота.

Намек был прозрачен, как слеза комсомолки, и я припустил за котом. А позади нас нарастал шум. Такое впечатление, что через лес проходила волна цунами. Причем треск и рокот сопровождались прерывистым ревом.

Кажись, кто-то выпустил кракена. Тьфу, зараза, и что за ерунда лезет мне в голову?! Тут бы не сбить дыхание и не упасть.

Бежавший впереди кот резко вильнул мимо тропы. У меняхватило ума повторить его маневр. И очень вовремя. На тропу начали падать ближайшие деревья. Какая-то сила вырывала их с корнями, поднимая в воздух тонны грунта. Это точно не леший – такой экологический геноцид у них не в чести.

Наконец-то вдали показался наш паромобиль. Осталось пробежать под уклон метров сто, и мы получим шанс оторваться. Я так обрадовался, что не заметил, как обогнал кота. Его предупреждающее шипение тоже было тупо проигнорировано, и тогда мой усатый друг решился на крайние меры. Прямо на бегу он запрыгнул мне на спину, сорвал папаху и вцепился когтями в волосы. Кажется, даже скальп задел.

От неожиданности я упал и полетел кубарем. В процессе все же сумел содрать с себя взбесившегося кота.

– Что ты творишь, скотина! – заорал я на кошака, но тот проигнорировал мой крик, потому что смотрел куда-то в сторону.

Проследив за его взглядом, я увидел, как вокруг паромобилия прямо из болотного мха вырастают мощные корни и, обхватив аппарат, сминают его, словно консервную банку. Мало того, уже смятую машину корни попытались утащить под мох, но, видно, до твердого грунта там было недалеко, и поэтому процесс погружения закончился почти сразу – на поверхности торчала лишь корма с задней парой гусениц. Впрочем, в нашей ситуации это уже незначительные нюансы – выбираться все равно придется на своих двоих. И делать это нужно быстро, потому что корни начали выползать теперь уже из земли островного берега в опасной близости к нам.

– Сорри, погорячился, – перевел я взгляд вновь на кота, который уже задал стрекача, и мне нужно было как-то не отстать от него.

Не знаю, видел ли мой проводник что-то незримое для меня или просто инстинктивно чувствовал опасность, но он как-то умудрялся находить безопасный маршрут. Когда мы вырвались из зарослей острова, стало немного легче. Похоже, для змееподобных корней нужны растущие неподалеку деревья или, по крайней мере, твердый грунт, а здесь только мох и болото под ним. Впрочем, облегчение продлилось недолго. Казавшаяся достаточно надежной поверхность болотного наста, которая и тяжелый паромобиль выдержала без особых проблем, вдруг пошла волнами. Причем волнами довольно крутыми. На своем пике одна из них подбросила меня метра на два вверх и вперед. Благо приземление оказалось мягким, так что полет я пережил благополучно и вновь взвинтил темп бега до предела.

Леонард, естественно, был резвее меня, и ему даже приходилось притормаживать, за что коту огромная благодарность и мысленное обещание кормить дорогой колбасой до глубокой старости. Конечно, если при таких раскладах у нас еще будет эта самая старость.

Мишистая равнина закончилась неожиданно быстро, хотя, как мне помнится, на паромобиле мы ехали по ней минут пятнадцать. Снова начался пока еще не очень густой лесок. Я опять ждал появления оживших корней и вбегал туда с замирающим сердцем. Задержать дыхание не получалось, потому что к тому моменту я дышал как загнанный лось.

К нашему с Леонардом общему удивлению, никаких сверхъестественных аномалий растительного характера не случилось. Зато нас догнала какая-то тварь. Бегущий впереди по все еще очень сложному маршруту кот внезапно затормозил и, развернувшись, встал в боевую позу

– спина выгнута, шерсть дыбом, а не такая уж маленькая пасть оскалена, и все это одобрено злобным шипением. Наполненный решительной злобой взгляд кота был направлен мне за спину.

Еще на первых тренировках Евсей не раз убеждал меня в том, что оборачиваться на бегу – не самая разумная идея и так поступают только кандидаты в смертники.

Если появляется опасность, от которой не убежишь, и ты осознал это, уже набрав приличную скорость, лучше уйти в контролируемый кувырок. Что я и проделал, лишь успел осмотреть дорожку, по которой буду катиться: не хватало еще влететь в дерево. Перекатившись через голову и развернувшись, я встал на одно колено, уже сжимая в руке револьвер из правой подмышечной кобуры.

Решение было принято инстинктивно и очень своевременно. Я успел лишь дважды пальнуть в брюхо пролетевшей надо мной твари. Три оставшиеся пули ушли в спину пытавшейся затормозить то ли крысы, то ли хорька. Уронив опустошенное оружие в траву, я потянулся за револьвером в набедренной кобуре – мне нужен был калибр побольше. «Крыса или хорек» в данной ситуации только звучит несерьезно, а вот выглядит более чем внушительно, если уточнить, что размером это создание было с небольшого пони.

Калибр «кобальта» крысу-переростка не впечатлил, а вот пули «крашера» ему совсем не понравились. Первые два выстрела отбросили мутанта назад, но не успокоили.

Да он совсем обезумел! Животные не должны себя так вести – с вырванными из груди кусками мяса и с развороченной левой стороной головы он явно не собирался убегать.

Кикимору мне в тещи! Да у него же кости черепа видно!

Либо здесь все мутанты больные на голову, либо зверь уже сам себе не хозяин. По моей спине пробежалась волна холода, грозящая перейти в тремор рук. И такое со мной уже бывало. Сжав зубы, я потратил лишние полсекунды на прицеливание. В барабане осталось всего три патрона. Доставать второй «крашер» времени нет, к тому же в нем только резиновые пули.

Последнюю пулю я выпустил, уже заваливаясь на спину, при этом прекрасно видя, как она разворотила череп крысака вместе с частью содержимого. Это только в фильмах, получив пулю в голову, лев два раза дергается и замирает перед ботинками горделивого охотника. На самом деле все еще не смилившееся со смертью тело умирает долго, и агония может быть даже опаснее атаки живого хищника. Но это если находиться

от него в непосредственной близости. Крысак в последнем прыжке опять перелетел через меня, но не полностью, и лапой задел мою голову. Пока я откатывался в сторону, задние конечности зверя выделяли такие па, что оставили два очень неприятных пореза на моей шее и груди. То, в каком состоянии оказалась папаха, говорило, что я еще легко отделался. Кровь из ран лишь немного сочилась, так что срочная перевязка не требовалась. А нужно немедленно бежать.

Посмотрев на своего проводника, я понял, что наше бегство закончилось, потому что стало бессмысленным. А еще через секунду и сам почувствовал это всем своим естеством. Кот обреченно прижимался к земле, в глазах у него отразилась вся скорбь кошачьего народа. У меня вид наверняка был не лучше.

Похоже, схватка с крысаком нужна была лишь для того, чтобы задержать нас. И то, что гналось за нами от болотного острова, уже здесь. Мысль о побеге я отбросил не из-за страха или обреченности, а по более логичной причине: кусок леса, в котором мы находились, оказался закольцован по периметру внезапно разросшимися кустами. К тому же на вполне безвредных еще секунду назад кустиках появились очень внушительные шипы.

У меня возникло чувство, что с нами хотят поиграть как кошка с мышкой, как это обычно любил делать Леонард.

Вот и отлились кошке мышкены слезки. Ну а я тут при чем? Впрочем, причина очевидна: развеянный леший. И вот тут моя вина вполне ясна. И не только для нашего преследователя, но и для меня самого.

Внезапно росшая рядом сосна взлетела вверх, как луковица, которую выдернули из грядки. На нас посыпались комья грунта. И тут Леонард бросил хандрить и прыгнул в сторону. Я на одних инстинктах скакнул за ним. В то место, где мы находились еще секунду назад, ударилась дубина корневища сосны. Затем лесной гигант с треском и скрипом начал заваливаться в сторону. Хорошо, хоть не в нашу. С шоком мне удалось справиться, только когда вверх взмыла вторая сосна и пришлось опять прыгать за котом.

Самонадеянный я идиот! Поверил в рассказы профессора, что никакой мистики нет, а есть всего лишь энергенты различной мощности... Стоп, энергенты!

Я всем своим нутром ощущал, что тот, кого Коготь назвал Владыкой Топи, не просто рядом, а буквально вокруг нас. Но если на секунду допустить, что он очень сильный, но все-таки энергент, то...

Когда совсем рядом в землю ударило второе корневище вместе с

десятком тонн грунта, я уже срывал с пояса гранаты и разбрасывал их по сторонам. Когда улетела четвертая, теоретически должна была закончиться задержка в первой.

– Леонард, закрой уши и глаза! – заорал я и тут же последовал собственному совету.

С секундными интервалами по кругу ухнули четыре заряда. Я тут же открыл глаза и увидел, что третье дерево лишь вздрогнуло каждой своей веточкой, но все же осталось корнем в земле. Лишь чуточку покосилось. Вокруг воцарилась неестественная тишина. И только щелкали и шуршали опадавшие веточки и иголки.

Это затишье не зря показалось мне неестественным, потому что через мгновение разразился ураган. В реве ветра, обрывавшего ветки на деревьях и подхватившего меня, словно пушинку, я услышал долгий утробный вой. А может, просто разыгралось воображение в моем мало что соображавшем от страха мозгу.

Хоть как-то сориентироваться в пространстве удалось лишь через десяток секунд, и это меня не порадовало, так как я осознал, что оказался метрах в тридцати над землей, а компанию мне составлял кот и куча разного хлама, который поднял вверх самый натуральный торнадо. Именно он под моим изумленным взглядом уплывал куда-то вдаль. Надеюсь, не в сторону Топинска. Впрочем, мне бы сейчас собственные проблемы решить.

Тот хрупкий момент, когда подброшенное тело замирает в высшей точке, продлился недолго, и мы рухнули вниз. Мы – это я, куча мусора и Леонард, который как-то умудрился зацепиться за мою одежду.

В итоге эта сволочь летела вниз как Серебряный серфер из комиксов. Серфером был Леонард, а доской стал я. В отличие от героя фантастики, для нас доступным было только одно направление полета – вниз. Так что вполне понятно, почему кот орал отнюдь не от восторга: он был на одной ноте, даже не удосуживаясь делать перерывы на вдох.

Одна польза от этой скотины – его вой и впившиеся в мою спину когти отвлекали меня от паники. Так что когда мы рухнули на крону дерева, мне даже удалось сделать попытку торможения, чтобы оставить целой хоть одну кость. Попытка была так себе, хотя как посмотреть.

Все мои телодвижения ни к чему не привели, но результат-то был. Пару минут я лежал, пытаюсь определить, который хруст из нескольких десятков был произведен моими костями, а который – ветками принявшей нас ели. Боль верхней части спины была адской, и от страшной мысли меня пробило в холодный пот.

Так, стоп. Падал я мордой вниз и приземлился так же. Почему тогда

болит спина?

– Леонард, скотина ты этакая. Слезь с меня, – прохрипел я, все еще не делая попыток встать на ноги.

Боль в спине резко усилилась – кажется, эта сволочь выдирает из меня свои когти прямо с мясом. Моим мясом! Затем стало немного легче. В поле моего зрения всплыла озабоченная морда кота.

– Я тебе мысленно обещал самую лучшую колбасу до конца дней, – хрипло проговорил я и увидел в глазах все еще перепуганного кота робкую надежду. – Так вот, серфингист ты хренов, будешь жрать кашу.

Надежда в глазах Леонарда умерла, так и не родившись.

Очень хотелось просто полежать прямо здесь и не шевелиться как минимум сутки, но нужно проверить свое состояние. То, что ничего особо не болит, еще не значит, что все цело и это не последствия шока.

Вставал я как древний дед – с оханьем, стоном и скрипом зубов. Особенно было мучительно видеть пышущего здоровьем кота.

– Ты бы хоть притворился пострадавшим.

Кот никак не отреагировал на мое заявление и всем своим видом показывал, что готов двигаться дальше. И что самое интересное, у нас был шанс уйти отсюда. Разросшиеся кусты как-то пожухли. Новые, неестественно появившиеся побеги увяли, а иголки уже не выглядели опасными. Да и я сам чувствовал, что рядом никого нет. В смысле той могущественной сущности, которая на нас охотилась. Понятия не имею, что это за тварь, но где-то на краю сознания мелькало понимание, что мы имели дело с ребенком. Он вел себя как маленький мальчик, который тыкал палкой в жука и пытался отрывать ему лапки из чистого любопытства, а когда тот укусил его, с воплем отбросил все и побежал жаловаться мамочке.

Теория так себе, но в тот момент она показалась мне вполне правдоподобной. Кот продолжал излучать желание убираться отсюда подальше, но для начала нужно было попытаться решить внезапно возникшую проблему – найти утерянные вещи. Пока нас молотило и швыряло, из меня много чего выпало. К примеру, обещанный доктору противогаз. А еще оба «крашера». Заряды к нему остались, но толку от этого без самих револьверов! Гулять по окраине Стылой Топи без крупного калибра не хотелось, но пришлось – все пропавшие вещи как корова языком слизнула, и пять минут поисков ни к чему не привели.

И вот мы вновь тронулись в путь. Кот прекрасно справлялся с ролью проводника, что очень радовало: сам бы я блуждал очень долго. Впрочем, и у него получалось неидеально. Когда мы пересекали очередную поросшую мхом проплешину, чтобы попасть к следующему участку леса, где-то на

втором десятке шагов я ухнул вниз и очутился по грудь в болотной жиже. Лео повернулся ко мне, всем своим видом выражая крайнее недоумение.

– А о том, что я в десять раз тяжелее тебя, ты не подумал?

Удивление в глазах кота сменилось скепсисом.

Ну да, он прав. Что-то в последнее время я слишком много требую от существ, разумных только условно, – от того же Леонарда или Кузьмича. Хотя уровень интеллекта модифицированного кота не стоило недооценивать – мало ли что там нашаманил профессор Нартов.

К счастью, вляпался я не в пресловутую трясику, хотя минут десять повозиться пришлось. В итоге оказался изгваздан в грязи по самую макушку. Перепачканную и порядком изодранную одежду придется выбросить, но не это беспокоило меня больше всего. Хотя серьезных ран вроде не было, стоило как можно скорее добраться до дома и медицинской помощи. Принимать грязевые ванны в таком состоянии не самая полезная затея.

Чем дальше от центра Топи, тем менее странный лес нас окружал. Приблизительно через час болотные проплешины исчезли вообще, и появился шанс, что с мутировавшими животными мы больше не столкнемся. И только я об этом подумал, как произошла не самая приятная встреча в моей жизни. Мы как раз пробирались сквозь густой малинник, когда Леонард громко зашипел. Ответом ему было глухое урчание, от которого у меня волосы встали дыбом, несмотря на изрядную корку грязи. Не то чтобы это урчание звучало как-то совсем уж inferнально, просто нервы были на пределе.

Затрепав ветками малины, к нам вышел медведь. Нет, не мутант, вполне обычный топтыгин. Леонард зашипел громче, явно нарываясь на драку, медведь в ответ заревел и двинулся вперед с явно агрессивными намерениями. И тут котяра меня сильно удивил. Со злобным мяуканьем он бросился на медведя и вцепился ему в морду.

Он что, вспомнил былые времена, когда мог трансформироваться в жуткого монстра? Так те денечки канули в лету, как и его артефактный ошейник.

Сильный зверь резко потрянул головой, стряхивая обезумевшего кота, и как заправский баскетболист отправил его ударом лапы в стремительный полет. В шуршании ветвей пушистый снаряд исчез за зарослями малины. Затем мишка сердито повернулся ко мне и двинулся вперед. Даже выхватив оба «кобальта», я не почувствовал себя уверенней – с таким калибром на медведей не ходят.

Но делать что-то надо, и я нажал на курки, но по какому-то наитию

сделал по два выстрела из обоих стволов мимо туши медведя. Громкий звук зверю не понравился. Похоже, у него с ним были нехорошие ассоциации и воспоминания. Топтыгин как-то обиженно чихнул и, резво развернувшись, дал деру.

Услышав сердитое шипение, я посмотрел вниз и увидел вылезшего из кустов Леонарда – помятого, с репьями в шерсти, но целого и здорового.

Кто бы сомневался.

Кот буравил меня недовольным и слегка удивленным взглядом.

– Не смотри так, я специально промазал. – Мой ответ прозвучал как оправдание, так что пришлось добавить: – Иди ты лесом!

Кот воспринял мой посыл как руководство к действию и двинулся дальше.

За последние полгода мне дважды удалось миром разойтись с обычными животными – с волком у жилища стриги-кукловода и вот сейчас. А со всякой энергетической мерзостью, как тот же кукловод, его упырицы и крыса-переросток, у меня как-то не клеится – все норовят попробовать на зуб мое молодое тело.

Может, это знак? Может, стоит держаться от Стылой Топи как можно дальше? Решено – буду заниматься своим делом и постараюсь не лезть в мистику, будь она хоть сто раз реальностью, изученной энергетической наукой. Неплохо было бы принять это жизненно важное решение до того, как отправляться охотиться на леших. Будем надеяться, что я из тех дураков, которые все же учатся, хоть и на своих ошибках.

Из-за леса этого видно не было, но солнце явно уже близко к горизонту и сумерки не за горами. У меня уже появилась мысль объявить привал и отправить кота за Евсеем, но тут мы вышли к одному из окружавших Топинск хуторов. Я даже был шапочно знаком с его хозяином. И все же, оценив свое состояние, решил не позориться перед людьми и отправился дальше – до дома было не так уж далеко. Стылая Топь – это не то место, где город может разбрасывать хутора-сателлиты слишком далеко.

Увы, оценка оказалась чересчур самонадеянной – до каланчи я добрался на последних каплях силы воли. Взглядов прохожих от усталости я уже не замечал, но понимал, что слухи пойдут наверняка. Топинск – городок небольшой, да и я здесь личность известная, так что о моем неподобающем виде завтра будут знать все. Спасало одно: сумерки уже навалились на город, и рассмотреть все подробности этого непотребства зевакам было довольно трудно.

Проще всего в наш дом попасть именно через гараж, тем более что створки ворот были открыты. Изнутри лился мягкий свет и доносился

голос Евсея.

Шагнув через порог, я увидел идиллическую картину. Орлик твердо стоял на всех четырех копытах и с удовольствием принимал заботу своего хозяина. Казак как раз проводил щеткой по лоснящемуся боку скакуна, приговаривая что-то успокаивающее.

Я хотел сказать что-то язвительное, но получилось лишь проклокотать собравшейся в горле слизью.

– Командир? – удивленно оценил казак мой не самый презентабельный вид и тут же глянул на окно под потолком. – А что, уже вечер?

Я наконец-то прокашлялся, сплюнул на пол и прохрипел:

– Ага, искать пропавшего в Топи начальника уже поздно. Давай лучше отложим до завтра.

После этого меня повело, и я отключился прямо в полете, на подлете к полу.

Казалось, тормозить меня начали еще в падении, но очнулся я лежа на кушетке в своем кабинете. Еще удивило присутствие Яна Нигульсовича с его извечным спутником – саквояжем.

– Игнат Дормидонтович, мне нужно обработать ваши раны, и будет проще, если вы помоеетесь сами. Тем более что у вас есть такая чудесная мойня.

И откуда ему известно про душ? Небось Евсей похвастался, когда возникла необходимость очистить меня от грязи.

Казак помог мне добраться до душевой кабинки и даже раздеться, но мылся я уже сам. Была бы миленькая служанка – тогда еще ладно. Но не позволять же мыть себя звероподобному мужику.

Вода в душе была чуть теплой – видно, Евсей запустил котел всего пару минут назад. Реагент поднимал температуру воды в котле очень быстро, но мыться в ней нежелательно. Так что нагрев происходит опосредованно. Хотя это даже хорошо – свежесть придала мне немного сил, которые тут же исчезли, едва я упал на кровать. Дальше доктор быстро обработал раны на ноге и шее. А вот порезы на щеке и скальпе пришлось зашивать. После он попросил меня перевернуться на живот и занялся спиной.

– Ну что же, – прокомментировал Ян Нигульсович, обрабатывая спину чем-то жгучим. – Ничего страшного не вижу. Порезы, ссадины и ушибы. Переломов нет.

Интересно, как он это определил? Неужели той штукой, которой зачем-то водил вдоль тела? Хотя чему я удивляюсь в мире торжествующей магической науки!

– Больше всего меня беспокоят раны на спине. В вас что, рысь вцепилась? Очень характерные отметины.

Повернув голову, я увидел сидящего на кушетке Леонарда. Он тут же уставился в потолок с видом оскорбленной невинности. Скотина такая!

Под спокойные комментарии доктора я и уснул. Посетившие меня утром мысли о том, что стоило бы пожить где-то за стенами подвергшейся газовой атаке каланчи, исчезли в неизвестном направлении.

Сразу скажу, что снились мне отнюдь не большегрудые гурии.

Глава 7

Утро я встретил очень настороженно, боясь сделать лишнее движение. Словно желая напомнить о вчерашних приключениях, на кровать запрыгнул Леонард и тут же принялся месить мой живот лапами, при этом урча как дизельный трактор.

– Что, доволен, скотина такая?

Надо отдать должное, вид у кота был виноватым, а еще до омерзения бодрым.

Может, в него из «крашера» пальнуть? Кстати, как раз «крашеров»-то у меня теперь и нет. Но не беда, для города хватит и «кобальтов», а в Топь я не сунусь еще как минимум лет десять. Ни за какие коврижки. Пусть там дурман-цветы хоть гектарами выращивают. В крайнем случае буду ловить наркобаронов на пересылках.

Как ни странно, попытка встать оказалась весьма успешной, да и вообще я чувствовал себя вполне сносно.

Вечно забываю, что в древнем антураже отсталого мира живет магия. Доктор явно прибег к помощи заживляющих артефактов, точно так же как вчера узнал, что у меня нет переломов. Эту версию подтверждала записка на прикроватном столике.

Ого – сто двадцать шесть рублей. Неплохо развернулся Ян Нигульсович. Но он в своем праве. Пожалуй, наш доктор единственный, кроме Давы, кто приблизительно представляет размеры моего банковского счета, так что стесняться он не стал, как и спрашивать моего разрешения на медицинские траты.

Попытка провести утренний разминочный комплекс показала, что Вяльпе не волшебник, а всего лишь дипломированный доктор с артефактом. Даже не ведун. От резких движений раны заныли, особенно оставленные котом. Так что я решил пока повременить с физкультурой и тем более с тренировками, а свое недовольство этим фактом выразил, прикрикнув на Леонарда:

– А ну брысь отсюда!

Тот все понял правильно и слинял к соседке от греха подальше.

Из-за повязок от душа пришлось отказаться и ограничиться умыванием, да и то частичным. Хорошо хоть мой юношеский пушок не требовал частого бритья. В ближайшем будущем из-за шрама это станет проблемой. С другой стороны, такая деталь добавит брутальности моему

лицу, а то приходится нагонять ее мимикой.

– Доброго утречка, Игнат Дормидонтович, – преувеличенно радостно заявил Евсей, когда я спустился по лестнице.

Он наверняка услышал, что я проснулся, и приготовился к моему появлению. В этом нет ничего удивительного – слух у оборотня, как и нюх, намного лучше, чем у обычных людей, даже без частичной трансформации. Сейчас казак хлопотал у стола, пытаясь его сервировать на свой непритязательный вкус. Обычно он этим не утруждался, да и вообще не лез в хозяйственные дела. Похоже, совесть все же сумела проковырять дырку в черствой корке на душе оборотня. Или же он просто испугался перспективы потерять заступника перед казачьей старшиной. Если бы я сгинул на болотах, его служба на империю закончилась бы, и сначала в Топинске появился бы характерник, а затем незапланированный труп проштрафившегося оборотня.

Ладно, не будем терзать мозг напрасными вопросами – казак обо мне заботится довольно искренне, а мотивы пусть остаются его личным делом.

Конечно, до готовки Евсей не опустился, просто распаковал то, что каждый день приносит нам соседка баба Марфа – стряпуха от Бога, которая подкармливала нас с момента нашего переселения в каланчу. Заходить к нам старушка побаивалась: ведь пока мы здесь не появились, Кузьмич успел запугать всю округу. Так что пришлось оборудовать современную, по местным меркам, кухню прямо у нее дома. Но это того стоило.

Расстегав с зайчатиной, блины с тремя видами начинки, сырники со сметаной и малиновое варенье. Чтобы не обожраться, пришлось приложить титанические усилия и заставить себя покинуть стол, пока это еще можно было сделать налегке.

Вкусный завтрак наложился на вчерашние старания Яна Нигульсовича, и жизнь заиграла яркими красками. Так что нечего сидеть дома. Дел хватало, и в первую очередь нужно было навеститься к доктору. Настоятельная рекомендация сделать это была написана на листе вместе с суммой оплаты за лечение. Да и не мешает проводить болящих домочадцев. Но идти к доктору с пустыми руками не хотелось – деньги, конечно, не в счет.

Тут же возникла проблема с транспортом: мой относительно новенький паромобиль приказал долго жить. Ну и как теперь выкручиваться, ведь здесь вызова такси не существует? Так что придется Евсею напрягать своего любимчика и искать для меня извозчика. На окраине города эти ребята появляются редко.

Так, стоп, а ведь мысль о вызове такси не такая уж глупая. Вернувшись

в кабинет, я подошел к столу и снял трубку с телефонного аппарата. Это была новая модель более привычного для меня вида. Так что не приходилось прижимать к уху слуховую трубку, одновременно говоря в раструб-микрофон, закрепленный на самом аппарате.

Несколько вращений ручкой позволили мне начать разговор.

– Станция, какой номер желаете? – послышался в трубке мелодичный голос телефонистки Александры Рокотовой.

Телефонисток в городе было всего шестеро, так что я знал их по именам.

– Доброе утро, Сашенька, – нарушая привычный уклад телефонного разговора, сказал я. – Не помню номер, соедините меня с гостиницей «Янтарь».

– Доброе утро, Игнат Дормидонтович, – игриво отозвалась Саша, еще больше нарушая тот самый уклад. – Соединяю.

Я невольно улыбнулся, хотя никаких особых чувств, кроме обычной симпатии, не испытывал. По инструкции туда набирали высоких дам с широким охватом рук, а это совсем не мой формат.

– Гостиница «Янтарь», – послышался в трубке незнакомый голос.

– Это Игнат Силаев. Знаете меня?

– Конечно, ваше благородие, – тут же отозвался консьерж гостиницы.

И не удивительно – единственного видока в городе мало кто не знал. А после заселения в анчуткину каланчу, схватки с кукловодом и таинственных слухов о ловле омского Мясника я вообще стал местной достопримечательностью.

До сих пор не могу определиться – радоваться мне этому или огорчаться.

– Там возле вас постоянно отираются извозчики. Пришлите одного ко мне. Не обижу. Вы знаете, где я живу?

– Конечно, ваше благородие. Сей момент.

Закончив разговор, я вернул трубку на аппарат и тут же снял ее вновь. Вращение ручкой восстановило контакт с Сашей.

– Станция, какой номер желаете?

– Сто двадцать семь, пожалуйста.

– Сто двадцать семь. Соединяю, – строго по инструкции ответила телефонистка, но игривость в ее голосе была совсем не профессиональной.

Теперь она соединила меня с телефоном в нашей мастерской. Боря был на месте, так что я просто предупредил его о скором приезде и попросил приготовить все для работы.

Я не особый любитель больших гардеробов, так что сделанные в

Омске покупки пришлись очень кстати. В итоге в мастерскую я поехал, выраженный как денди лондонский. Темно-серый костюм был почти привычным по моей прошлой жизни, только смущали закругленные полы пиджака. Но я не стал привередничать. Жилетка была стандартного образца, с цепочкой часов навывпуск, а ботинки уже моей модификации. Из местных головных уборов мне нравилась только папаха. Весной в ней жарковато, а ходить простоволосым здесь не принято. Так что пришлось в Омске заказывать модный нынче в столице котелок. Цилиндра я бы уже не вынес, а кепка мне не положена по статусу – только фуражка, но то с формой, которую я тоже недолюбливаю. В привозимых из центра империи журналах котелок уже фигурировал, так что чудачком меня не посчитают.

Глянув в зеркало, я коротко хохотнул. Если бы не стройная фигура и средний рост, получился бы Чарли Чаплин. Тонкое пальто, или, точнее, его предшественник – редингот, и трость с перчатками немного улучшили картинку, так что я счел себя готовым к выходу в свет. Двуствольный коротыш занял место в кармане пальто, как и десяток патронов для него. А для совсем уж веселых ситуаций у меня есть клинок в трости и светошумовой заряд с серебряной пылью в ее набалдашнике.

На улице послышался топот лошадиных копыт.

Похоже, это за мной.

– Я с вами, – без малейшего намека на вопрос заявил Евсей.

– Нет, оставайся на телефоне. Только не отвлекай Александру и не морочь ей голову.

– Так я же только погутарить, – лениво пожал плечами казак.

– Это ты от безделья дуреть начинаешь, а у нее работа и инструкции.

Не подставляй девушку под неприятности. Ты меня понял?

– Так точно, ваше благородие, – шутейно вытянулся казак.

Клоун.

Раздраженно фыркнув, я вышел наружу. Извозчик встретил меня лучезарной улыбкой. Наверняка консьерж передал ему мое «не обижу», а здесь к таким словам относились со всей серьезностью.

– Мастерская на Гороховой. Знаешь, где это?

– Там, где механикусы засели? – уточнил извозчик.

– Да.

Интересное у нас прозвище в народе. Надеюсь, оно не имеет отрицательного подтекста. Только погромов нам не хватало.

– Знаем. Домчим с ветерком, – радостно возвестил извозчик и щелкнул плетью.

Причем по лошади он не ударил, у нее дури хватало и без понукания –

стартанула как ракета.

Доехали минут за двадцать. Затем я отпустил извозчика, выдав ему пятьдесят копеек и еще двадцать для консьержа «Янтаря». Дороговато, но за удобство нужно платить и не скупиться, особенно если есть такая возможность.

Квартал, в котором обосновалась наша фирма, являлся самой престижной складской зоной Топинска – довольно близко к центру и вокзалу. Из-за кривизны местности, изрытой балками и речным отвалом, жилищное строительство здесь было затруднено, а вот технические помещения могли вытерпеть и не такое. Наше появление в этом секторе ничего особо не изменило, за исключением добавления в пейзаж редкой цепи невысоких столбов с телефонными проводами. Если честно, я думал, что их сопрут не позже чем через месяц, но очень уж хотелось иметь связь с мастерской. И поди ж ты, никто не позарился.

Ворота, за которыми находился двор нашей мастерской, были приоткрыты, так что не пришлось даже стучаться. Пока нам скрывать нечего, но, может, в будущем возникнет необходимость в охране. Лучше всего позаботиться об этом загодя. Так что я сделал себе зарубку в памяти.

Пройдя за ворота, я услышал, как в большом сарае стучат по железу. Перестраивать склад я не стал, потому что бывший хозяин был человеком основательным и построил здание из качественного кирпича. Да и на черепичную крышу не поскупился. Так что нанятые строители занимались лишь интерьером и немного ландшафтным дизайном во дворе, создав небольшую клумбу и благоустроив открытую стоянку.

Пройдя через небольшую калитку в воротах мастерской, я увидел, как бывший железнодорожный мастер Ярослав Андреевич Моськин пытался решить сложную проблему простыми методами – он гнул часть кузова нового паромобиля железным молотком. Увидев меня, мастер чисто инстинктивно спрятал молоток за спину – он знал, как мне не нравится уже появившаяся здесь славянская привычка доводить все до ума молотом и напильником.

Ладно, пусть этим занимается Боря – ему сдавать машину заказчику. Через неделю в городе появится второй автолюбитель, и по иронии судьбы пока единственный. Мелькнула, конечно, мысль отжать себе готовый к продаже паромобиль, но я ее отбросил – репутация дороже.

– Здравствуйте, Ярослав Андреевич.

– Здравствуйте, Игнат Дормидонтович, – расплылся в виноватой улыбке мастер, который биологически был в три раза старше меня.

Дворяне обычно обращались к представителям других сословий в

предельно упрощенной форме, получая в ответ предельное же почитание. Есть в этом и свои плюсы, и минусы. Я по старой привычке величал почти всех, кто старше меня, по имени-отчеству и получал за это определенные преференции – цеховым и мещанам льстило такое обращение дворянина. Поэтому мне и информация доставалась легче, и помощь предоставлялась рьянее.

– Борис Олегович у себя?

– А как же, там они, – ответил мастер и сделал полшага в сторону, желая закрыть собой часть паромобильного крыла.

Мужику уже за полтинник, а ведет себя как ребенок.

Мысленно хмыкнув, я пошел к некоему подобию двухэтажного домика, который занимал заднюю треть большого ангара. На втором этаже находилась конструкторская, где и обитал наш инженер, а также мой бизнес-партнер Борис Олегович Хват.

Мастер, конечно, заметил изменения в моем облике, но задавать вопросы не решился, а вот друг сразу отметил зашитую рану на щеке и всполошился:

– Игнат, что с тобой случилось?

– Ничего страшного. Работа такая, – отмахнулся я и сразу перешел к более важному вопросу: – Боря, ты видел, что там наш мастер доводит до ума молотком?

В ответ мой опять же биологический сверстник лишь нерешительно пожал плечами:

– Он обещал, что все будет хорошо.

– Ага, через годик смола отойдет и опадет вместе с краской, как и твоя репутация. Моя, кстати, тоже.

Вообще-то Ярослав Андреевич механик от Бога и проявляет буквально чудеса изобретательности. Для нас это очень важное свойство. Но вот когда нужна не сноровка, а монотонный труд, его начинают одолевать лень и разгильдяйство. Такая болячка лечится двумя способами – либо жесткий контроль и такая же жесткая мотивация, либо... впрочем, попробуем первый вариант.

– Боря, я не могу за всем следить. Если наше дело пойдет нормально, тут будет работать уже человек двадцать, а то и больше. Как ты сможешь ими управлять?

Мне хотелось задеть гордость парня, чтобы немного разозлить его, но – увы, в ответ он лишь грустно вздохнул. Это может стать проблемой в будущем. У Давы тоже нет времени заниматься руководством мастерской, а найти грамотного управляющего в Топинске довольно проблематично.

Или, может, подойти к проблеме с другой стороны...

– Боря, позови-ка сюда нашего золоторукого.

Инженер радостно кивнул и вышел из комнаты. Прямо от перил второго этажа он криком позвал мастера.

С этой мастерской вообще получилось очень интересно. После доведения до ума моего ныне почившего в болоте паромобиля мы с Борей стали изучать автомобильный рынок империи и сделали удивительное открытие. Все паромобили в стране были импортными, но при этом заводы империи могли произвести под заказ девяносто процентов комплектующих. Несколько месяцев было потрачено на поездки Бори на Урал. Затем подключился Дава, и в итоге мы из груды комплектующих собрали годный паромобиль, который, если купить его за рубежом и доставить сюда, обошелся бы раза в два дороже. И это с учетом штучного заказа на детали! А если все поставить на поток...

Я создавал эту мастерскую только для того, чтобы чем-то занять инженера и мастера на время, когда они не будут воплощать в металле и грамотно оформлять техническое сопровождение для моих идей при подаче патентов. Точнее, идей, которые я сплагиировал из родного мира. Но уже было видно, что это предприятие сможет приносить серьезную прибыль само по себе.

– Присаживаетесь, Ярослав Андреевич, – указал я на стул для посетителей, сам же уселся в кресло Бори.

Мой партнер прислонился к стене у окна.

– Тут такое дело, – изобразив смущение, сказал я, – нам необходимо урезать вашу зарплату вдвое.

Мастер сначала побледнел, а затем начал заливаться злой краской. Оно и понятно: ведь мы сдернули его с насиженного места в железнодорожном депо именно обещаниями большей оплаты. Возмущенные слова уже роились в голове мастера и готовы были вылететь наружу, но я его опередил:

– Но мы отдадим вам десять процентов акций нашей компании.

Мастер моментально растерял воинственный настрой, но меня больше волновала реакция Бори. А вот он определенно обрадовался. Из-за моей первоначальной бедности по нашему первому общему патенту больше всех получал Дава. А вот в мастерской расклад был немного другим – у меня и Давида по тридцать процентов, а у Бори, как у исполнительного директора, – сорок. И такой перекося почему-то смущал инженера. Вот теперь все будет нормально – у всех друзей поровну.

Пока я рассматривал инженера, в голове мастера шла серьезная

работа, и результат меня порадовал.

– Добро, так тому и быть. Не сумлевайтесь, я не подведу, – немного ворчливо, приосанившись, сказал Ярослав Андреевич и повернулся к Боре: – Борис Олегович, там козырек для колеса нужно гнуть на прессе. Либо пресс заказываем, либо пускай на Тешиловской жестяной мануфактуре гнут. Молотком на коленке такое делать токмо лицо пред купцами терять.

Вот это уже правильный подход.

– Закажем пресс и все, что нужно, – влез я в разговор специалистов, – и еще наймите пару рабочих. Борис Олегович, комплектующие закажите на пять мобилей. Один для меня.

– А что случилось с нашим первенцем? – за себя и Борю обеспокоенно спросил мастер.

– В болотах погиб смертью храбрых. Как настоящий боевой аппарат.

– Так, может, получится отремонтировать? – спросил Боря.

От идеи возвращения к тому острову за останками паромобиля меня даже передернуло.

– Не, я и сам туда ни ногой, и других не пошлю. Все, забыли и поехали дальше. Так, пока вы здесь, давайте обсудим еще одну идейку.

Чуть придавленные производственными проблемами творцы, прозванные в народе механикусами, тут же воспрянули духом – работать над моими чудными замыслами им очень нравилось. Полчаса мы обсуждали проект аэросаней-амфибии. Точнее, это меня хватило на полчаса, а господа технари будут мусолить проект не меньше недели. Ну и Бог им помощь. Затем я приземлил мастера, прервав его творческий полет, и утащил делать два противогаза – на замену утерянного и в подарок доктору. Для этого пришлось переодеваться в робу, чтобы не испортить новенький костюм.

Посреди процесса в мастерской появился Дава. Одетый с иголки рыжий еврей тут же принялся совать шнобель сначала в то, что делали мы с мастером, а затем в чертежи, над которыми корпел Боря. Он явно прилетел на запах выгоды от новых изобретений. Причем наверняка его вызвал мой инженер, когда узнал, что я явлюсь в мастерскую с новыми идеями.

И вынюхал все же неправильный еврей. Наброски аэросаней его почему-то не особо впечатлили, а вот в противогаз он вцепился, как коршун в суслика, едва не испортив каучукую основу.

– А это где можно применить?

– В зависимости от состава фильтра много где. В лабораториях, на пожарах, но там нужно как-то нейтрализовать угарный газ. Да и при подводных работах он будет полезен. Тут вся суть не в агрессивности

среды, а в удобстве конструкции. И вообще, может, его уже изобрели.

– Проверим, – с легким разочарованием сказал Давид.

Он явно был недоволен тем, что его чуйка дала осечку. Мне стало жаль партнера, и я осторожно добавил:

– И если кому-то вздумается применить отравляющий газ на войне, то можно использовать в армии. Особенно если брать не дорогой энергетический каучук, а мой вулканический. Будет и дешево, и надежно.

От упоминания армии, а значит, государственного заказа Давид вскинулся как гончая, учуявшая запах зайца. Он еле дождался доведения до ума первого противогаза, вырвал его у меня и умчался к Боре за техническим описанием и чертежом. Получив требуемое, Дава пулей вылетел из мастерской. Боря удивленно проводил его взглядом, стоя у перил второго этажа внутреннего домика.

– Борис Олегович, – позвал я друга, – у нас есть еще сок гевеи и реагент для него?

– Есть, но он мне нужен.

– Давай сюда, себе купишь позже, – безапелляционно заявил я.

В мастерской я провозился до обеда и там же утолил голод вместе с Борей и мастером. У них, как говорится, было с собой – жена Ярослава Андреевича готовила не хуже бабы Марфы. Да и снесь выдавалась в серьезных объемах – сердобольная мадам все пыталась откормить сублинного Борю, да и ее муж опекал начальника как родного. Так что я вовремя влез со сменой ролей в мастерской – в таких условиях субординация страдает в первую очередь.

После обеда позвонил Дава, но отнюдь не с новостями по противогазу: в век, предельно далекий от цифровой революции, информация передается со скоростью даже не черепахи, а улитки. Ну, это если сравнивать с интернетом. Давид позвал нас с Борей на вечерние посиделки в любимом трактире «Старый охотник». Также он пригласил Леху, и это хорошо – что-то у нас с бывшим коллегой отношения начали понемногу портиться. Вроде все как прежде, но запашок уже чувствуется. Вот и повод выяснить – в чем, собственно, дело.

После разговора с Давой я еще раз воспользовался услугами консьержа «Янтаря» и отправился на подъехавшем извозчике в больницу. Извозчик был тот же, и, судя по его довольной роже, он планирует стать моим персональным водителем.

Для начала заскочили в банк, а уже затем направились к городской больнице.

Ян Нигульсович встретил меня как родного, особенно заметив в руках

пакет с противогазом. Сумку мы шить и не пытались, так что пусть справляется своими силами – дареному коню в зубы не смотрят. Затем был осмотр моего слегка потрепанного тела.

– Ну что же, – резюмировал доктор, пока я одевался, – все очень неплохо. Можно было бы снять швы прямо сейчас, но я советовал бы вам походить с ними парочку дней. Ускоренное заживление не всегда идет на пользу. Но коли желаете...

– Спасибо, Ян Нигульсович, я предпочту следовать вашим рекомендациям.

– Вот и правильно, а то нынче молодежь пошла строптивая да торопливая. Всем подавай волшебное исцеление и мгновенное избавление от срамных болячек.

На очередной намек на мою распутную жизнь я просто не прореагировал.

– Кстати, – не унимался врач, – если не секрет, не подскажите, какая кошка оставила отметины на вашей спине, но не свежие, а те, которые уже немного зажили?

– Снежный барс, – сказал я, практически не покривив душой.

На минуту даже стало интересно, какотреагирует доктор, если сознаюсь, что это была великая княжна, да еще в ипостаси стриги. Впрочем, я не настолько любопытен, так что Ян Нигульсович остался в неведении.

– Вы бы поберегли спину, – с усмешкой сказал он.

– Как там мои люди? – решил я сменить тему.

– С ними все в порядке. Можете прямо сейчас забирать их домой.

Искренне поблагодарив доктора и с лихвой оплатив его услуги, я забрал Василича и Чижа домой. Думал по дороге заехать в оружейный магазин, но Корней Васильевич сказал, что сам решит все проблемы с моим снаряжением. Мол, за это я ему и плачу, так что незачем барину ножки лишний раз утруждать. Посмеялись.

Пока суд да дело, незаметно подкрался вечер, и пришло время отправляться на посиделки с друзьями. Переодеваться не стал – и так был выражен как на бал.

«Старый охотник» с нашего прошлого «заседания» ничуть не изменился. Все тот же словно вышедший из сказки теремок в два этажа и со стенами, набранными из толстенных бревен. Интерьер в грамотно воссозданной охотничьей тематике с головами лосей, волков и медведей. Только оружия на стенах нет – от греха подальше. И правильно – даже мне пришлось поучаствовать здесь в одной драке, а заведение-то считается

очень солидным, но в жизни всяко бывает.

Помнится, в первый раз я попал сюда с пятью рублями в кармане. Практически последние деньги угробил на посиделки с новыми друзьями. А вот сейчас вхожу как король – половые, увидев дорогого гостя, суетливо забежали. Не скажу, что меня начала раздувать спесь, но все равно приятно. Появился у нас с друзьями и любимый столик в дальней части зала, которую символически защищало чучело медведя.

Дава был уже здесь. Он сразу же начал обсуждать дела.

Ну и правильно, пока нет остальных членов компании, можно и поговорить, чтобы не портить хороший вечер.

– Игнат, я тут отбил телеграмму знакомому отца из Омского гарнизона и даже получил ответ. Газы кое-где используются, но не это самое главное. Оказывается, защититься от подобной напасти можно только с помощью амулета третьего класса.

– Дороговато, – прокомментировал я, так как интересовался этой темой.

Увы, под себя амулетов пока не подобрал, хотя страшные сказки о ведьмаках, которые половину своих амулетов даже под кожу вшивают, не давали мне покоя. Но за таким добром нужно ехать в Новгород.

– В том-то и дело. А с вулканическим каучуком твои противогазы будут стоять сущие копейки. Кстати, я вычитал в «Имперском вестнике» за январь прошлого года, что мировая общественность была возмущена, когда войска Австро-Венгерской империи вытравивали буковинских повстанцев, закачав газ в пещеры.

– Жаль буковинцев.

– Жаль, конечно, – чуть сбившись с настроения, сказал Дава, но тут же вернулся в прежнюю колею мысли: – Но это повод намекнуть кое-кому в комиссариатском департаменте военного министерства, что к подобным проискам врагов империи нужно быть готовым заранее.

Если честно, я уже пожалел, что рассказал Даве о химическом оружии даже в плане защиты от него. Мало ли что щелкнет в головах под генеральскими фуражками после намеков шустрого еврея. С другой стороны, как сказал Дава, пальму первенства в этом деле уже отжали австрийцы. И все равно как-то неуютно стало.

– Честно, Дава, мне не очень хочется заниматься этим делом.

– Так я все сам сделаю. – Мои слова не остудили, а, наоборот, распалили молодого стряпчего. – Только тогда от патента мне пятьдесят процентов, тебе сорок и Боре десять.

Он явно собирался торговаться и был удивлен моим быстрым

согласием. Хорошо, что в трактире появился Леха: данный разговор становился мне неприятен. Мой бывший коллега и первый в этом мире друг вроде вел себя как обычно, но с небольшой натяжкой, так что нужно вытаскивать его на откровенный разговор.

Еще через десять минут пришел Боря, и мы толкнули первый тост. Затем опять пришлось пересказывать сказочку о неудачной прогулке сквозь кусты, которую очень вовремя скомкал Дава. Он принял горделивый вид и выложил передо мной и инженером по банковскому чеку.

Так, что тут у нас? Неплохо. Шесть тысяч пятьсот рублей в Первом промышленном банке. Интересно, за что? В разработке у нас уже три патента. Дава скромничать не стал и все выложил сразу:

– Я продал привилегии на пневматический молоток по всей территории САСШ. Это, конечно, не пятьдесят тысяч за каучук, но ведь только на одну страну, и основные права остаются у нас.

– Дава, может, хватит? Я же говорил, что решать нужно было быстро, и не я выбирал стряпчего.

– А что тебе мешало сказать этому самому стряпчему, что для деловых переговоров у тебя уже есть доверенное лицо?

– Наглое, хитрое и упрямое.

Как я и ожидал, Давид не обиделся, потому что первые два пункта он считал похвалой, а третье скорее упреком, чем оскорблением. Так что с этим другом все в порядке, тогда почему такая кислая морда у Лехи? Неужели его поведение обусловлено нашими финансовыми успехами, в которых он единственный из компании не учувствует! Это нужно срочно утрясать. Так что, решив не откладывать это дело в долгий ящик, я без обиняков вытащил его подышать свежим воздухом.

О наличии проблем я догадался верно, а вот насчет того, откуда растут ноги, ошибся. Красивые такие ноги и наверняка изящные. Хотя откуда мне знать – от моего взора ножки Елизаветы Викторовны Бабич всегда скрывала длинная юбка.

– Какие у тебя намерения в отношении Елизаветы Викторовны? – без предисловий огорошил меня вопросом Леха, который явно хотел все утрясти не меньше меня.

– Судейской дочки?

– Не называй ее так.

– Хорошо, не буду. А что касается твоего вопроса, то не было у меня никаких намерений, нет и не будет.

– А как же твое признание в любви?

Ну и что мне ему ответить? Лизу домогался мой предшественник в

этом теле, и как именно это происходило, мне совершенно неизвестно. Ну, или известно приблизительно.

– Она отказала, а я не из тех, кто просит дважды. Леша, ты же сам все знаешь, ведь мои мытарства проходили у тебя на глазах.

– Я не могу знать, что творится у тебя в голове, – хмуро заявил мой друг.

– Я тоже не понимаю, что происходит с тобой, но могу догадываться. Похоже, это у тебя появились какие-то намерения в отношении госпожи Бабич.

– Да, – упрямо мотнул головой Леха, – и если это тебя задевает, я готов дать сатисфакцию.

– Ты же вроде выпил не так уж много? – настороженно уточнил я. – Какая к чертям сатисфакция?

– Значит, ты не возражаешь против наших с ней отношений? – поняв, что взвинтил себя слишком резко и без повода, начал остывать Леха.

– Каким боком? У меня нет к ней никаких чувств... – Заметив изменения в лице друга, я все же решил чуть подправить заявление. – Ну, может, что-то и было, но оказалось лишь сиюминутным увлечением. Елизавета Викторовна барышня красивая и все такое, а мне в столь романтическом возрасте положено увлекаться. Как и тебе.

– Это не увлечение! – опять вспыхнул Леха.

Да что же ты такой впечатлительный! Меня настораживает подобный пыл. Не дай бог это внешняя накрутка.

– Да ради бога, совет вам да любовь. С удовольствием погуляю на вашей свадьбе.

– Ну, до свадьбы еще далеко... – стушевался Леха и немного покраснел.

Вот и ладушки, а то наш разговор начал меня серьезно напрягать.

Закончив наши разборки на вполне дружеской ноте, мы вернулись к остальным, и вечерника продолжилась с еще большим размахом. Драки так и не случилось, зато возникло дружное желание посетить «Русалку». Влюбленный Леха конечно же откололся от коллектива, но я не стал ему пенять и притормозил возмущение остальных, не вдаваясь в подробности. Если наш Ромео захочет, сам все расскажет.

Чем мне нравится Топинск – так это своей стабильностью. Будь то извечное и какое-то равнодушное отношение к перманентной угрозе со стороны Стылой Топи или же неизменность уклада увеселительных заведений. Как и в «Старом охотнике», в «Русалке» все было по-прежнему – псевдостоличная атмосфера и одетые как гурии вполне славянские

девушки. Изменилось только отношение моих друзей к подобным развлечениям. Дава и без того был человеком с ослабленными моральными устоями, а Боря из скромника превратился в записного ловеласа.

Нужно не забыть проконтролировать, чтобы эта его развязность не перешла в манию. И так чуть не проворонил момент, когда одна из девиц хотела познакомить парня с миром грез. У Бори хватило ума не нюхать опиумную пыльцу и к тому же рассказать о случившемся мне. На следующий же день я навестил заведение и устроил там утро стрелецкой казни. Теперь все в этом заведении немного побаивались меня, за исключением Глаши. И это было хорошо. Очень хорошо.

Глава 8

Если сравнивать со вчерашним утром, этот рассвет я встретил просто в чудесном настроении. Из сна выплыл мягко и, увидев на своей груди русую головку спящей Глаши, прижмурился как сытый кот. Конечно, то, что у меня было с княжной, имеет свои плюсы, но и вот такое постельное блаженство дарило большую радость. Я вообще любитель разнообразия во всем. Возникал закономерный вопрос: что же делает любитель этих самых разнообразий на посту полицейского видака в провинциальном городе? И если учитывать сумму на моем банковском счету, вопрос становился очень злободневным.

Можно было бы привести весомый довод, что в этот мир я попал во искупление своего греха в родной реальности. Я соврал на суде, и смерть юной девушки сошла с рук насильникам. Соврал из страха за жизнь близких мне людей, да и чего греха таить, за свою жизнь тоже, но дело не только в этом.

Прожив достаточно долгую жизнь, я понял, что много человеку для счастья не нужно. В смысле денег, да и развлечений тоже. Без них, конечно, будет уныло и пусто, но, если нет того, что делает тебя человеком, а не живущей в банановой роще обезьяной, ни кругосветные круизы, ни утонченная еда на дорогом фарфоре радости не принесут.

Свое место в жизни я нашел, и даже тот факт, что в любой момент меня могут прирезать злопыхатели, лишь добавляет остроты. А счет в банке дает возможность не думать о рутине быта и позволять себе такие маленькие радости, как вот это уснувшее на моей груди чудо.

Словно почувствовав мой взгляд, Глаша заворчалась и подняла заспанное личико. Она выглядела как взъерошенный после сна котенок.

– Вы уже проснулись?

Поначалу обращение практически постоянной любовницы на «вы» меня немного сбивало, а затем привык – Глаша переучиваться не собиралась. У нас вообще сложились странные для этого времени и места отношения. Мадам заведения сразу получила достаточную сумму, дабы не предлагать больше девушку другим клиентам. К тому же я настоял на том, чтобы днем Глаша посещала курсы кройки и шитья с претензией на моделирование. Не скажу, что мне не давали покоя лавры главного героя фильма «Красотка», я не собирался спасти проститутку от ее порочной жизни. Просто захотелось, чтобы у девушки была бы хоть какая-то

перспектива, когда ее красота начнет увядать.

– Да, проснулся, – улыбнулся я.

– Хотите еще? – мило покраснев, предложила Глаша.

– Нет, нужно уходить по делам.

– Может, кофе и пирожных? – с надеждой спросила она.

В «Русалке» работал неплохой повар-турок, специализирующийся на кондитерке. Для работниц сладости были под запретом по вполне объяснимой причине, и в основном зале за этим следили строго. Единственной лазейкой оставался кофе со сладостями, которые мог заказать оставшийся до утра ловелас.

– Хорошо, – кивнул я, – но пирожных закажи всего парочку.

– Я толстая? – тут же насторожилась Глаша.

Худышкой я бы ее не назвал, но и до пышки миниатюрной девушке было далеко. Впрочем, склонность к полноте у нее имелась.

– Нет, ты просто глупенькая.

Странно, но это заявление ее не обидело.

Позавтракав и мило попрощавшись с Глашей, я вышел на улицы утреннего Топинска. Этот город нравился мне все больше и больше. Благодаря близости места Силы Топинск богател и хорошел. Уже сейчас его центр выглядел довольно презентабельно. Три года назад здесь был открыт театр, в котором, по слухам, вскоре пройдет первый сеанс синематографа. Нужно сходить и посмотреть местную киношку, а то, кроме книг, борделя и трактира, никакого личного развлечения. Театралом я никогда не был, так что из массовых развлечений остались только народные гуляния. Горожане любили и умели хорошо проводить досуг, так что временами здесь бывало весело. К тому же наличие неплохой компании делало мою жизнь вполне приемлемой. Увы, из-за конфликта с семьей судьи светские рауты были мне недоступны, но, если честно, жалел я об этом только по причине запретности сего плода.

Погода выдалась великолепной, так что я прогулялся по центральному парку, изредка раскланиваясь со смутно знакомыми личностями. Мелькнула мысль зайти в кафе – очень захотелось мороженого, но я сам себе напомнил, что недавно общался с дамой, которая любила пользоваться духами. Я уже принял, а вот окружающие не замечают исходящего от меня амбре только потому, что мы находимся на открытом воздухе. Так что, поймав извозчика, я направился домой.

Так, мне это уже начинает надоедать. Словно дежавю какое-то. Опять никто не встречает начальство, да и дом выглядит как-то безрадостно. При наличии домового такие неуловимые особенности экстерьера говорят о

многом.

В общем, в собственный дом я входил с некой опаской, нащупав в кармане двустольник. Надеюсь, подобное возвращение домой не войдет в привычку. Первое, что я увидел, войдя в столовую, – это совершенно незнакомый и очень колоритный персонаж.

Казалось, непрощенный гость шагнул прямо с картины Репина. Прямо на моем месте во главе стола сидел самый настоящий запорожский казак. Причем, что называется, хрестоматийный – от оселедца на голове до жупана с шароварами. Ну и без изогнутой сабли-карабелы не обошлось. А вот из-за широкого шелкового кушака вместо пистолетов выглядывали рукояти револьверов.

Ну что же. Кажется, я понимаю, почему спрятались не только Василич с Чижом, но и Евсей, по чью душу явился характерник. Да и домовый решился только на создание мрачной атмосферы. С этими запорожскими ведьмаками шутки плохи как для существ из плоти, так и для свободных энергентов.

Я с минуту смотрел в серые глаза казака, который ухмылялся в седые, висящие чуть ли не до стола усы, а затем подошел ближе.

Под его оценивающим взглядом я чувствовал себя неудобно. Даже порадовался, что успел обзавестись свежим шрамом, который делал мое юношеское лицо более брутальным.

– Чиж, почему гость сидит за пустым столом? – крикнул я в пространство и тут же услышал над потолком дробный топот мальчишеских ног. Парень скатился по лестнице и юркнул к печи.

Я же остановился рядом с гостем и постарался скопировать его ухмылку.

– Пересядь-ка, гость дорогой, не по чину место занял.

Улыбка казака стала шире и теперь напоминала оскал, но он все же пересел на лавку справа от почетного места, которое я тут же занял. Ситуация аховая, но марку держать просто необходимо. Одно хорошо: предупрежден – значит, вооружен. Еще когда Евсей впервые сказал, что казачий круг может приговорить его и вершить волю донцов явится запорожский характерник, я поинтересовался, что об этом всем говорится в законах империи.

Когда-то мой земляк, уходивший на дембель, по доброте душевной поделился с салагой солдатской премудростью – если знаешь устав, то можешь позволить себе очень многое. Служба показала всю правоту его слов. Порой удавалось доводить командиров до белого каления, тыкая их в статьи устава. Особенно это работало против молодых лейтенантов,

решивших, что для солдат они теперь и цари, и боги. Конечно, это была игра на грани фола, и огребать приходилось неслabo, но оно того стоило – у выдрессированного в военном училище офицера нарушение устава вызывает дискомфорт на грани подсознания.

Характерник – это, конечно, не армейский сапог, но чтить писанные и неписанные правила он обязан. Уже одно то, что сидит за столом и ждет меня, а не пластает оборотня на тонкие ломти, говорит в пользу этой версии.

Пока благодаря своей репутации и неожиданности появления запорожец отыграл несколько очков. К тому же созданная домовым мрачная атмосфера поддерживала имидж моего оппонента.

– Кузьмич, – тихо сказал я, покосившись в сторону печи, – хватит нагонять жуть. Мы, чай, не в склепе сидим.

В физическом плане ничего особо не изменилось, разве что сквозь окна в комнату начало поступать немного больше света, но общая атмосфера стала намного легче.

Ухмылка казака стала чуть менее кривой, и он уважительно поднял бровь.

Очко отыграли, но до победы далеко.

Чиж оперативно накрыл на стол, но скудность трапезы вызвала у меня кислую мину.

– Сбегаю к бабе Марфе, – тихо шепнул он и выскочил через дверь.

Я взял со стола квадратный штоф и разлил водку по граненым рюмкам.

– За встречу.

Водка ушла внутрь легко, как песня над гладью реки.

Характерник хмыкнул и, огладив усы, принял свою порцию. Затем мы на пару захрустели огурцами.

– Отдай перевертня, – дожевав огурец, перешел казак с места в карьер.

– С какого лиха? – спросил я, изобразив удивление. – Самому нужен.

– Он должен повиниться перед кругом, – заявил казак с жутким украинским произношением, но слова из родного языка характерник вставлял редко.

– Сейчас он никому ничего не должен, кроме царя. Ну и мне немножко.

Знание того, что еще по договору с Андреем Великим царская служба на время выводила казака из-под юрисдикции казачьего круга, очень помогало мне в данной непростой ситуации.

– Прогони его. – Лицо характерника растеряло едва проступившее

благодарные, и в голосе зазвенела сталь.

– Никого я увольнять не буду, и ты мне приказать не можешь. Есть, конечно, другой вариант. Ты убиваешь чиновника по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири, и Евсей теряет службу. После этого забираешь его и режешь прямо на глазах донских старшин. А затем весело бегаешь по степям от хлопцев из седьмого отдела жандармерии. Сам знаешь, стаей они загрызут даже такого матерого зверя, как ты.

Характерник погладил большим пальцем глубокий шрам на шее и качнул головой.

– Смерти не боится только дурень, – сделал совсем не тонкий намек характерник.

– Или тот, кто знает, что ее не нужно бояться.

Я посмотрел в глаза запорожца и постарался, чтобы мой взгляд был максимально жестким.

Не знаю, что он там разглядел, но лицо казака изменилось. С него сползли насмешка и легкое пренебрежение. Вряд ли он меня сильно зауважал, но смотрел уже не как на зарвавшегося юнца, а как на ровню.

Неужели характерник разглядел через глаза юноши старую душу, оккупировавшую это тело?

– Я скажу братьям, что нет больше вольного казака Евсея, а есть боевой холоп царского боярина.

Возражать против боярина я не стал, потому что это лишь слово, сказанное в пустоту, а вот «холоп» кое-кому не понравился. Характерник перенаправил взгляд в сторону дверей. Там стоял Евсей в полном боевом снаряжении, обхватив гарду шашки побелевшими пальцами.

Запорожец ни на сантиметр не изменил своей мирной позы, лишь его взгляд стал таким же, каким он смотрел на меня еще пару минут назад. Разве что насмешки в его ухмылке было больше.

Ох, что сейчас будет! Если Евсей сойдет с нарезки, мне бы успеть забиться куда-то в щель. Надеюсь, мои мысли не проявились на лице, потому что это пойдет вразрез с высказанными раньше философскими тезисами. Умирать мне очень не хотелось.

Битву взглядов ожидаемо выиграл характерник. Боевой ведьмак гарантированно ушатает равного по опыту оборотня, и Евсей это знал. И он выбрал между смертью и подневольной жизнью.

– Ну, раз с делами закончили, предлагаю выпить по второй, – стараясь сделать вид, что ничего эдакого не происходит, предложил я.

– Чего же не выпить такой славной горилки, – огладил усы казак, наблюдая за процессом налива.

Евсей куда-то исчез, зато появился Чиж с тяжелой корзиной, от которой одурительно пахло пирогами.

Выпив водки, характерник одобрительно крякнул и с отеческой улыбкой взъерошил вихры парня. Перекладывавший на стол пироги Чиж от такой похвалы испуганно присел.

– Добрый растет казак.

Похвала не так уж сильно успокоила Чижа, и, едва закончив с делом, он тут же упорхнул по лестнице на второй этаж. Наверняка убежал под крылышко Василича. Странно, что старый солдат не из робкого десятка на глаза гостю так и не показывается. Похоже, суеверного страха перед характерниками лишен только я, да и то лишь по неведению и благодаря воспитанию в другом мире.

Как ни странно, характерник Степан по прозвищу Казанок оказался довольно обаятельным человеком, особенно когда перестал нагонять ведьмачью жуть. Поговорили о погоде, затем поспорили о том, что лучше – пироги или вареники. По причине отсутствия на столе одного из соперников пальма первенства была отдана пирогам с зайчатинной от шеф-повара бабы Марфы. Затем я осторожно перевел тему на ведьмачьи клинки: очень уж скучал по утерянному подарку Эммы. Характерник тут же ощетинился, но у меня имелся прибереженный козырь – я дал ему полистать «Бестиарий» и рассказал о светозумовых гранатах с серебряной пылью, чем вызвал еще более уважительный взгляд.

Сошлись на том, что он попытается договориться с мастером для меня, но за оружием придется ехать самостоятельно, прихватив с собой солидную сумму. Еще поговорили об артефактах, но, как и ожидалось, не будучи ни ведуном, ни ведьмаком, мне с ними не справиться. Правда, характерник посоветовал сделать пару полезных татуировок и даже предложил нужного мастера.

В общем, расстались мы если не друзьями, то вполне хорошими знакомцами.

Как только запорожец покинул дом, в столовую заявился Евсей, и смотрел он на меня не менее злобно, чем на ушедшего гостя.

– Я не стану рабом, – прорычал оборотень и даже немного трансформировал лицо.

Он что, меня пугать вздумал?

– А никто не предлагает. Быть или не быть вольным казаком – решать можешь только ты сам. Ну а если для тебя так важно, что думают выжившие из ума старики и кумушки в родной станице, можешь догнать Степана, он еще не так далеко ушел.

Мои слова были революционными для сословного общества, в котором община была важнейшим элементом, но именно это нужно было услышать Евсею. Не то чтобы он сразу все осознал и принял, но больше не ярился и ушел к своему Орлику в задумчивом состоянии.

Ладно, пусть думает, а я пошел смывать с себя запах Глашеньки и, если честно, выступивший от страха пот. Характерник был прав – не боятся только идиоты.

Переодевшись в чистый костюм, я позвал Чижа и выдал ему пять рублей – на извозчика, на чистку костюма в центральном ателье, а также на экспресс-курсы по этой самой чистке. Материал новой одежды требовал особого ухода, так что парню нужно знать, как это делать. Ну и разрешил потратить остаток на мороженое.

Чиж быстро упаковал костюм и вылетел из комнаты, полностью оправдывая свое прозвище.

Хмель от четырех рюмок водки после душа улетучился без следа, так что можно позволить себе посещение серьезных людей. С транспортом опять помог консьерж «Янтая» и оперативно явившийся на зов шустрый извозчик. Когда мы уже выезжали со двора, позади послышался топот копыт. Я даже не стал поворачиваться, потому что знал, кто именно там топчется: взбодрившийся после лечения Орлик. Похоже, оборотень сделал свой выбор.

Сначала мы навестили городскую полицейскую управу, где Бренников потрошил Кочевряжа. Прихватить его удалось за дачу взятки должностному лицу. Оборотня в погонах тоже повязали, и он отмалчиваться не стал. Как ни странно, в стране, где на лапу берут почти все, власти очень строго наказывают за взятки. Причем прилетает всем участникам процесса. Так что, когда раскрутят омские контакты Кочевряжа, поедет плантатор валить лес, но не так уж далеко – ведь мы уже находимся в Сибири. Впрочем, Сибирь Сибири рознь. И вряд ли он попадет в такое же теплое место, как Стылая Топь.

Закончив дела в управе и поговорив на отвлеченные темы с бывшим начальником, я вынужден был задуматься над неприятной темой – с момента пропажи Когтя прошло двое суток, так что надежда на его самостоятельный исход из Топи окончательно растаяла. Придется что-то делать.

– Знаешь, где трактир «Берлога»? – забравшись в пролетку, спросил я у извозчика.

– Место известное, – ответил приунывший водитель кобылы.

Оно и понятно – в те места законопослушные горожане наведываются

редко.

Нежелание терять такого прибыльного клиента оказалось сильнее страха, и мы с ветерком направились в нужную сторону. Евсей тоже слышал название места назначения, но никак не проявил своих эмоций, просто поехал следом за коляской.

Внешне конец под названием Кочки выглядел не так уж мрачно. По улицам ходили бабы с поклажей, бегали детишки, да и мужики не слишком походили на бандитов. Но именно тут проживала большая часть шатунов – конечно, не бандитское логово, но близко к этому. Работа у них рискованная, так что люди они лихие и угрюмые.

Власти на деятельность шатунов и бирюков смотрели сквозь пальцы, потому что многие купцы зарабатывали не на поставках для энергетического завода, а на вот этих добытчиках.

Трактир действительно был похож на берлогу. Казалось, будто какой-то титан мощнейшим ударом по самые окна вбил в землю избу, основательно собранную из потемневших от времени бревен. Так что для того, чтобы войти в здание, нужно было не подниматься на крыльцо, а спускаться вниз.

Извозчик начал проявлять беспокойство, поэтому пришлось его подбодрить:

– Подожди-ка здесь, любезный. Мы ненадолго. Заодно присмотришь за казацким скакуном.

– Но здесь же шатуны...

– А я полицейский видок, так что ничего с тобой не случится, – заверил я нашего водителя с убежденностью, которую не очень-то испытывал.

Извозчик грустно вздохнул, понимая, что выбора у него нет. Евсей спрыгнул с седла и привязал поводья к задку пролетки. Орлик тут же наградил извозчика свирепым взглядом, словно говоря, что это еще неясно, кто за кем будет приглядывать.

Внутри на удивление было довольно опрятно, да и присущих заведениям подобного уровня запахов не улавливалось. Пахло, как и положено, пивом, жареным мясом и свежеспеченным хлебом. Интерьер действительно чем-то напоминал берлогу из сказки о Маше и медведях. Приземистые, сбитые едва ли не из половинок бревен столы и лавки занимали одну сторону помещения, ту, что ближе к входу. А в глубине виднелось сооружение, достойное звания небольшого форта: монументальная барная стойка, за которой возвышался не менее монументальный человек.

Это был старшина артели шатунов по прозвищу Берендей, он же Касатонов Мечислав Дмитриевич. Информацию о нем до меня довели как Коготь, так и Дмитрий Иванович. Еще кое-что поведал местный околоточный, но пользы от его рассказов было немного – мужик от тяжелой работы практически спился и числился в списках на вылет из полиции. О чем я ему по секрету рассказал и посоветовал подумать о будущем. Совет, в общем-то, пустой – алкоголики обычно других не слушают, но мало ли, вдруг произойдет чудо.

В зале трактира царил перманентный сумрак. Попытки солнечного света проникнуть в небольшие окна под потолком были успешными лишь частично. На столах виднелись потушенные сейчас огарки свечей. Да еще керосиновая лампа на стойке вносила посильную лепту в освещение зала. По причине ранней поры в трактире находились лишь два человека, явно опохмелявшихся после вчерашнего. Скорее всего, вечер у них закончился всего пару часов назад. Именно эти живые детали интерьера добавляли в атмосферу заведения нотку перегара, но воздух особо не портили.

Не задерживаясь, мы подошли к стойке. Барных стульев здесь не полагалось, так что я просто облокотился на стойку и посмотрел в глаза мужику, возвышавшемуся надо мной как минимум на пару голов. Присевший на лавку ближайшего стола Евсей ростом Берендею не уступал, но вот в плечах наверняка будет поуже. Выглядел шатун внушительно – взъерошенная шевелюра вполне гармонировала с длинной бородой. Все это было вороной масти, с легким вкраплением седины. Черты лица были словно вырублены из дерева твердых пород.

– Здравствуй, Берендей.

– И вам поздорову, вашбродь.

– Знаешь, кто я?

Ну, прямо разговор братков из девяностых, только без фени – у шатунов она не в чести.

– Знаю. На город только один видок, да и в наших огородах вы успели покопаться, а кое-кому и шерсть подпалить да шкуру попортить. Токмо мы не в претензии – за дело шатуны пострадали. Да и ваш цепной волчок всем известен.

Я покосился на Евсея и с удовольствием увидел, что тот только беззлобно оскалился на подобную характеристику. Значит, у нас точно все по-старому, и это не может не радовать.

– Ну, тогда сам понимаешь, что ссориться с нами не нужно, особенно по пустякам. Если на то есть нужда, позаботься, чтобы извозчика и коня казацкого, что снаружи остались, никто не обидел.

Берендей криво улыбнулся и стукнул кулаком по стенке за своей спиной. Затем что-то прогудел появившемуся из кухни мальцу. Парнишка тут же шустро пробежался по залу и выскочил наружу.

Похоже, моя предусмотрительность была не напрасной.

– С чем пожаловали, вашбродь? – с показной угодливостью поинтересовался Берендей. – Может, пивка отведаете?

– Почему же не отведать, пиво я люблю.

От удивления шатун даже крикнул, явно не ожидая такого ответа, но быстро оправился и повернулся к бочке, занимавшей всю левую сторону стенки за стойкой.

Через десяток секунд передо мной стояла кружка с пенной шапкой.

А неплохое пиво попивают шатуны.

Повернувшись к Евсею, я показал ему кружку и увидел в ответ согласный кивок. Берендей крикнул еще раз: похоже, у него сегодня день когнитивного диссонанса. Опять ничего не сказав, шатун налил еще одну кружку и опять стукнул в стенку за собой. Теперь наружу выскочила девчушка чуть постарше давешнего пацана. Она и отнесла Евсею пиво. Затем поднесла нам обоим по тарелке с копченой рыбой.

Рыба тоже оказалась выше всяких похвал, но вряд ли я стану завсегдатаем этого заведения.

О, кажется, мне удалось выбить шатуна из равновесия.

– Так с чем пожаловали, ваше благородие?

– Помощь нужна.

Теперь шатун не крикнул, но это не значит, что не удивился.

– Мы-то вам чем помочь сможем? – удивленно развел он руками. – Коготь передал, чтобы мы с пыльцой не баловали. Кто-то послушал, а такие, как Кочевряж, взбрыкнули. Но то вы и сами ведаете.

– Вот с Когтем мне и нужна помощь. Пропал он.

– То не мы, – тут же тряхнул бородой шатун.

– Знаю: Владыка Топи постарался.

За спиной подавился пивом Евсей, которому я о своих приключениях на болоте так и не рассказал, а Берендей теперь уже не крикнул, а охнул:

– Откуда знаете, что это Владыка?

– Коготь успел крикнуть. Мы там лешака развеяли, вот Владыка и рассердился. Я сбежал, а Когтя вот уже второй день не видать. Хотя должен был вывернуться, ведь гналось это нечто именно за мной.

– Сбежали от Владыки? Как? – Карие глаза шатуна смотрели на меня с явным недоверием. Будто на сказителя, поведавшего публике красивую, но явно нереальную историю.

– Ногами. Бегаю я быстро, но не об этом речь. Мне нужно узнать, что случилось с Когтем. В общем, передай всем вашим, что за достоверные сведения о его судьбе даю двести рублей.

Берендей удивленно поднял кустистые брови. Сумма для местных была серьезной.

– И еще. Ты знаешь, куда уехала его семья?

– Моя женка знает. Могу поспрошать.

– Не нужно, – отрицательно качнул я головой и полез в карман пиджака за портмоне. – Передашь ей деньги и мои слова. Если ей или детям понадобится помощь, может обращаться ко мне лично.

На барную стойку легли восемь банкнот по двадцать пять рублей.

Шатун на это никак не отреагировал – видно, устал удивляться. За сохранность денег я не беспокоился, потому что артельному старшине репутация наверняка дороже двухсот рублей.

– А ежели он окажется жив и здоров под боком у женки?

– Значит, часть помощи отменяется, а деньги пусть будут платой за риск и пережитый страх.

Не так уж важно, что Коготь бросил меня на болотах, – это нормальная реакция на такую ситуацию, и в верности до гроба он мне не клялся. Важнее то, что вся эта ситуация возникла из-за моей дурости. Не сумел вовремя совладать с реакциями молодого тела, вот и потянуло на приключения. Деньги, конечно, не снимали с меня вины в случае смерти шатуна, но хоть что-то...

– Теперь о наших делах.

– А у нас есть дела, вашбродь? – с вызовом прогудел здоровяк.

– Мы живем в одном городе, и то, что здесь происходит, касается всех.

– Мы слышали слова о дурман-траве, – начал уходить в отказ старшина.

– Но не до всех они дошли. Будут еще такие, как Кочевряж. Объясни им, что добывать железы болотного бобра безопаснее, чем собирать пыльцу. Буду отлавливать и топить в болоте.

– Вы бы не перегибали, барин, тут у нас другой закон почитают. Закон Топи, – все же показал гонор шатун.

Ну вот, а я все ждал, когда он перестанет разыгрывать из себя законопослушного дурачка. В его власти было сделать так, что мы с Евсеем просто исчезнем, а заодно и бедолага-извозчик. Конечно, с обратным им придется нелегко, но те, кто ходит на измененных Стылой Топью тварей, справятся и с ним. Так что я продолжил не угрозами, а пояснениями своей позиции:

– Ты же умный мужик, Мечислав Дмитриевич, подумай сам. Через пару лет эту дрянь начнут нюхать ваши дети. Ты помнишь, что случилось с Когтем? Хочешь увидеть на старости лет, как твой сын зарежет свою молодую жену и ребенка в колыбельке?

От нарисованной мною картинки Берендея передернуло. Он попытался возразить, но без особой уверенности в голосе:

– Мой сын не такой дурак.

– Мой друг был умнее тебя, меня и почти всех в этом городе. А еще он был добрым и честным. Был, пока не подсел на дурь. Еще повезло, что он просто вышел в окно на четвертом этаже и никого не убил. – Воспоминания о друге студенческой поры Сереге загнали меня в очень нехорошее настроение, так что дальнейшие слова вышли рыком. – Я буду рвать любого, от кого даже будет просто вонять этой дрянью.

Шатун пристально посмотрел мне в глаза и не увидел в них фальши.

– Я буду думать.

– Думай, Берендей, очень крепко думай.

Бросив на стол рубль в качестве оплаты за пиво и закуску, я пошел к выходу, чувствуя, как позади почти бесшумно двигается оборотень.

Интересно, был бы я таким наглым и смелым без поддержки казака?

На улицу мы вышли в задумчиво-мрачном настроении. Заулыбавшийся извозчик увидел наши физиономии и мгновенно скис.

– Домой.

Эту команду он понял без слов, и мы покатили в нужном направлении.

Пока ехали, дурные мысли начали выветриваться из головы, и хорошее настроение частично вернулось. А еще через полчаса к этому эмоциональному букету добавилось удивление – дома меня ждало приглашение на бал в городской ратуше, который был посвящен тезоименитству государя императора. До бала оставалось три дня, а пригласительные билеты обычно рассылались за пару недель. Похоже, это последствия разговора с Лехой.

Приятно, конечно. Не то чтобы я так стремился в светскую тусовку Топинска, но запретный плод, как известно, сладок. Вот бы еще знать, чем этот бал закончится.

Глава 9

Довольно любопытное зрелище, скажу я вам. К своему новому телу я уже давно привык, но в таком виде наблюдать его, то есть себя, еще не доводилось. Из большого зеркала в дверце шкафа на меня смотрел то ли дирижер, то ли цирковой конферансье. Хорошо хоть полы фрака были обрезанными, а не острыми, как хвост ласточки.

Шрам, который доктор предлагал свести совсем, белел тонкой ниткой на щеке и превращал меня из обряженного в первый бальный фрак юнца в эдакого повесу с намеком на загадочность. Думаю, еще больше шарма придадут слухи о приключениях молодого видака.

Это, конечно, хорошо, но почему-то не покидает ощущение, что вся эта загадочная аура скорее во вред, чем на пользу.

На столике дожидались своего времени наброшенные на перевернутый цилиндр белые перчатки и трость с костяным львом на набалдашнике. Причем и шить костюм, и покупать трость пришлось в авральном режиме, так что внутри не было скрытого клинка. В руках она ощущалась как игрушечный пистолет у боевого офицера.

Выделенные мне неизвестным благодетелем три дня на подготовку пролетели в ритме урагана. Кроме должной одежды, у меня не было ни малейшего понятия, как вести себя на этих самых балах. Проблемы удалось решить не столько деньгами, сколько с помощью связей, причем решить комплексно.

Заявившись в центральный салон-ателье города, я был принят в широко распростертые объятия мастера Моисея Залмановича Фогельзанга. Называть его господином Фогельзангом у меня язык не поворачивался, так что обошелся Моисеем Залмановичем. Сначала портной закатил глаза, заявив, что за три дня построить фрак никак не возможно, но затем закат глаз сменил хитрый прищур, и мне сообщили, что для такого хорошего человека можно и сотворить маленькое чудо. Причем за очень небольшие деньги.

Как впоследствии оказалось, Моисей Залманович являлся хоть и дальним, но все же родственником Давы. И вообще за правильное отношение к еврейскому юноше в частности и толерантное поведение в общем местная иудейская община относилась к городскому видуку как-то по-особому.

Так что меня не только обшили, но, выяснив в процессе мою светскую

безграмотность, еще и проинструктировали. Думаете, старый портной не разбирается в регламенте великосветских тусовок? Спорное предположение, особенно учитывая, что он по много часов проводит примерки у готовящихся к балам господ, а его жена делает то же самое с дамами из высшего света Топинска. Пожалуй, бальный кодекс эта парочка, которая никогда не была на подобных мероприятиях, знала намного лучше великосветских львиц. Найдя во мне внимательного слушателя, они с радостью поделились своими знаниями.

Чуть позже мое обучение было отполировано Давой, о котором портной за глаза отзывался как об очень шепутном, но умненьком мальчике.

И вот теперь я смотрел на себя, такого красивого, в зеркало и никак не мог отделаться от мысли, что иду на бал-маскарад.

Доукомплектовавшись легким пальто, цилиндром, перчатками и тростью, я все же сунул в карман двустольный коротыш. Пусть хотя бы полежит в пальто в гардеробе, потому что мне совсем не улыбалось оказаться на ночной улице с одной тросточкой, пользы от которой меньше, чем от зубочистки. Надеюсь, гардеробщик ничего себе не отстрелит. Я еще вооружился «кобальтом», но, боюсь, прицепленную под фрак плечевую кобуру даже с миниатюрным пистолетом мне не простят.

Как в американской романтической комедии, мой сход по лестнице встречали равнодушные зрители. Чиж с открытым ртом созерцал великолепие бального костюма. Корней Васильевич лишь по-отечески улыбался, а Евсей, зараза, ехидно ухмылялся. Домовой выразил свой восторг небольшим завихрением воздуха вокруг меня.

– Так, Корней Васильевич, ты за старшего в доме, – заявил я, чтобы хоть как-то скрыть непонятно почему появившееся смущение. – Водки не пить, баб не водить.

О, так лучше: Чиж удивился, оружейник озадачился, а Евсей расстроился. Только непонятно, какому именно запрету – про водку или про дам.

На улице меня дожидался заранее вызванный Гаврила. После поездки к шатунам я наградил его пятеркой и поинтересовался именем. Сейчас извозчик, как и я, был не похож на самого себя. Вместо мятого картуза – простонародный, приплюснутый вариант цилиндра с квадратной бляхой спереди. А также нарядный кафтан, позаимствованный у кого-то из лакеев.

– Ты чего так вырядился? Думаешь, пустят со мной на бал? – пошутил я и добил засмущавшегося парня заявлением: – Если у меня на вечер нету спутницы, то это еще ничего не значит.

– Дык я же не того... – совсем неторжественно шмыгнул носом

извозчик и вытер его рукавом кафтана. – Там же с каретами, ожидая, сурьезные люди будут. Да еще распорядитель всяких дорогих яств со стола может принести. А то и чаркой порадовать.

Ага, получается, у него тут намечается тусовка самых крутых водил в городе, попасть на которую для обычного извозчика большая честь.

Ну что же, пусть порадуется. Вообще-то я планировал отпустить его до конца бала, но раз такое дело, пусть дожидается с остальными. Только не уверен, что его там примут радушно, но это сугубо его интимные проблемы.

Как писал классик – вечерело. Уличные фонари еще не зажигали за ненадобностью, и жители Болотного конца имели удовольствие наблюдать редкое здесь зрелище. Меня это внимание не особо напрягало, а вот кучер красовался вовсю.

До центрального проспекта города добрались минут за двадцать, когда сумерки сгустились окончательно. Здесь уже горел электрический свет по периметру здания городской ратуши и магические фонари над колоннадой входа.

Мы даже попали в небольшой затор – выгрузка очередного гостя из коляски или кареты занимала пару минут, так что пришлось отстоять очередь. Наконец-то пришел и мой черед. Под поклон встречающего гостей лакея, одетого в ярко-красную ливрею с золотой вышивкой, я покинул коляску и прошел в большой вестибюль. В этом здании я не впервые, поэтому сразу направился к гардеробной стойке. Хорошо, что Моисей Залманович предупредил меня, и перчатки не отправились в гардероб вместе с цилиндром. С голыми руками здесь ходить не принято, и дама вполне могла отказать кавалеру, предложи он ей руку не в перчатке. Танцевать я не собирался, но и выглядеть белой вороной не хотелось.

Приосанившись и немного одернув фрак, я направился к лестнице, ведущей на второй этаж. У ее подножия меня дожидалась тройца лакеев во все тех же красно-золотых одеждах, почему-то заставивших меня вспомнить балет «Щелкунчик». Особенно сбивали с толку смешные парики. Хорошо, что время в этой реальности притормаживало не так сильно, иначе пришлось бы носить такое безобразие самому.

Один из лакеев держал в руках блестящий, как зеркало, поднос. Опять же благодаря инструкциям старого еврея и его жены я положил на поднос пригласительный билет. Второй лакей тут же цапнул билет и двинулся вверх по лестнице. Что примечательно, лакеи шли по ступеням с разной скоростью. Впереди шла средних лет парочка, так вот они едва поспевали за своим провожатым, а мой поводырь двигался горделиво и нарочито

медленно. Похоже, так они регулируют скорость прохода гостей в главный зал.

Зачем это нужно, я понял буквально через минуту.

У открытых дверей, через которые на лестничную площадку долетала музыка, стоял совсем уж расфуфыренный лакей с длинным посохом с блестящими висюльками. Вид у него был важным донельзя, наверно, оттого что золотого шитья на его ливрее было больше, чем у остальных, да и парик как минимум в два раза пышнее. Казалось, этот индюк вот-вот лопнет и забрызгает стены собственной значимостью.

Мой сопровождающий подал пригласительный билет субъекту с посохом и сделал мне приглашающий жест в сторону бального зала. Затем усвистал обратно, встречать очередного гостя.

Я решил последовать совету лакея и прошел сквозь дверной проем, с интересом всматриваясь внутрь зала. Внезапно резкий звук удара едва не заставил меня подскочить на месте.

Кикимору тебе в жены!

– Титулярный советник Игнат Дормидонтович Силаев! – едва не оглушив меня густым басом, провозгласил церемониймейстер.

Ну вот, а я хотел прокрасться сюда незаметно. Впрочем, на оглашение очередного гостя мало кто обратил внимание – приелась пластинка.

Ну и что мне теперь делать? Даже внимания дюжины человек из пары сотен собравшихся в бальном зале мне хватило, чтобы почувствовать себя не в своей тарелке.

Ну вот откуда их здесь столько взялось? Топинск вроде бы город предельно провинциальный, а здесь народу как на новогодней ярмарке. Честно говоря, я рассчитывал на более скромное собрание. Зал был залит не матовым свечением магических фонарей или желтоватым светом электрических ламп, а слегка мерцающим и неестественно ярким сиянием тысяч энергетических свечей. На заводе производили и такое. Сразу вспомнились слова Винни Пуха о неправильных пчелах, которые делают неправильный мед, а в данном случае это неправильный воск. По мне, пустая трата денег, потому что энергетический воск штука очень дорогая. Впрочем, как всем известно, понты – они будут подороже этих самых денег.

Ту же мысль о понтах подтверждали наряды присутствующих. С мужиками все предсказуемо – либо военный мундир, либо такие, как у меня, фраки, а вот дамы нарушали своей фантазией все разумные границы. От разнообразия фасонов в прямом смысле рябило в глазах.

Кстати, в толпе я не заметил никого в полицейской форме. Именно об этом говорил портной – в свете полицейских терпят, но не любят.

Так, тихонько отходим в сторону и начинаем двигаться вдоль стенки. Может, хоть кого знакомого увижу. Вроде Дава упоминал, что и сам получил приглашение. Только не говорил, поедет ли. Из-за всей этой пригласительной суматохи мне почему-то и в голову не пришло уточнить.

И почему я, идиот, не договорился приехать с ним на пару? Да хоть бы и с ревнивым Лехой состыковаться, и то было бы не так стремно.

Мысли о друзьях немного успокоили меня. До меня наконец-то дошло, что многолюдность собрания объясняется присутствием здесь не только дворян, но и представителей купечества и почетных граждан. Так что благодаря провинциальности это общество не такое уж категоричное в суждениях и оценках.

О, еда и выпивка – то, что надо! По периметру зала фланировали лакеи с подносами.

Попробуем заесть, а главное – запить, стресс, но без фанатизма, мне только славы анекдотичного поручика Ржевского не хватало.

Кто-то из лакеев нес разлитое в бокалы шампанское, а кто-то – изящно разложенные закуски. Поймав себе сначала выпить, а затем закусить чем-то мясным, скрученным в мелкие трубочки и посаженным в хлебную розеточку, я немного успокоился. Затем отошел к ближайшей шторе и занял там наблюдательную позицию с бокалом шампанского в руках.

Бал набирал обороты. В дальнем конце зала музыканты перешли от плавной и ни к чему не обязывающей музыки к чему-то танцевальному, но меня это не касалось. Не то чтобы я совсем не умел танцевать, но из доступного репертуара был лишь вальс, да и то на уровне – чтобы только не опозориться.

О том, что танцы – это наименьшая из моих проблем, я понял, когда, двигаясь вдоль стеночки в глубь зала, увидел стайку девушек в балльных платьях. Это были мои очень хорошие знакомые. В том смысле, что я их неплохо знал, а не испытывал положительные эмоции при виде милых дам. Лиза с подружками выглядели как шикарная клумба цветов. Платья с модными нынче открытыми плечами и пышными юбками хоть и были похожи нежностью оттенков, но все же различались цветами. Лиза выбрала голубой с более густой синевой обрамлявших декольте и верхнюю часть подола цветами. Длинные перчатки светло-голубого цвета обхватывали ее руки почти до плеч. Как гидрант посреди клумбы, в окружении мягких полутонов чернел Лехин фрак. Благодаря моде мы с ним сейчас были как два вороненка из одного гнезда.

Чуйка буквально вопила, что наилучшим выходом было бы быстро смыться от этой компашки как минимум в другой конец зала, но поздно.

Лиза заметила мою персону и, не отрывая от меня взгляда, подошла ближе к Лехе. Услышав какую-то просьбу своей дамы сердца, мой друг резвым жеребенком ускакал куда-то в мешанину людей. Ослепленный любовью, меня он даже не заметил. Я по-прежнему подвергался сверлящему взгляду девушки, к которому присоединились не менее требовательные взгляды ее подруг.

Был, конечно, шанс тупо отморозиться и с рассеянным видом уйти в толпу, но выглядел бы я при этом совершенно нелепо.

Ох, нужно как-то запомнить, что порой нелепый вид – наименьшее из зол.

Приняв соответствующий ситуации вид, я направился к дамам.

– Елизавета Викторовна, сударыни, – отдельно поклонился я ее подругам.

Если честно, в голове не было никаких мыслей по поводу дальнейшего разговора, а через секунду их стало еще меньше.

Подруги Лизы, скользнув по мне не самыми ласковыми взглядами, вдруг уплыли куда-то в сторону, словно стайка облаков.

В отличие от подруг, Лиза смотрела на меня с преувеличенным дружелюбием, а когда подошел ближе, во взгляде девушки появилось беспокойство, и только после ее первых слов я понял, чем оно вызвано.

– Вы пострадали, ваш шрам... – Шагнув ближе, Лиза прикоснулась пальцами к моей щеке, там, где белела нитка шрама, чем сделала ситуацию еще пикантней.

Хотя куда уж там. Окружающие начали коситься на нас, а это очень плохо. Одно хорошо – музыка и шум разговоров немаленькой такой толпы создавали виртуальное уединение для разговора. Люди слышали лишь то, что говорилось в их компаниях. К тому же мы разговаривали достаточно тихо.

– Елизавета Викторовна, я не на базаре пирожками торгую, так что порой приходится получать и подобные украшения. Извините, но я подошел, только чтобы поздороваться.

– И даже не пригласите даму на танец? – обмахнувшись веером, с каким-то детским вызовом спросила она.

Вот уж не было печали.

– Увы, танцор из меня никудышный, так что сегодня я вообще не планирую этого делать.

– Нарушаете этикет, милостивый государь. На балу всем положено танцевать.

– Уж лучше прослыть невежей, чем стать посмешищем на глазах у

всех, – парировал я и еще раз изобразил легкий поклон. – Прошу простить меня...

– Пойдите, – внезапно став серьезной, сказала Лиза, – нам нужно поговорить. Может, выйдем на балкон?

Ага, бегу и спотыкаюсь. Мне сейчас для полного счастья не хватало только оказаться с ней в интимной обстановке.

– Не уверен, что это нужно делать сейчас, да и вообще... Вы ведь для этого послали Алексея Карловича? Не думаю, что он обрадуется, когда, вернувшись, обнаружит вас со мной наедине, – проигнорировав предложение уйти на балкон, парировал я.

Увы, угроза быть услышанной кем-то еще, кроме меня, не остановила девушку, которая вполне резонно предполагала, что другой возможности для откровенного разговора я ей не предоставляю.

– Вы ревнуете?

– Боже упаси! – Я от искренности едва не перекрестился. – Просто больше, чем поссориться с вами, мне не хотелось бы омрачить нашу дружбу с Алексеем.

– Мне он тоже дорог, – с вызовом изрекла девушка.

Ох, что-то сомневаюсь. Похоже, и ее знакомство с Лехой, и мое приглашение на бал – это части какого-то наивно-девичьего, но от этого не менее опасного для меня плана. Надо было сразу морозиться, а сейчас уже поздно. Лиза начала распалаться, и это не ускользало от окружающих. Назревал форменный скандал.

– Но если вы захотите... – чуть покраснев, запинаясь, почти шепотом произнесла Лиза, явно не в состоянии правильно подобрать слова. – У вас еще есть шанс.

Кикимору тебе в свекрови... Хотя, если с Лехой у них срастется, я ни в коем случае не стал бы так отзываться о Хельге Франсовне. Я несколько раз был у них дома, где меня приняли очень радушно. Боюсь, это радушие уже в прошлом.

Задумываться в подобной ситуации не стоило, потому что в глазах Лизы загорелась надежда.

– Елизавета Викторовна, у нас шансов нет и быть не может. Так же как танцевать, в этой жизни я не собираюсь жениться и тем более заводить детей, а предлагать вам другой вариант просто немыслимо.

– Но вы не знаете, от чего отказываетесь!

Ну и как с ней говорить? Все, мое терпение лопнуло.

– У меня даже нет желания узнавать.

– Нет желания? – Краска схлынула с лица девушки, и глаза злобно

сверкнули.

Если честно, перехватить ее руку я не успевал, но оно и к лучшему – это воспринялось бы обществом как рукоприкладство в отношении благородной девицы. И тогда проще было бы застрелиться.

Благодаря перчатке пощечина не получилась звонкой, но все равно не осталась незамеченной окружающими.

Придерживая пышные юбки, Лиза изобразила на лице оскорбленную невинность и убежала к выходу из зала. Я же остался посреди постепенно расширяющегося круга зрителей – как прыщ на одном интимном месте. То, что это была только первая часть Марлезонского балета, я понял, когда увидел побелевшие от бешенства глаза Лехи. Он стоял как соляной столп, сжимая в руках два бокала с розоватой жидкостью.

С этими бокалами он и пошел на меня, как в штыковую.

– Сударь, ваш поступок низок.

Мой поступок?!

– Вы негодяй и подлец.

Непроизвольно я скользнул взглядом по окружившей нас толпе, но лучше бы этого не делал, потому что увидел Карла Бертольдовича и Хельгу Франсовну. Мама Лехи смотрела на меня с умоляющим испугом, а интеллигентнейший отец в мундире артиллериста пребывал в недоумевающем шоке.

Их взгляды обжигали, как пламя огнемета.

Леха сейчас вызовет меня на дуэль, но отвечать я не собирался. Плевать на великосветские закидоны. Плевать на репутацию, гори она синим пламенем! Сходиться на дистанции с другом немыслимо, ведь в таком случае выбор придется делать между его жизнью и своей. От мысли, что благодаря занятиям с Евсеем шансов у Лехи нет даже теоретически, легче не становилось.

– Сударь, – перешел Леха к кульминации своей речи, – я требую...

– ...Алексей Карлович, – перебил его негромкий, оглушительно звенящий металлом голос. – Не уделите мне минутку?

Из постоянно увеличивающейся массы зрителей вышел круглый, как колобок, но твердый, как пушечное ядро, судья Бабич. Вот от кого я не ожидал помощи – так это от него.

Леха, продолжая сверлить меня взглядом, как-то небрежно бросил в ответ, словно отмахнулся:

– Чуть позже.

Это он зря. Так с судьей в нашем городе не мог разговаривать никто, даже мой бывший начальник Аполлон Трофимович, который и внешне, и

характером напоминал эдакую смесь медведя со львом. Полицмейстер наверняка мог бы голыми руками заломать волколака, но вот с Бабичем он вел себя предельно корректно.

– Это была не просьба, – проскрипел голос судьи, как выходящий из ножен клинок. – Извольте пройти со мной... оба.

Выдав этот приказ, он направился к боковому выходу из зала. Люди перед ним произвольно расходились в стороны, образуя живой коридор.

Наконец-то мы ушли с освещенного пространства и попали в сумрак коридора. Мне даже стало легче дышать. Но расслабляться еще рано – после прошлой размолвки с Елизаветой судья вышвырнул меня из высшего общества Топинска и чуть не позволил жандарму законопатить за решетку. И это при том, что тогда все прошло без особого шума. А сейчас...

Судья подошел к очередным дверям в правой стене коридора и остановился. Из-за моей спины бесшумно выскользнул безликий в своем наряде лакей. Я даже не заметил, что он нас сопровождает. Он своим ключом отпер замок и, открыв дверь, отошел в сторону. Это был чей-то кабинет, но наверняка не судьи – его апартаменты находились в соседнем здании. Впрочем, этот факт не помешал Бабичу усестись в кресло хозяина. В таком положении его невысокий рост не выделялся. Мы с Лехой застыли перед столом как два нашкодивших школьника, вызванные директором в учительскую. Впустивший нас в кабинет лакей подошел к судье и, почтительно наклонившись, начал что-то быстро говорить ему на ухо.

Определить отношение Бабича к сказанному было трудно – его лицо оставалось каменным. Лишь однажды он удивленно поднял бровь. Легким жестом судья отпустил закончившего доклад лакея, и тот исчез, словно его здесь никогда не было.

Как только мы остались одни, лопнувшее терпение Лехи брызнуло во все стороны возмущением и яростью:

– Виктор Игоревич, вы не можете...

– В этом городе я могу все, что не противоречит воле его императорского величества, – жестко перервал судья речь юноши. – Особенно если нужно оградить от глупости сына моего старого друга.

– Но он оскорбил Лизу, – попытался выдвинуть еще один довод Леха, но и тут не нашел понимания.

– Во-первых, при мне для вас она не Лиза, а Елизавета Викторовна. Времена, когда вы играли в нашей гостиной, давно прошли.

Не знал, что эти двое знакомы с детства, хотя это совершенно неудивительно для детей дворян в таком маленьком городе.

– Во-вторых, только мне решать, что для дочери является оскорблением, а что нет. И так будет, пока она не выйдет замуж. – Окинув не самым доброжелательным взглядом худую фигуру Лехи, судья добавил: – Не исключено, что позже тоже. Остальное объяснит вам ваш отец. Теперь вы, молодой человек.

Судья, упершись руками в столешницу, встал, и от его взгляда мне стало неуютно.

Ну все – капец котенку...

– Игнат Дормидонтович, я должен перед вами извиниться.

Судья по скользнувшей по губам судьи улыбке, у нас с Лехой было одинаково нелепое выражение лица.

– Оправданием мне может послужить только слепая любовь к дочери, – продолжил Бабич с какой-то бесконечной усталостью в голосе. – Лиза у нас с женой поздний и посему горячо любимый ребенок. Так что мы порядком ее избаловали. Мне стоило бы настороженнее отнестись к ее словам о вашем неподобающем поведении, но злость на зарвавшегося юнца затмила мой разум. Здравый смысл вернулся, когда и Аполлон Трофимович, и Ян Нигульсович начали отзываться о вас исключительно положительно. У нас даже разгорелся спор, из которого я вышел порядком озадаченным. Еще один тревожный звонок прозвенел, когда Лиза начала привечать Алексея Карловича, а затем подошла ко мне с просьбой допустить вас к свету.

Ну да, прямо открыть зашторенное солнышко. У нашего судьи с самомнением, как всегда, полный порядок. В смысле – оно цветет и пахнет.

Я уже отошел от шока, поэтому с хорошо скрываемым скепсисом наблюдал за потугами разочарованного отца оправдать поведение любимого чада, прежде всего в своих собственных глазах.

Понимая, что за столом он выглядит слишком официально, да и опускать взгляд в столешницу как-то нелепо, Бабич обогнул стол и начал прохаживаться вдоль стеночки с портретом императора. Вид у него был как у лектора, вбивающего нечто важное в тупые головы студентов:

– Так что я попросил секретаря городского собрания отправить вам приглашение на бал и приказал доверенному человеку понаблюдать за поведением дочери. Мои опасения оказались не напрасными. – Судья остановился и посмотрел мне в глаза. – Игнат Дормидонтович, я прошу простить мою дочь, да и меня тоже за недостойное поведение. Надеюсь, этот прискорбный инцидент не вызовет у вас враждебности к нашей семье.

Мне показалось, что я услышал, как грохнулась о пол виртуальная челюсть Лехи. Оно и неудивительно: судья славился своей

принципиальностью, порой граничившей с ослиным упрямством. Но при этом глупцом его никто не называл.

В голову закралась мысль, что здесь не все так просто и дело не совсем в стыде отца за взбалмошную дочь. Особенно к этому выводу подводила его последняя фраза.

Но обдумывать все мы будем позже, в таких случаях долго тянуть с ответом не очень разумно.

– Ваша честь...

– ...Можно без официоза, – позволил мне судья.

– Виктор Игоревич, поверьте, я воспринимаю сложившуюся ситуацию как чудовищное и прискорбное недоразумение. И по-прежнему отношусь к вам и к Елизавете Викторовне с глубочайшим почтением.

– Рад слышать, – благосклонно кивнул судья и выразительно посмотрел на Леху, явно пытаюсь понять, дошло ли до затуманенного ревностью разума юноши хоть что-то из сказанного.

Нет, не дошло.

Леха поджал губы и, по-прежнему не глядя на меня, выпалил:

– Позвольте откланяться.

Увидев утвердительный кивок немного разочарованного судьи, он как деревянный солдатик рваным шагом вышел из кабинета.

Так, если Бабиц сейчас начнет меня обхаживать, то дело совсем не в наших с Лизой разборках. А вот то, что я вошел в близкий круг подручных генерал-губернатора, может быть очень даже при чем.

– Игнат Дормидонтович, надеюсь, этот прискорбный инцидент не заставит вас сразу покинуть наш праздник. – Взяв меня под локоток, как добрый дядюшка, судья увлек меня к двери.

Ну вот, мои искренние уважение и симпатия к справедливому человеку немного подуwały. Не будь я чиновником по особым поручениям генерал-губернатора, он за свою кровинушку, даже бесившуюся с жиру, закопал бы меня в навоз по самые ноздри, особенно учитывая публичный конфуз.

С другой стороны, мне от судьи искренней любви не требовалось: не будет гадить по мелочам – и на том спасибо.

А то, что мы вышли в зал как шерочка с машерочкой, сменило презрение и настороженность ко мне во взглядах окружающих на любопытство. Так что убежать с бала подобно Золушке и усвиставшей куда-то Лизе повода вроде бы не было. К тому же я увидел озадаченную морду Давы, который явился на бал в шикарном фраке, но с одной диссонирующей деталью – вместо положенной бабочки он повязал серебристый шейный платок.

– Не буду вас задерживать. Развлекайтесь, – улыбнулся мне судья. – И еще, ежели будет желание, посетите наш карточный кружок. Говорят, вы богатеете стали, так что есть повод немного потрясти ваш кошелек.

Посмеявшись над собственной шуткой, судья благосклонно кивнул и царственно удалился. Шел он явно в сторону все еще обескураженной парочки Лехиных родителей. Уже за это я был готов простить ему все на свете – чета Вельцев мне искренне нравилась, и их огорчение вызывало во мне практически физическую боль.

– Что здесь произошло? – Подхватив под освободившийся только что локоток, Дава потащил меня в сторону двери на балкон.

Ну что же, он не девица на выданье, так что от уединения с ним от меня не убудет.

– Ничего особенного, – ответил я, когда мы наконец-то выбрались из душного помещения в прохладу весеннего вечера. – Просто недопонимание с одной милой девушкой, которое она усугубила пощечиной.

– При всех? – сделал огромные глаза Дава.

– Увы.

– Так вот почему Леха выскочил из ратуши как ошпаренный. Он же ухлестывал за Лизонькой. И что, даже не дал тебе в морду?

Похоже, ситуация забавляла Давида.

– Не дал. Хотел вызвать на дуэль, но ему помешали.

– И кто? – внезапно посерьезнел Дава.

Ему, как и мне, перспектива дуэли между друзьями очень не понравилась.

– Наш судья, который по совместительству работает папенькой одной нервной особы.

Мой друг саркастически хмыкнул. Я сам понял, что шутка получилась так себе, но это, наверное, нервный отходняк.

– Я же говорил Леше, что у нее не все в порядке с головой, а он ни в какую, – проворчал Давид, посмотрев в ночное небо. – И что вы в ней нашли?

– Вопрос в другом: что она нашла во мне?

– Ну, ты зря прибедряешься, – хмыкнул мой друг. – Весь такой таинственный, особенно с новым шрамом. Гроза вурдалаков и покоритель упыриц. В народе ходят слухи, что одну ты зацеловал до смерти.

– Троих, – чисто автоматически поправил я.

– Вот и я о том же, – кивнул Дава и торжественно провозгласил: – Идем же, друг мой, радоваться жизни, наплевав на все невзгоды.

– Они эту пощечину не скоро забудут.
– Так давай напьемся и устроим дебош. Поверь, это перебьет любую пощечину.

– Что-то не хочется.
– Тогда поищем внимания прекрасных дам, – не унимался Дава.
– Ты издеваешься, думаешь, мне мало того, что уже нашел? – искренне удивился я.

– Ты не там искал. Тебе же не нужно срочно обзаводиться семьей, детишками и поместьем? Значит, есть смысл познакомиться с баронессой де Шодуар. Поверь, она того стоит.

– Знаешь, уж лучше я навещу Глашу.
– Во-первых, – назидательно поднял палец Дава, – Глаша, конечно, умница и красавица, но дамы высшего света – это совсем другой коленкор. Во-вторых, не думаю, что ты вот так с ходу окажешься в ее будуаре. Я хочу познакомить тебя с утонченными развлечениями, где главенствуют интеллектуальная беседа, поэзия и музыка.

Ну вот и повод для любимого занятия всех попаданцев, но только фиг им, а не песни из моего мира, потому как не певец я, от слова совсем. Да и не танцор, как чистосердечно признался Лизе. Но делать нечего, пусть будут утонченные развлечения. Убегать отсюда не позволял гонор, а взбалмошных девиц с меня хватит еще лет на десять. Так что лучше уж француженки.

С француженками я пролетел как фанера над Парижем. Выглядела баронесса как типичная славянка, и звали ее в том же духе – Ольгой Филипповной. Когда мы двигались по периметру оглядывавшейся на нас толпы, Дава успел рассказать, что баронесса – вдова и владелица оздоровительного пансиона. Что это значит, я пока не понял.

Знакомство прошло легко и непринужденно. Темноволосой высокой красавице с большими карими глазами на вид было чуть за тридцать, а если учитывать возможности магической косметики, то, значит, в реальности почти под сорок. Но тут воплощалась поговорка о том, что нам столько лет, на сколько мы себя чувствуем, а значит, баронессе двадцать с маленьким таким хвостиком.

Она стояла в обществе трех незнакомых мне молодых офицеров. Два корнета и поручик. Все примерно одного возраста и степени опьянения. Судя по усам, а также погонам – гусары. Они были так заняты дамой, что пропустили историю с пощечиной, иначе неизвестно, как эти двое восприняли бы мою компанию. И все же блеснуть фольклором из другого мира мне пришлось – анекдотами. Начал с темы поручика Ржевского и его

извечной партнерши Наташи, которую я поименовал как некую девицу Ростову. Эти имена собравшимся ни о чем не говорили, так что ажиотажа не вызвали. Для затравки, чтобы прощупать почву, зашел со вполне невинной истории о дирижере, который, по мнению поручика, зачем-то пугает орущую от испуга певицу. Затем осторожно выдал заявление поручика о том, что ему всегда охота, ну и завершил именинной свечкой, которую Наташа не знала куда вставить.

После четвертого анекдота баронесса начала икать от смеха и потребовала прекратить это безобразие. Гусары, которые к этому времени уже ржали, как их любимые жеребцы, тут же сменили стиль развлечения и наперебой стали приглашать даму танцевать. В этот сложный гусарский ритм пару раз каким-то чудом вписался и Дава.

Я усиленно снимал стресс шампанским, попутно жалел, что нет ни водки, ни коньяка, но все равно чувствовал себя вполне прилично. Дава уплывал с баронессой в водоворот танца нечасто, так что скучно не было. Под конец Ольга попробовала вытащить на танцпол и меня, но я уперся, как козел. В итоге она пригрозила заняться моим хореографическим воспитанием лично.

Из последнего танца Дава вернулся какой-то загадочный и шепотом сообщил мне, что пора сваливать. Сердечно распрощавшись с баронессой и новыми знакомыми, имена которых в моей шумевшей от шампанского голове так и не задержались, мы покинули бал.

Но вечер, как оказалось, не закончен, как и знакомство с Ольгой Филипповной.

– Ты на чем сюда прибыл? – спросил Дава, когда мы забрали из гардероба верхнюю одежду.

– На извозчике, – удивленно ответил я.

– Тогда поедем на твоём, а папенькиного соглядатая отправим домой.

– Как хочешь, – равнодушно пожал я плечами, сообщая лакею, чтобы подали экипаж Игната Силаева.

Гаврила по-прежнему сохранял залихватский вид, но не обошелся без нового украшения – синяка. Все-таки довыпендривался. При Даве мне не хотелось вести душевные разговоры с извозчиком, так что я ограничился сокрушенным покачиванием головы. На что лихач ответил белозубой улыбкой: значит, вхождение в мир водительской элиты Топинска того стоило.

Даве хватило пары слов, чтобы объяснить Гавриле, куда именно нам нужно ехать. Похоже, в этом городе Белые Дачи известны всем, кроме меня.

– Почему они белые и зачем нам туда, если хозяйка осталась на балу?
– Потому что от пьяных гусариков нужно было как-то избавляться. Так что Ольга Филипповна уже сказала уставшей и едет за нами следом. Что же касается белизны дач, скоро сам увидишь.

И действительно увидел. Минут через пятнадцать мы выехали из города и практически сразу после двух хуторов увидели обрамленное высокой чугунной оградой поместье. Свет практически полной луны подсвечивал серебристое облако, которое как туман затянуло все охваченное защитным периметром пространство. Почему защитным? Да потому что когда мы подъехали к воротам, я рассмотрел на прутьях приклепанные бляшки с рунами.

Интересно, во сколько обошлась хозяйке настолько мощная защита и откуда у нее такие деньги?

Даву здесь знали, так что два свирепого вида охранника без вопросов открыли ворота.

Серебристым облаком оказались цветы на невысоких деревьях.

– Это что, вишня? – спросил я у Давы.

– Сакура, притом особая. Цветет с весны до осени. Ее аромат очень полезен для здоровья. А также отвар из лепестков, листьев и всякие мази. Наша Оленька зарабатывает на этом бешеные деньги. А еще на купании в прудах, где растут голубые кувшинки.

Пока Дава рассказывал, мы ехали по засыпанной гравием дороге мимо укрывшихся под сенью сакур небольших домиков с обширными верандами и обустроенными для отдыха площадками. Как и обещало название, эти дачки были выкрашены в белый цвет, хотя, может, имелись в виду именно цветы сакуры.

Никого из жильцов не видно, что в столь поздний час и не удивительно. Это все же лечебница, а не турецкий курорт с дискотеккой и баром.

Центральный дом был всего лишь раза в три больше окружавших его дач – эдакий игрушечный замок. По бокам от замка расположились два пруда, огороженные зарослями какого-то кустарника. Похоже, это и есть те самые пруды с кувшинками. Их количество явно обусловлено необходимостью раздельного купания мужчин и женщин – в этом мире до гендерного равенства еще далеко, как до луны.

Судя по довольной улыбке Гаврилы, сегодня ему выпал джек-пот, и еще долго он будет рассказывать коллегам об этой ночи.

Карета баронессы прикатила буквально через пару минут, так что долго ждать не пришлось. Величественно выбравшись наружу и попав в

руки стайки своих горничных, Ольга пригласила нас войти. Дава тихо шепнул мне, чтобы я не приставал к горничным, потому как Белые Дачи – это вам не «Русалка». Как выяснилось позже, за подобный залет он и был отлучен от общества баронессы еще год назад. А сегодня использовал меня, чтобы реабилитироваться: он баронессе – любопытный экземпляр мужчинки, а она ему – прощение.

Вот рыжая сволочь, но обижаться на жизнерадостного друга я был не в силах.

Внутри, как и снаружи, все было похоже на игрушечный домик из сказки о Белоснежке. Зимой здесь точно жить не получится. К тому же было видно, что подготовка к сезону только началась, но уют при этом уже присутствовал.

Разместившись на диванчиках, мы продолжили сеанс художественной декламации анекдотов. Дама привыкла, что ее ублажают песнями и плясками, так что я взял новизной, доведя баронессу не только до икоты, а и до тихого похрюкивания. Пришлось прекратить, чтобы она не задохнулась от смеха.

Дава пытался составить мне конкуренцию и не так уж проиграл, но почти все анекдоты из репертуара рыжего еврея вращались вокруг раввинов. Я давно заметил, что он на мои шутки про евреев не обижается, а порой и сам такое загнет, что услышь это его папаша – пейсы старика точно встали бы дыбом.

Все мои попытки подъехать к баронессе на кривой козе почему-то наталкивались на мягкий отпор. Было видно, что, несмотря на раскованность, она пока не пересекла черту развязности и не собирается пускаться во все тяжкие с мужчиной на два десятка лет моложе нее. Если верить всему рассказанному о возможностях сакуры и кувшинок, Ольге на самом деле могло быть и за сорок. Впрочем, для меня, старого пенька, неожиданно проросшего молоденьким побегом, Оля казалась практически девочкой. И все же через пару часов приятного отдыха хозяйка намекнула нам, что пора и честь знать. При этом приглашала в гости в любой момент, но предварительно предупредив по телефону.

Распрощались мы закадычными друзьями, а дальше как пойдет.

Вечер у меня получился неоднозначным, и все же хорошего в нем было больше, чем плохого. Но, как оказалось, день еще не закончился. Только я устроился в кровати – практически сразу услышал, как во входную дверь кто-то забарабанил кулаками. Да и ногами, похоже, тоже.

И кто это такой смелый на грани суицидных наклонностей? Его сейчас или домовый приголубит, или Евсей встретит незлобно и ласково. Так что

пришлось быстро спускаться и получать сомнительное удовольствие от вида вдрызг пьяного Лехи. Начал он с попытки все же вызвать меня на дуэль, продолжил стенаниями о коварстве женщин и предложением выпить еще, а закончил тем, что заблевал мне пол в гостиной. В общем, все очень даже неплохо.

Утром Леха был беспощадно разбужен, засунут в душ и переодет в чистую робу, которую я надевал на тренировки. Чиж уже вовсю занимался чисткой и стиркой изгаженного фрака.

После двух чашек кофе мы поговорили. Как ни странно, мне даже пришлось выступать в роли адвоката Лизы. Я, как мог, объяснил другу сложность положения влюбленной девушки и то, что запретный плод всегда манит, даже если претендент на этот самый плод уже не так сильно в нем нуждается.

– Оставь ее в покое. Пусть остынет и подумает. Папенька вставит ей нужную заклепку в голову, а уже затем сделай еще один подход. Сам увидишь, что все станет намного проще.

Приободрить Леху так и не удалось, а вот у меня настроение стало значительно лучше. Друзья – это самое большое богатство в мире. И понять его ценность может только тот, кто по той или иной причине терял хоть одного настоящего друга.

Часть вторая

Глава 1

Чем отличается старость от юности? Ответ простой – очень многим, и среди прочего диаметрально противоположной оценкой жизненных ситуаций. То, что для юнца – интересное приключение, стариком воспринимается как досадная проблема. Мне с моим специфическим симбиозом в этом плане повезло. Я умел радоваться моментам, когда жизнь начинала бить ключом, причем очень часто по голове, и в то же время ценил каждую минуту спокойствия. Так как жизнь у меня и в том мире, и в этом напоминала зебру, я с удовольствием шагнул в белую полосу спокойствия. Две недели после происшествия на балу протекли как медленная речушка по степи. В городе никто никого не убивал. Шатуны если и не отказались от затеи заработать на опиумной пылице, то на время притихли, и ко всему прочему я получил возможность изысканного отдыха в обществе баронессы.

К анекдотам, чтобы не приелись и совсем уж не свалиться в пошлость, прибегал нечасто, но и обычных бесед нам хватало. Говорили о многом – она просвещала меня в вопросах культуры и искусства, а я рассказывал ей страшные сказки о ведьмах, вурдалаках и упырях, бо́льшая часть которых была почерпнута из творений Лавкрафта, Кинга, Кунца и других классиков жанра. Да и без голливудских сюжетов не обошлось. Баронесса прекрасно понимала, что я вру как сивый мерин, но слушала с упоением. Ей действительно надоели слащавые стишки и бренчание на лютне.

К разочарованию Давы, еще в первую нашу встречу Оля шепнула мне, чтобы я почаще приезжал сам. Мы много гуляли по благоухающему удивительными ароматами саду, слушали музыку с граммофона и ели варенье из лепестков сакуры, запивая его отваром из листьев.

Гадость редкостная, о чем я, не стесняясь, заявил гостеприимной хозяйке. Она лишь посмеялась в ответ, добавив, что ради омоложения некоторые согласны терпеть и не такое. Еще она пробовала научить меня танцевать, но вынуждена была горестно развести руками. Не то чтобы я был настолько безнадежен, просто без страсти к этому делу достичь высот в танце невозможно.

Хочу отметить, что это ее слова, а не мои.

На четвертый день нашего знакомства мне удалось все же пробиться сквозь странные комплексы баронессы. Это случилось во время представления мне чудодейственных прудов. Пока народу в «дачах» было

маловато – сезон только начинался. Поэтому по вечерам у прудов никого не было. Сибирская весна даже вблизи от Стылой Топи не особо щедро дарила тепло, и до купального сезона было еще далеко. Но и этот фактор учитывался предприимчивой баронессой. На берегах обоих прудов в части прилегающих к центральному дому берегов были оборудованы беседки с кабинками для переодевания и каменные ступени в воду, почти сплошь поросшую действительно голубыми кувшинками. Даже листья этих растений отливали синевой. Для купаний в плохую погоду имелись каменные бассейны, куда по системе труб через обогревательный котел закачивали целебную воду из прудов.

Вот знакомясь с достоинствами этой процедуры, я и затащил в бассейн Олю. Воздух был прохладен, вода как парное молоко, а баронесса прекрасна и умела. Еще один неплохой опыт – утонченная страсть с ноткой грусти.

О том, что белая полоса подошла концу, я понял, когда в мой кабинет влетел Чиж. Глаза парня были большими и круглыми, как два блюдца, но при этом в них плескался дикий восторг.

– Там дерижбабль! – заявил Чиж и ткнул пальцем в потолок.

– Сколько раз можно говорить? Не дерижбабль, а дирижабль. Он где пришвартовался, снова рядом с ратушей?

– Нет, тучочки, над нами висит! – выпалил Чиж и сделал глаза еще больше, хотя, казалось, уж некуда.

Да, белая полоса закончилась, и началась не то чтобы черная, а, скажем так, пестрая. Я заметил, что если белая полоса небольшая, то и черная не такая уж длинная и мрачная.

Ох, как же я ошибался!

Переодеваться в мундир для встречи не очень-то дорогих гостей я не стал и вышел к ним в образе последователя Льва Толстого. В смысле графа из моего мира, здесь такого я не нашел. Даже специально спрашивал Олю. Были свои корифеи литературы, но их имена мне ничего не говорили.

В общем, на крыльцо я вышел в домашней одежде, то есть в косоворотке, шароварах и мягких сапожках с коротким голенищем. Это зрелище немного сбilo лейтенанта Митрохина с толку, но он быстро оправился.

Контролировавшие положение лифтовой корзины матросы были заняты своим делом и на окружающее внимание не обращали. Ветер над Топинском был умеренным, но все равно огромную сигару дирижабля немного сносило в сторону. Хорошо хоть не закорились за шпиль каланчи – не то оторвали бы что-нибудь нужное. В основном правильное положение

в пространстве аппарат сохранял за счет доработки винтами.

– Господин видок, у меня к вам срочная депеша, – козырнул мне лейтенант и протянул пакет. – У вас не более пяти минут на сборы.

А вот это уже серьезней.

В пакете обнаружили даже не письма, а две короткие записки – одна от графа Скоцци с просьбой прибыть к нему по важном делу, а другая – приказ генерал-губернатора, переводящий меня во временное подчинение чрезвычайного полномочного посланника.

– Хорошо, господин лейтенант, мы соберемся буквально за минуту, – ответил я, не став никак величать собеседника, так как мы были в одном классе табели о рангах.

– Мы? – удивился лейтенант.

– Да, я и мой помощник.

– Мне приказано поднять на борт только вас и ваш багаж весом не более восьмидесяти фунтов. Ни о каких других людях приказа не было.

Незадача получается. Почему-то, вместо того чтобы думать о преодолении запрета, я стал пересчитывать в голове фунты в килограммы. Получалось где-то в районе тридцати.

Так, не о том забочусь.

– Но мне для работы нужен ассистент и охрана.

Последнее я сказал напрасно.

– Не бойтесь, охрану мы вам обеспечим, – искривив губы в надменной усмешке, выпалил лейтенант.

И какая муха его укусила? При нашем первом знакомстве лейтенант производил впечатление вполне адекватного человека.

– Это вы сейчас так неуклюже попытались меня оскорбить?

Ну и что теперь ты будешь делать?

Зашоренному правилами о безоговорочном сохранении чести и лица местному жителю тяжело тягаться в завуалированном хамстве и софистике с человеком, которого воспитали в эпоху победившей демократии.

Бедолага подвис, не понимая – отвечать на мой вроде бы трусливый вопрос или реагировать на завуалированное оскорбление. Но время уходило, и если лейтенанту я мог надерзить, то оправдываться за задержку перед кавторангом не хотелось.

– Ладно, это был риторический вопрос, а сейчас будет вполне насущный. Насчет моего помощника это приказ капитана или ваше предположение?

– Приказ капитана второго ранга, – прорычал летеха, которого я взбесил совершенно без насущной необходимости. – Только багаж, и все. У

вас пять минут. Точнее, уже четыре.

Можно было спросить, что они собираются делать, если я задержусь, но это уже форменное ребячество. Лейтенант и так уже чуть ли не копытом рыл. Не факт, что он выбросит меня ночью с высоты в пару километров, но напакостить по-маленькому вполне способен. Впрочем, мое более вежливое поведение вряд ли могло что-то изменить – парень на землю ступил в уже заведенном состоянии. Так что я не стал продолжать пикировку, а вернулся в дом. Сразу начал орать как при аврале:

– Василич, неси в гостиную тройной набор припасу! Чиж, в мой кабинет собирать чемодан!

Взбежав по лестнице, я начал перекладывать оружие и снаряжение в оружейный баул. Чиж забежал следом, перетащив объемный чемодан на кровать, и замер.

– А что складывать?

– Три набора белья. Один повседневный костюм, один полевой и мундир на всякий случай. Дорожный несессер не забудь.

В Омск мне приходилось срываться часто, так что процесс сборов был уже отработан. Мы справились почти одновременно. Чиж был достаточно дотошным парнем и свое дело знал туго, так что скорее я забуду что-то из важных мелочей, чем он.

В комнату влетел Евсей:

– Командир, что с собой брать?

– А ты куда не летишь.

– Как это? – удивился казак.

– А вот так. Выбора мне не оставили.

– Может, я? – пискнул Чиж.

В его глазах заблестела надежда, смешанная со страхом.

– Не трави душу, – отмахнулся я. – И так придется лететь незнамо куда без проверенной поддержки.

Хотя...

Неожиданная мысль вызвала у меня улыбку. Лейтенант сказал, что людей с собой брать нельзя, но у меня из помощников есть не только люди.

Подойдя к окну, я громко позвал:

– Леонард!

Как там у Высоцкого: «А в ответ – тишина...»

Ладно, если не явится, значит, не судьба.

Закончив переодеваться в дорожный костюм, в комплекте с которым шел котелок, я подхватил боевую трость и планшетку с атрибутами видока. Когда уже собрался выходить из кабинета, на подоконник снаружи

вскарабкался кот.

– Леонард Силыч, как насчет полетать со мной еще раз?

Морда кота приобрела категорически отрицательное выражение.

Эта идея отнюдь не основывалась на правиле – лучше хоть что-то, чем ничего. Приключения на болотах показали, что от кота может быть очень серьезная польза. К тому же, если честно, я так привык к поддержке своей команды, что пускаться в путешествие самому было как-то страшновато. Особенно учитывая то, что, скорее всего, лететь нам аж до самого Китая, который в этом мире называется Империей Цин.

– Нет, полетишь не на мне, а со мной, в той большой штуке, что висит над домом. Лео, мне нужен напарник. Сам точно не знаю, куда именно придется лететь, но явно не на именины к симпатичной барышне.

Теперь морда кота стала тоскливо-обреченной. Он спрыгнул на пол и решительно направился к дверям, держа свой поломанный хвост трубой.

– Только тут такое дело, – извиняющимся тоном сказал я. – Ехать придется в чемодане.

Морда Леонарда стала еще несчастнее, но, к его чести, попытки сбежать кот не предпринял.

– Чиж, сбегай на склад, возьми жестяную коробку от конфет, тех, что с Нового года остались. Конфеты заberi себе, а в коробку насыпь до половины песка, – быстро оценив ситуацию, приказал я. – Евсей, пробей в старом чемодане дырки для дыхания. Только аккуратно, чтобы было незаметно.

Мои помощники управились за пару минут, и кот вместе с будущим туалетом был водружен в чемодан.

Здоровый, зараза, занял почти три четверти объема.

Кто бы сомневался, что мы опоздаем. По пути пришлось доукомплектовывать оружейный баул пачками с патронами и светошумовыми гранатами. Летеха всем своим видом выражал раздражение и демонстративно смотрел на карманные часы, но все же промолчал. Видно, дошло, что и так наговорил лишку.

Матросы оперативно помогли загрузить в лифтовую корзину оружейный баул и принесенные Евсеем чемоданы. Кот вел себя как настоящий разведчик и ничем не выдал своего присутствия.

Знакомо поскрипывая и все так же опасно раскачиваясь, корзина подняла меня в гондолу дирижабля. В шлюзовой меня ждал еще один матрос:

– Прошу за мной, ваше благородие.

Он подхватил старый чемодан, который чуть побольше нового, и

оружейный кофр, так что мне остался только новый чемодан с вещами. Затем матрос провел меня дальше по коридору, а потом по винтовой лестнице на второй этаж. После этого открыл четвертую справа дверь и, оставив чемоданы у порога, сделал приглашающий жест:

– Обустраивайтесь, ваше благородие. Капитан просил вас прибыть в кают-компанию через десять минут. Знаете, где она находится, или мне подождать?

– Спасибо, братец. Сам дойду. Можешь быть свободен.

Козырнув мне, матрос удалился.

Я же, заперев дверь на защелку, как и было предложено, начал обустраиваться. Предоставленная мне каюта была рассчитана на двух пассажиров и, в отличие от местных пассажирских вагонов, очень напоминала купе советского периода.

Кожаные диванчики стояли лицом друг к другу. Между ними у большого иллюминатора располагался столик. Опытным путем я выяснил, что под сиденьями диванчиков находилось пространство для багажа, частично заполненное заплombированным ящиком. Такой же стоял под другим спальным местом. Спинки тоже поднимались, и за ними обнаружились полки для вещей.

Что касается стен, то они были очень тонкими, зато обиты звукопоглощающим материалом. Так что ни шума винтов, ни звуков перемещений и разговоров экипажа слышно не было.

Скромно, уютно и функционально. Планировку гондолы разрабатывал очень грамотный специалист. Сунув чемодан с вещами и оружейный баул под сиденье, я положил импровизированную переноску для животных на диван. Затем щелкнул замками и откинул крышку. Лео выглядел чуть помятым, но не особо страдающим.

– Так, слушай, как мы будем действовать дальше. По идее, в отведенную мне лично каюту посторонние заходить не должны, но если что, найди где спрятаться.

Кот тоскливо осмотрел тесноватую каюту, но я верил в его изворотливость, поэтому взял из открытого чемодана коробку с песком и перешел к решению, пожалуй, самой серьезной проблемы в этом полете:

– Ходить по нужде будешь сюда. Чтобы не воняло, я стану закрывать ее. Когда припрет, дашь знать, и я открою. Постараюсь надолго из каюты не уходить, но, если что, найду предлог, чтобы навевываться почаще. С едой мы немного лопухнулись, так что поделюсь своей.

Леонард выразительным взглядом выказал крайнее разочарование моими умственными способностями – пожрать он любил за двоих, если не

за троих обычных котов. Так что одной пайки нам может не хватить, по крайней мере, по его мнению.

– Ничего, поголодаешь чуток, а то вон даже в такой большой чемодан поместился и то с трудом. Ну что, обживайся, – переадресовал я коту пожелание матроса, – а я пойду сдаваться капитану, пока летеха не наговорил ему чего лишнего. – Уже взявшись за защелку, я остановился: – Знаешь что, посиди пока в чемодане. Вдруг выяснится, что у меня будет попутчик. Не зря же они запретили взять с собой Евсея, а каюта-то двухместная. В худшем случае будем как-то договариваться с соседом. Надеюсь, нам попадется кошатник, а не собачник.

Обнадежив таким образом и без того расстроенного Леонарда, я вышел в коридор.

Путь к кают-компании «Стремительного» был мне знаком, поэтому я быстро поднялся еще на один уровень и, пройдя через дверь кают-компании, получил возможность лицезреть бескрайнее небо.

Капитан немного задержался, но я был занят тем, что смотрел на облака. Выходить на галерею самостоятельно не рискнул, так что не смог поглазеть на уплывающий вдаль Топинск.

– Здравствуйте, господин видок, – слышался за спиной голос капитана.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие. – Тянуться перед кавторангом я, конечно, не стал, к тому же добавил в величание чуточку иронии.

И было отчего. Всего несколько дней назад за обедом мы договорились обращаться друг к другу по-простому – сказался не только неформальный статус встречи, но и моя близость к генерал-губернатору, а сейчас капитан Асташев вернулся к прежнему обращению, тем самым взяв свое слово назад.

По кислой улыбке капитана я понял, что он принял намек:

– Давайте присядем и поговорим, Игнат Дормидонтович.

– С удовольствием, Всеволод Лукьянович, – поддержал я возвращение к прежнему формату отношений.

– Я так понял, что вам не понравился приказ посла? – спросил капитан, когда мы уселись на диванчик у стены.

– С чего вы взяли? Да, приказ неожиданный и без объяснений, но, с другой стороны, я люблю путешествовать, а если учесть, что это можно проделать на таком чудесном корабле, то повеление господина Скоцци меня только порадовало.

Я специально так восторженно высказался о дирижабле и попал в

яблочко. Какой капитан не любит своего питомца? Асташев мягко улыбнулся, но тут же нахмурился.

– Тогда, может, вас оскорбил тон, которым этот приказ был доведен до вас?

– Не то чтобы оскорбил, просто озадачил. Мне казалось, что повода для вражды у нас с Николаем Павловичем вроде нет. Не просветите меня в этом вопросе?

– Простите, Игнат Дормидонтович, но мне не хотелось бы лезть в эти дела.

– Я и не настаиваю.

Да и без надобности. Судя по кислой mine капитана, это что-то из разряда человеческих слабостей, которым подвержены юноши. Летеха старше меня года на три-четыре, но вряд ли его можно назвать умудренным жизненным опытом мужчиной. Вывод один – замешана женщина. Список общих знакомых дам сводится к одному пункту. Похоже, мои ночные приключения в Омске для посольской свиты не секрет, а лейтенант по уши влюблен в княжну. Безнадежной и оттого грустной любовью.

Думаете, мне жаль этого придурка? Ни капельки. Ну вот почему мне везет на таких роковых дам? И Лиза, и Даша – дамочки с осложнениями, у обеих неизвестно откуда выскочили шизанутые воздыхатели. Почему же тогда явно неровно дышащий к Оле Дава не роет рогом землю? Возможно, потому что его интерес к баронессе чисто плотский и не имеет восторженно-романтических мотивов.

Я никогда не был ловеласом, которые с наслаждением ломают чужие судьбы. В прошлой жизни отказы от дам доводилось слышать чаще, чем согласия. Так уж получилось, что сочетание умудренной опытом души и хоть не очень красивого, но все же смазливового юношеского тела вкупе с флером из интригующих слухов сделали нового меня популярным у женщин. Но в прошлой жизни и у меня уводили женщин, даже горячо любимых, при этом мне и в голову не приходило мстить и гадить более удачливым соперникам. Они-то тут при чем? Женщина всегда делает выбор самостоятельно, что бы там милые дамы нам ни говорили впоследствии. Нельзя завоевать женщину, если она любит другого. С ней в этом случае вообще ничего нельзя сделать, начиная с подкупа подарками, заканчивая убеждениями.

Не знаю, как именно отразилась на моем лице выстроившаяся в голове цепочка рассуждений, но увиденное явно озадачило капитана.

– Игнат Дормидонтович, надеюсь, поведение лейтенанта Митрохина не повредит вашей миссии?

– Я тоже надеюсь, но нужно кое-что уточнить. Это вы приказали не брать на борт никого из моих помощников?

– Такого приказа я не получал, – чуть вильнул капитана в ответе, – но и указания брать кого-то, кроме вас, тоже не было. Так что трактовка приказа могла быть двоякой.

– Я предпочитаю все приказы трактовать в ключе: если не запрещено, значит, разрешено...

И все же капитан не позволил мне подвести себя к очевидной и закономерной мысли:

– Мы не будем возвращаться за вашим помощником. На этот случай есть приказ, не терпящий разных трактовок: следовать к точке назначения без промедлений. Вы сможете исполнять обязанности видока без помощников?

Пришлось отвечать утвердительно: не говорить же капитану, что Евсей нужен мне только для душевного равновесия.

В общем, полного взаимопонимания с командованием дирижабля достичь не удалось. Так что признаваться в присутствии на корабле кота я не собирался. Посему возникла определенная проблема. Завтрак и обед для офицеров проводился в кают-компании, и стащить со стола ничего не удалось. Кроме капитана и лейтенанта, за столом присутствовал мужчина средних лет в звании младшего инженер-механика. А также совсем молоденький медик, явно выбившийся из низов. Из-за кислой морды летежи аппетит был испорчен у всех. После выволочки начальства задираться он не стал, но всем своим видом выказывал недовольство моим присутствием на судне.

Похоже, мальчонка из влиятельной семьи, раз Всеволод Лукьянович не смог вставить ему пистон на максимальную глубину.

В общем, разделить с Леонардом получится только ужин, который принес в каюту все тот же матрос. Как ни странно, наши проблемы решил именно он:

– Здравия желаю, ваше благородие. Изволите принять ужин?

– Да, братец, заноси.

Оставив на столе квадратный поднос с высокими бортиками, в котором находились глубокая тарелка с кашей, хлеб и металлический стакан с какао, матрос вытянулся в струнку и изрек:

– Ваше благородие, господин капитан приказал провести с вами инструктаж... – Последнее слово далось ему с трудом.

И вообще мне кажется, что для пассажиров это должен делать кто-то рангом повыше. Опять козни летежи? Впрочем, мне с моим заниженным

дворянским гонором как-то пофиг.

– Проводи, – широким жестом позволил я, буквально чувствуя недовольство Леонарда, спрятавшегося в нише между стеной и диванчиком.

– Тут такое дело, – собравшись с мыслями, изрек матрос, – облегчаться можете в конце коридора в гостевой уборной. Только мыться там нечем. Воды у нас маловато. Есть мокрые полотенца – ими, значит, нужно и обтираться. Еще в случае чего совсем плохого, не дай бог, нужно напаялить на себя паришут.

– Что напаялить?

– Ну, ентот, как его, штука такая новая, чтобы прыгать с дирижабля, когда совсем плохо станет.

– Парашют?

– Точно, – обрадовался матрос, – он. Нас скоро для учебы заставят сигать с ним вниз. Токмо навряд сдюжу я. Страсти-то какие.

– Но это же лучше, чем упасть вместе с дирижаблем. Ты вообще как попал в летуны, если высоты боишься?

– Не боюсь, потому и стал небесным матросом, – чуть приосанился мой собеседник. – Но лучше мы с «Шустриком» вместе сгинем, – упомянул матрос наверняка ласкательное прозвище корабля, – чем этой простынкой накрыться.

На подобную сентенцию я лишь пожал плечами.

– Так вот, эти, сами знаете кто, – продолжил инструктаж матрос, – находятся под диванчиками в коробках с пломбой. Пломбу ломаете, берете то самое и идете на нижнюю палубу. Там есть люк.

– Где именно? – уточнил я, потому что вопросы безопасности на такой высоте меня очень даже интересовали.

– Извольте посмотреть?

– Веди.

Мы вновь спустились на нижнюю палубу, где прямо у лестницы в полу имелся люк. Он также был опломбирован, но вскрывался без особых проблем. Еще матрос уточнил, что, если большой спешки не будет, сигануть с «этим самым» можно и из шлюзовой камеры.

Закончив инструктаж, он почему-то поплелся вслед за мной. Когда мы вернулись в каюту, я заметил, что половины каши в тарелке уже нет.

Вот скотина такая! Интересно, заметил ли матрос сию компрометирующую нас деталь?

Как показал дальнейший разговор, заметил, и не только это.

– Позвольте обратиться с личной просьбой?

Теперь к голодному недовольству кота присоединился и я. Хотя о каше можно забыть. Я был не настолько голоден, чтобы доедать после кота, несмотря на всю доверительность наших отношений.

– Что еще?

Матрос немного помялся, но все же изрек:

– Тут просьбица малая имеется, но не к вам, а к вашему коту.

– Коту? – с показным удивлением спросил я.

– Мяу? – поддержал меня выглянувший из своей засады Леонард, чем спалил всю малину.

– Как ты догадался?

– Так ничего же сложного, – пожал плечами матрос. – У самого кот дома имеется. По запаху и вызнал.

– Леонард, ты что, на подъеме чемодан обмочил?

Кот возмущенно зашипел.

– Нет, – поторопился матрос оправдать безбилетника. – Токмо котом пахло. Хорошо пахло, ухоженной животинкой. Так это, ваше благородие, можно с просьбицей?

– Давай, – согласился я, смиряясь с провалом своего тайного агента.

– У нас на камбузе мыши развелись, и высота им нипочем, негодникам. А у господина лейтенанта от котов глаза слезятся и чих нападает. Так что кок теперь мучается.

Оказывается, летеха еще и аллергик. Веселое же у нас намечается путешествие.

– Так это, может, ваш красавец подмогнет с мышами-то? Мы уж всем обществом отблагодарим.

– Ну что, красавец, подмогнешь? – спросил я у кота, получив в ответ горделивый утвердительный кивок, который вогнал матроса в откровенный ступор.

Глава 2

Благодаря смычке с нижними чинами корабля наши с котом проблемы закончились, а вот у лейтенанта Митрохина они только начинались. Леонард быстро разобрался с мышами, но для этого ему пришлось побывать почти во всех помещениях гондолы. В итоге на следующий же день Митрохин появился на обеде с красными глазами и в буквальном смысле начхал на всех присутствующих. Так что доктору пришлось увести его в лазарет. Там он и провел почти весь полет. Я же разделял досуг между каютой и галереей кают-компаний. Посмотреть там было на что. Сначала под нами проплывала бескрайняя казахская степь.

Ну, это для меня все море травы было Казахстаном, а для местных в обширную территорию втиснулось множество степных районов с названиями, которых я даже не пытался запомнить.

Порой я замечал россыпь юрт кочевий. Похожие на рыбы стайки, по степи проносились табуны коней и джейранов. Порой с гиканьем за тенью нашего корабля гнались местные батыры, бессмысленно паля в воздух из древних карамультуков. Затем мы пересекли границу Империи Цин. Там нас дожидался дирижабль сопровождения. Остановки не было, мы лишь чуть подождали цинца, давая ему возможность выдвинуться вперед.

Зелень под нами постепенно начала тускнеть. Цинские города, которые в этой местности попадались крайне редко, казались запущенными, но жизнь там все же была – медленная и явно унылая.

Затем вообще началась пустыня.

На четвертый день ситуация за бортом улучшилась как по волшебству – земли под нами начали наполняться красками и жизнью. Сначала поселки были разбросаны довольно редко, затем все гуще. Пространство между ними расчертили заплатки полей. Они цеплялись за холмы причудливо изогнутыми лентами террас и раскидывались по долинам большими полотнищами. По извилистым ниткам дорог сновали казавшиеся крошечными люди и повозки. Пару раз даже пробежал, оставляя пыльный шлейф, стремительный паромобиль.

Не такая уж отсталая страна, скажу я вам.

Именно когда под дирижаблем появилось на что посмотреть, на борту «Стремительного» разгорелся скандал. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто стал его инициатором. К этому моменту мне даже стало жаль лейтенанта, все еще страдающего от аллергии. Радоваться

чужим страданиям – грех. Злость на него вроде ушла, но, как оказалось, недалеко. Она вернулась, как только я увидел перекошенное от злобы лицо летехи в недопустимой близости от себя.

– Это вы меня отравили! – попытался он ткнуть в меня пальцем, но приступ чихания не дал болезному сделать это эффектно.

Интересно, и кто же это нас сдал? Похоже, среди матросов нашелся стукач, но почему он так долго тянул с разоблачениями коварного безбилетника?

– Господин лейтенант, кажется, вы от жара повредились умом, – стараясь говорить спокойно, заявил я. – Вам необходимо вернуться в постель.

Вбежавший за летехой молодой доктор растерянно замер, не понимая, что делать.

– Вы тайком протащили на борт кота, зная о моем недуге! – продолжил развивать свою обвинительную речь Митрохин.

– Окститесь, сударь. Далась мне ваша болячка, как и вы сами.

Кажется, он меня вообще не слышал. Хотя с такими приступами чихания это и не удивительно.

– Вашу кошку нужно немедленно выкинуть за борт.

Не, ну честно, мое терпение далеко не безгранично.

– Сударь! – окликнул я размахивающего руками лейтенанта. – Боюсь, это вас нужно выбросить за борт, чтобы не мучились. И вообще – как вас с таким здоровьем взяли в воздушный флот?

Каюсь, последнее заявление было довольно низким, но предложение начать бомбардировку Цинской Империи моим котом стало последней каплей.

Вошедший в кают-компанию капитан как раз услышал последнюю фразу и укоризненно посмотрел на меня.

– Прекратить! – раздраженно скомандовал он. – Господин лейтенант, возвращайтесь в лазарет.

– Но он... – все не унимался Митрохин.

– Выполнять! – гаркнул капитан, и летеха, злобно зыркнув на меня, выскочил за дверь.

– Потрудитесь объясниться, господин видок.

– Секундочку, – не очень вежливо прервал я капитана и остановил хотевшего сбежать доктора.

– Петр Сергеевич, у меня бабка страдала от чего-то подобного. Промойте ему нос раствором соли. Еще она пила отвар пустырника. Также прикажите матросам вымыть лазарет и коридор влажными тряпками.

Доктор лишь растерянно кивнул и все же смылся из кают-компаний.

– Вы серьезно? – настороженно спросил капитан.

– Абсолютно, моей бабке от этого становилось легче.

Причем почти не соврал. Правда, от аллергии на кошек страдала моя тетя, но почему-то захотелось сравнить этого мажорчика именно с бабкой.

– И все-таки зачем вы протащили на борт кошку?

– Не кошку, а кота. Коль уж ваш подчиненный своей волей запретил мне брать с собой человека, я взял другого помощника.

– Что не запрещено, то разрешено, не так ли, господин видок? – с ехидцей поинтересовался капитан.

– Именно так.

– И все это только для того, чтобы оставить за собой последнее слово? Не кажется ли вам, что это ребячество?

– Нет, не кажется. Коль уж мне запретили взять самого полезного помощника, я прихватил второго по полезности, – без малейшей иронии ответил я капитану.

– Вы серьезно? Кот – полезный помощник?

– Я уже устал считать, сколько раз он спасал мне жизнь.

Капитан не поверил мне, а зря. Впрочем, я не собирался никого ни в чем убеждать. Тем более что мы уже почти прибыли и наше вынужденное совместное пребывание в ограниченном пространстве не такой уж большой гондолы скоро закончится.

Ох, не нужно говорить «гоп», особенно если совершаешь такой дальний перескок. Ближе к вечеру небо впереди нахмурилось, и черные тучи расплзлись почти по всему небосклону. А еще через час наш корабль влетел в грозовой фронт.

К этому моменту мы с Леонардом были уже подготовлены, в смысле физически – я пристегнут к спинке диванчика специальным ремнем, а кот сидел у меня на коленях. Но что касается моральной готовности, все было не так радужно.

Почему капитан не посадил дирижабль на землю, для меня оставалось загадкой.

Но что я понимаю в воздухоплавании?!

Мы так и остались болтаться в воздухе, причем болтаться в прямом, а не переносном смысле. При посадке на корабль мне не понравилось, что иллюминатор такой маленький, а сейчас его размер очень даже устраивал. В стекло били тугие струи дождя и временами влетали отблески беснующихся снаружи молний. Магический светильник под потолком нервно мигал – похоже, на него действовали разряды атмосферного

электричества.

Нужно будет поинтересоваться у специалистов. Мне казалось, что магические лампы при всей их дороговизне все еще конкурируют с электричеством именно по причине большей надежности. А тут вот такой конфуз. Я вообще удивлялся, почему при имеющемся на борту паровом генераторе в гондоле почти все освещение магическое.

Что-то меня повело не в ту сторону – похоже, это защитная реакция мозга, отгораживающая меня от внешних раздражителей.

У Лео так не получалось, поэтому он свернулся в тугой клубок у меня на коленях и тихонько подвывал.

Болтанка закончилась через час, но за иллюминатором все еще было пасмурно и шел дождь. Но это ничего – главное, не трясет, не громыхает и не сверкает.

В кают-компанию возвращаться смысла не было – в дождь все равно не выйдешь на галереи, да и смотреть там не на что.

К пункту назначения, а именно – славному во всех смыслах городу Пекину, мы прибыли на следующий день и, судя по всему, двигались вместе с циклоном. Потому что дождь за окном так и не прекратился.

Утром ко мне забежал доктор – то ли узнать, как я пережил болтанку, то ли похвастаться успехами в лечении лейтенанта. Мои советы он исполнил в точности, начиная с промывания носоглотки и заканчивая пичканьем больного отваром пустырника. Так что благодаря моим же стараниям моему недругу стало значительно легче. Впрочем, была у меня мысль, что лейтенанту полегчало потому, что я запретил Леонарду бегать по гондоле и в особенности мочиться у двери лазарета. Что-то мне подсказывало, что именно этим кот и занимался в последние дни.

Возбужденного доктора, который почему-то решил, что нашел лекарство от аллергии, которую до сих пор не могли победить даже лечебными артефактами, да и названия у этой болезни здесь пока еще не было, пришлось приземлять. Рассказал, что моя выдуманная бабушка этим способом лишь облегчала симптомы, а болезнь все равно оставалась.

Причальные мачты пекинского аэропорта напоминали башенные краны с урезанными стрелами. К одной из таких мачт, поливаемые морозящим дождиком, мы и причалили. По шаткому мостику пришлось пробегать, дабы не замочить мундир, в который я вырядился по приказу капитана. За мной двигались два матроса, тащившие весь мой багаж. Кот вернулся в чемодан, и радости ему этот факт явно не доставлял, как и тому, кто его нес. За время полета сердобольный кок скормил этому обжоре наверняка больше, чем могли бы попортить уничтоженные котом мыши.

Так что теперь он с трудом влезал в свой чемодан-переноску.

Внутренности лифтовой кабинки были раскрашены в восточном стиле, но без особого фанатизма. Если честно, поддавшись общей атмосфере, я ждал, что дальше поеду как минимум в паланкине, но реальность оказалась намного прозаичнее. После увиденных в Омске паромобилей, похожих на кареты времен дедушки нынешнего императора, мне казалось, что китайские аналоги будут напоминать эдакие пагоды на колесах. Но у подножия причальной мачты нас ждало воплощение строгости и минимализма – черный лакированный паромобиль с плавными обводами, очень напоминавший автомобили представительского класса начала двадцатого века в моем мире. На капоте красовалась большая фигурка двуглавого орла. Как я понял, это вместо представительских флажков.

Внутри все было строго, рационально и очень удобно. За рулем в пилотском отсеке обнаружился совсем не китаец, а водитель вполне славянской наружности.

– С прибытием, ваше благородие.

– Спасибо, – благосклонно кивнул я доброжелательному водителю.

Так как пассажир намечался только один, чемоданы загружали прямо в салон.

Разбрызгивая небольшие лужи и принимая на лобовое стекло капли дождя, паромобиль катил по узким улочкам цинской столицы.

Везет мне на погодные условия при первом посещении незнакомых городов. В Омске окна паромобиля затянула изморозь, а здесь вот дождь. Хотя таким Пекин тоже имел свое очарование. Чуть озябший и намокший, как упавший в пруд павлин, город зябко переживал непогоду. Первый участок дороги от аэропорта вилял между домами, больше похожими на деревянные контейнеры с потемневшими от времени и влаги досками. Только отчасти их облагораживали крыши с изгибающимися на концах скатами. Под морозящим дождем от дома к дому перебегали сущие оборванцы, которые мне казались актерами из исторического китайского фильма.

Похожее чувство у меня было первое время после попадания в этот мир.

Чуть позже улицы стали ровнее, а дома по бокам утратили угловатость и словно расправили свои крылья-крыши. За невысокими оградами с каменными львами в качестве безмолвной стражи гордо стояли похожие на растолстевшие пагоды дворцы. Впрочем, они все были для меня на одно лицо, как и сновавшие по улицам горожане.

В этой части города прохожие никуда не спешили. Почти у каждого

был зонт, который порой за господином в шелковом платье нес его слуга в одежде попроще. Причем слово «платье» я употребил в буквальном смысле – одежда мужиков побогаче мало чем отличалась от женской, разве только расцветками. Хватало и китайцев в европейских костюмах, так же как и паромобилей на улицах. И все же современный транспорт здесь был представлен в меньшинстве – главенствовали рикши, впряженные в крытые двуколки с большими колесами. Пассажиров от дождя защищал тент, а рикши тоже не особо страдали, прикрывшись похожими на грибную шляпку традиционными коническими головными уборами.

Тучи на небе разошлись, словно по заказу, когда улицы города стали совсем уж прямыми и широкими, а дома можно было назвать шедеврами китайского зодчества.

– Мы сейчас проедем рядом с Запретным Городом. Смотрите справа.

Сначала мы пересекли по мосту длинное озеро, а затем с правой стороны я увидел высокую стену за широким каналом. Она упиралась в башенку, от которой под прямым углом отходила еще одна стена. Канал поворачивал вместе с оградой и явно обрамлял весь Запретный Город.

Пару минут мы ехали вдоль стены, пока не показалась большая надвратная башня с мостом через канал. Крыша у башни, в отличие от угловых башенок, была вполне обычной конфигурации. Еще через пару минут не такой уж быстрой езды мы увидели вторую угловую башенку и, насколько я понял, закончили короткую экскурсию по окрестностям таинственного Запретного Города.

Ну, если считать это дворцовым комплексом, то, конечно, громадина большая, а вот на город он явно не тянет. Да и по колориту увиденная мною стенка не очень-то впечатляла. Парк через дорогу и то был интереснее своими мостиками, ухоженными дорожками и большими статуями в рощицах.

Заметив кислое выражение на моем лице, водитель попытался хоть как-то поддержать имидж жемчужины Пекина.

– Это была только задняя стена с малыми воротами Шеньумэнь. Может, в другой раз доведется увидеть главные ворота, вот там красота. Жаль, внутрь попасть не судьба.

– Да ты, братец, вижу, здесь гидом подрабатываешь.

– Гадом? – удивился и как-то напрягся водила.

Не хватало нам еще во что-то врезаться, так что я поспешил успокоить его:

– Гид – сиречь проводник по-французски. Тот, кто показывает гостям местные красоты.

– Да уж приходится. Город-то я за десять лет службы хорошо узнал и даже язык немного выучил.

Пока мы общались, паромобиль проехал три перекрестка и свернул налево. Затем было еще два перекрестка и поворот направо сразу за постом китайских солдат в довольно колоритной форме совсем неевропейского образца, но с вполне современным оружием.

Затем практически сразу повернули налево, теперь уже с остановкой перед коваными воротами. За решеткой из декоративных, но толстых прутьев виднелся казак в шинели и с наброшенным на папаху по случаю непогоды башлыком.

Машину и водителя он опознал быстро, поэтому без всяких церемоний, но и без спешки принялся открывать ворота.

После короткой остановки паромобиль покати́л дальше, тихо попыхивая паром и шурша мокрым гравием на подъездной дорожке. Словно в пику окрестной экзотике трехэтажный дом посольства, как и другие здания в периметре общей ограды, был построен в английском стиле. Обогнув большую клумбу с декоративным фонтаном, мы встали у главного входа. Из дверей тут же появились три лакея с зонтиками. Двое подхватили багаж, а один застыл у дверцы паромоби́ля в ожидании моего выхода.

Если честно, в зонтах особой необходимости уже не было – тучи постепенно рассеивались, обнажая чистую голубизну неба.

У входа в особняк застыли два казака. На них шинелей не было, так что без труда можно было опознать форму бойцов отдельного казачьего корпуса телохранителей его императорского величества, в простонародье «цепных медведей». Народное название появилось не случайно – все как один казаки были заросшими бородами здоровяками из сибирцев. К тому же отличительной деталью в их форме, кроме папахи с малиновым верхом и такого же цвета широких лампасов, в качестве аксельбанта на кителе красовалась толстенная золотая цепь.

На такую действительно можно и медведя посадить.

Ребятки имели славу полных отморозков, но при этом гордились фанатичной преданностью императору. А еще поговаривали, что они поголовно беролаки, сиречь медвежьих оборотни.

Кто бы сомневался, что казачки попытаются прощупать новичка на вшивость.

Один из стражников утробно зарычал. Причем придраться к неуставному поведению невозможно – зубов он не скалил и трансформации не проводил, а рык шел где-то на инфразвуковых частотах,

но по моей коже пробежался морозец.

На этом весь эффект и закончился – у Евсея часто бывает дурное настроение, так что рычанием оборотней меня не удивишь. В ответ я лишь фыркнул, как это любит делать Леонард, которого лакей нес в чемодане.

Кустистые брови казака поднялись к папахе.

Ничего, нормально – обнюхались, как два боевых пса, и остались при своем. Интересно, они тоже осведомлены о моих приключениях с княжной или это обычный ритуал?

Для начала, как и на «Стремительном», меня проводили в отведенную мне комнату и дали время прийти в себя с дороги. Я выпустил кота, при этом честно предупредив лакеев о наличии в доме неучтенного гостя. Хорошо вышколенная прислуга равнодушно приняла новость, и мне пообещали позаботиться о комфорте хвостатого компаньона.

Я жестко приказал Леонарду никуда не отлучаться из гостевых апартаментов. Лакей, прихватив мой не очень хорошо перенесший путешествие мундир, удалился, а я с наслаждением принял ванну. Обтирания влажными полотенцами мне надоели до чертиков.

Где-то через полчаса лакей вернулся вместе с моим мундиром и приглашением от графа и графини составить им компанию за ужином. И все же я решил надеть выходной костюм, потому что мундир мне надоел не меньше обтираний. Лакей помог привести костюм из транспортного состояния в парадное и даже ассистировал в процессе одевания, несмотря на мои возражения. Так что на ужин я явился при всем параде.

Мой оружейный баул куда-то бесследно исчез, но пока сделаю вид, что просто не заметил этого. В конце концов, скрытый двустольный козырь всегда со мной и сейчас переключался в специальный внутренний карман пиджака. В другой карман я сунул свою походную фляжку.

Как ни удивительно, меня отвели не в столовую, где в чопорном обществе пришлось бы вкушать изысканные яства, а в большой и хорошо обставленный кабинет. Общество в помещении имелось, но маленькое и совсем нечопорное. Великая княжна, она же графиня, оделась в легкое кремовое платье простого кроя с открытыми плечами и немодными нынче бретельками.

Интересно, этим она делала намек на то, что я уже в доску свой и от меня нет необходимости скрывать ошейник стриги, будь он сто раз стилизованным под украшение?

Граф тоже не особо задумывался о костюме и щеголял в белоснежной рубашке с широченными рукавами и кружевными манжетами – эдакий мушкетер на отдыхе.

Они сидели за небольшим круглым столиком, накрытым на три персоны. Значит, ужин пройдет в тесном дружеском кругу, хорошо хоть не в семейном, потому что становиться членом шведской семьи, будь она хоть сто раз графской, мне совсем не улыбалось. Фиг им, а не групповое выступление. Если я когда и сподоблюсь на сие действо, то второго мужика там не будет и близко.

Ну и что за дурные мысли лезут мне в голову?

– А вот и вы, мио амиго! – отсалютовал мне бокалом граф.

Княжна лишь мило улыбнулась и сделала приглашающий жест в сторону третьего стула.

– Ваше императорское высочество, – изобразил я легкий поклон сначала княжне, а затем поклонился графу: – Ваше сиятельство.

После этого можно было сесть и нормально поесть.

Меню тоже не оправдало опасений – вместо китайской кухни что-то явно французское. Ну и ладненько, не хватало только мучиться с палочками. Вилка – она как-то попривычнее будет.

Некоторое время мы отдавали должное мастерству посольского повара, которое, естественно, было на кучу голов выше способностей кока «Стремительного». Но информационный голод у меня был сильнее обычного, так что пришлось нарушить некоторые правила этикета:

– Прошу простить, но, уверен, меня протащили через половину континента не для того, чтобы угостить гусиным паштетом.

– Вы правы, Игнат Дормидонтович, – официально заявила княжна. – Вам придется повторно свидетельствовать по поводу того, что случилось в Омске.

– Разве заверенных по всем правилам документов недостаточно?

– Это Цинская Империя, мой друг, – мягко улыбнулась Дарья, – здесь видоки в диковинку, и заверенные вашей печатью документы силы не имеют. Вы ведь знаете, что видоки – это исконно новгородское изобретение?

– Конечно, знаю, – кивнул я и не соврал.

Матчасть во избежание конфузов я изучил на пять с плюсом.

– Значит, понимаете, почему придется предстать перед императорской колдуньей.

– Это будет не ведун с артефактом?

– Нет, цинцы не доверяют в таких делах предметной магии, только доверенные колдуны. Императорская ведьма способна не только отличить правду от лжи, но и прочесть чужие мысли.

Вот это уже попадос! Даже боюсь представить, что сделают с

чужестранцем, который одержим непонятно чьим духом. Интересно, одержимых здесь сжигают живьем или топят в пруду?

Пока самые неожиданные мысли скакали в моей голове, как мячики для пинг-понга, княжна с интересом наблюдала за внешними проявлениями этого процесса, а вот граф продолжал смаковать очередное блюдо и, кажется, вообще нас не слушал. При этом именно он считался полномочным и чрезвычайным посланником, а его супруга лишь выполняла «декоративно-представительскую» роль.

– Вам есть что скрывать, Игнат Дормидонтович? – опять став холодной, поинтересовалась княжна.

– Каждому есть что скрывать, – не очень учтиво проворчал я, собираясь с мыслями.

В конце концов, не бежать же мне от предстоящей дачи показаний. Да и куда?

– Кстати, – решила сменить тему княжна, – насчет секретов. Меня все мучают мысли о том, на что вы надеялись при нашей первой встрече. Ведь у вас было некое средство, которое вы сочли оружием, которое вы считаете не менее убойным, чем ваш маленький пистолетик. Кстати, не забудьте зарядить его, когда станете возвращаться к себе домой. Мало ли что может приключиться в дороге.

Вот сволочи!

Княжна явно наслаждалась моей растерянностью.

– Позвольте? – спросил я и, получив утвердительный кивок, достал свой дуствольник.

Так вот почему меня не обыскивали перед посещением этого междусобойчика. А ведь лакей казался таким вежливым и обходительным человеком. Фокусник-самоучка! Похоже, когда помогал мне одеваться, он успел вытащить патроны из пистолета.

Вернув дуствольник обратно в потайной карман, я позволил себе кривую ухмылку.

– И все же вы снова не считаете себя безоружным, – заинтересованно произнесла княжна.

Граф тоже проявил интерес, отпив из бокала и откинувшись на спинку стула.

– У вас тоже есть дар к чтению чужих мыслей? – вопросом на вопрос ответил я.

– Не больший, чем у любой умной женщины, – явно поскромничала княжна. – По-прежнему будете хранить свои секреты даже от меня?

– Нет никакого секрета, а есть вот такая чудесная фляжка.

Не удержавшись от бахвальства, я достал плоскую емкость для крепких напитков и демонстративно щелкнул ногтем по ее крышке.

– Вам не понравились напитки на столе? – спросил граф.

– Тут особый напиток. Очень ядреный. Если открутить крышку и дернуть за нее, получится небольшой взрыв.

Граф тут же подобрался.

Это уже второй раз мне доводится видеть подобную реакцию. С этим голубком все не так просто, как кажется. Не желая нервировать аудиторию, я поспешил с уточнениями:

– Не беспокойтесь. Взрыв безопасный, но дает громкий хлопок и яркую вспышку, а также, что немаловажно для моего спокойствия, изрядное облако серебряной пыли.

Княжна сохранила вежливый и заинтересованный вид, но уголок ее рта все же нервно дернулся, особенно когда я упомянул серебряную пыль.

Неужели она имела сомнительное удовольствие надыхаться серебром, находясь в ипостаси стриги?

Вернув фляжку на место, я постарался осмыслить последствия этой демонстрации. Пожалуй, с откровениями я все же поторопился – публику впечатлил, но всю охрану вместе с лакеем-виртуозом можно смело записывать в список врагов. Это ребячество может вылезти мне боком. Все же старой душе тяжело совладать с юным телом, у которого реакции слишком уж импульсивны.

Графскую пару я впечатлил достаточно, чтобы ночью ко мне заявила горничная княжны, приглашая на еще одно randevu. Княжна и в этот раз не изменила себе – меня немного покорябали и чуток испугали, но все закончилось без тяжких увечий. Мне даже удалось немного повести в нашем интимном «танце».

Кстати, одеваясь, я не обнаружил в карманах пиджака ни пистолета, ни фляжки. Но возмущаться не стал, и правильно сделал – пропажа чудесным образом оказалась на столе в отведенной мне комнате.

У них тут прямо труппа фокусников-карманников.

Глава 3

Вопреки мнению о том, что в глубоко бюрократизированном и до предела коррумпированном аппарате управления Цинской Империей все движется со скоростью улитки, к ведьме меня повели на следующий же день.

На встречу с пока неизвестными мне лицами мы отправились вчетвером, если не считать охраны. В головную машину уселись граф и глава нашего посольства в Цинской Империи князь Кугушев Петр Михайлович. Познакомились мы только перед отправкой, и это знакомство ограничилось представлением графа и парой кивков. Бледный, высокий и худой как жердь господин в церемониальном мундире показался мне холодным, аки змей, и таким же опасным.

Вот уж с кем не хотелось бы ссориться ни за какие коврижки.

Во вторую машину уселись я с переводчиком совершенно китайской наружности, но с русским именем Сергей, правда, произнесенное тут же отчество расставило все по своим местам. Батюшку переводчика звали Хейпин. Только почему к этому всему присовокуплялась фамилия Сватов, для меня было загадкой, а спрашивать как-то неловко.

Сопровождал нас с переводчиком уже знакомый по омским событиям телохранитель княжны, которого я вчера почему-то не видел. То ли у него был выходной, то ли телохранитель наблюдал за происходящим исподтишка.

Ему в усиление дали двух казаков, один из них сидел рядом с водителем в нашей машине, а второй охранял головной паромобиль мини-кортежа.

Под чистым небом и ярким солнцем умытый Пекин предстал передо мной совсем в другом свете. Веселое солнце добавило красок домам – резным и покрытым лаком деревянным балкам и решеткам. Чуть тронутая сероватой плесенью красная черепица надежно охраняла здания от всего, что может упасть с неба, и вчера прекрасно справилась со своей задачей. Теперь люди уже не нуждались в этой защите и высыпали на улицу.

Прохожих было много. Очень много. Казалось, что вчера на улицах остались только те, кто просто не смог поместиться в домах. Теперь же под солнцем вышли все. Улицы были загружены до предела. Нашим водителям приходилось постоянно сигналить, чтобы освободить себе дорогу. В ответ летела ругань на китайском. Причем расступившаяся перед головной

машиной толпа умудрялась сомкнуться даже между двумя паромобилями, чем вызывала раздражение не только водителей, но и почти всех пассажиров.

У меня же толпа вызывала лишь любопытство, как и все окружающее.

Вчера еще можно было разделить людей по достатку, но теперь все они смешались в общую массу. Сразу вспомнился анекдот об одесском трамвае – сначала все пассажиры пахли по-разному: кто недорогими духами, кто чисто вымытым телом, а кто жареной рыбой и даже борщом. Затем в трамвай вошел бомж, и все стали пахнуть одинаково.

Вот так и здесь – толпа людей превратилась в цветастую массу, и только в редких случаях можно было вычленить кого-то одного. Но все равно было видно, что нарядно одетых людей значительно больше. Все-таки это центр столицы большой и богатой империи. Баснословно богатых горожан в этой мешанине не наблюдалось – они передвигались по улицам в паланкинах, впереди которых двигались телохранители с дубинками, коими они и разгоняли к обочинам тех, кто попадался на их пути. В зависимости от знатности находящейся в паланкине персоны бойцы вели себя более или менее нагло.

Изредка встречались и паромобили, но это было скорее исключение, так что на нас смотрели с изрядной долей любопытства.

Увлечшись осмотром достопримечательностей и толпы, я даже не заметил, как мы приехали. Паромобили свернули к воротам, точнее, к арке, охраняемой двумя каменными львами. Разнообразных изваяний этих зверей в городе было очень много, как и драконов, а также прочих представителей полумистической фауны. О том, что это не жилище какого-то аристократа, а присутственное место, говорили снующие туда-сюда клерки в явно неудобных распашонках и не самых функциональных шапочках. Но это еще ничего. Их начальству приходилось намного хуже. Вот кому приходилось напяливать на себя плоды самых диких фантазий древних дизайнеров.

Нам было проще – граф и переводчик надели строгие костюмы посольских чиновников Российской империи. Я же щеголял в своей полицейской форме.

С другой стороны, возможно, наши наряды казались цинцам верхом пошлости и нефункциональности. О вкусах, как известно, не спорят, но это понимание не избавляло меня от удивления и озадаченности.

Впрочем, позолоченный, как церковный купол, Кугушев мало уступал в помпезности тем же цинским чиновникам, чем явно вызывал у них больше симпатий, нежели мы, простые смертные.

Хотя чему удивляться, вон всего пару сотен лет назад по местному времени наши бояре парились в шубах и высоких меховых шапках и летом, и зимой.

Что-то меня не туда понесло. Тут у нас не показ экзотической моды от кутюр, а расследование, в котором я из свидетеля легко могу переквалифицироваться в подозреваемого.

К длинному столу, который оккупировали чиновники, мы двигались по выложенному мраморной плиткой полу длинного зала. На некотором отдалении от боковых стен шли два ряда деревянных колонн, которые обвивали резные змеи. Лишь немного освоившись, я понял, что это немного нестандартные драконы с малюсенькими лапками. Морды у них были больше змеиные, чем драконьи. Похоже, это какая-то специфика именно этого учреждения. Между колоннами застыла охрана с церемониальными глефами. При этом на поясах у них рядом с прямыми мечами висели кобуры с револьверами.

С потолка свисали диковинные люстры из натянутого на бамбуковый каркас цветного шелка. Внутри скрывались магические светильники. Проходя сквозь раскрашенную преграду, их свет неоднородно, как пятна красок палитру художника, расцвечивал стены за колоннами. Из-за этого нарисованные на стенных панелях цапли и кувшинки теряли свое однообразие. Но от игры света и цвета это место веселее не становилось.

Князь шел впереди, а мы с графом немного отставали от него. Переводчик вообще плелся в хвосте и старался не привлекать к себе внимания. Когда мы подошли к столу на возвышении, за которым сидела местная «чрезвычайная четверка», я постарался синхронно повторить поклон Антонио Пьеровича, который, как я уже понял, на дух не переносит, когда его называют Антоном Петровичем. За князем я даже не пытался угнаться, потому что его движения были отточены тысячами повторений.

А вот мне не помешало бы потренироваться, а то со своим фальшивым новгородским гонором и жизнью в провинции выгляжу я как крестьянин из глухой деревеньки, впервые вызванный в дом богатого помещика. Не то чтобы хотелось блеснуть искусством пресмыкаться перед сильными мира сего, но церемониал не мной придуман и не мне его отменять. А создавать себе неприятности по такому пустяшному поводу – это верх тупости.

Так я и думал. Китайцы чуть ли не синхронно сморщились в презрительных гримасах.

Не понял, а им разве не положено по должности быть бесстрастными, как изваяние Будды?

Внутри заклокотало раздражение.

Ох, и когда я уже научусь справляться с реакциями молодого тела?

Сидящий в центре стола китаец что-то залопотал с надменным видом и выразительно обмахнулся веером. Тут же появились два стражника, которые приволокли связанного по рукам и ногам человека. Я тут же узнал в пленнике того ракшаса, который в Омске зарубил вычисленного мной убийцу.

Не повезло бедолаге, но мне сейчас нужно больше беспокоиться о том, чтобы не встать рядом с ним. К тому же если мне удастся вывернуться, то и обвиненному во всех грехах охраннику посольства тоже полегчает.

Где-то за колоннадой бухнул гонг. А затем воцарилась тишина, которую только через пару минут нарушили шаркающие шаги, перемежающиеся сухим стуком. Я повернулся на звук и увидел странное существо.

Впрочем, странным оно было только на первый взгляд, особенно если сравнивать с оборотнями и стригами. Наверное, именно так должна выглядеть в реальности пресловутая Баба-яга. К нам, стуча клюкой о плитки пола и шаркая по ним ногами, шла императорская ведьма. Никем другим сия особа и быть не могла.

Ведьма была одета в нечто похожее на маскировочный костюм «гили». Только в таких ярких расцветках в лесу не спрячешься. Лицо старушки скрывала вуаль из все тех же ворсистых прядей, похожих на растаманские дреды. Когда она подошла чуть ближе, я с невольным содроганием понял, что это действительно дреды, а именно – человеческие волосы, скрученные в вытянутые колтуны. Именно из них был пошит наряд ведьмы. На концах этих прядей висели костяные амулеты, которые тихо, но зловеще постукивали при малейшем движении. К обычной брезгливости тут же прибавилось чувство опасности. Причем такое сильное, что от него даже свело скулы.

Ведьма не нуждалась в церемониях и, пройдя мимо князя, прямехонько направилась ко мне. Встав почти вплотную, она попыталась поймать мой взгляд сквозь сетку своих дредов.

Или это все-таки ее волосы?

Странно, мне казалось, что в таком образе она должна вонять, как тот бомж из трамвая, но от ведьмы пахло довольно приятно – какими-то травами и благовониями.

Блеснувшие золотистыми искрами черные глаза заставили меня невольно отшатнуться. Но не тут-то было. В тот же момент я оказался обездвижен цепкими руками двух китайских воинов. Они подобрались ко мне совершенно бесшумно, и через секунду стало понятно почему.

Когда я чисто инстинктивно попытался вырваться, ткань рукава моего мундира прокололи кончики когтей ракшаса.

Под давлением оборотней я чуть нагнулся, давая возможность колдунье посмотреть мне прямо в глаза. Для удобства она раздвинула свою завесу из дредов, и я увидел старое, но вполне благообразное лицо. Впечатление портила только чернота, заполнявшая глаза полностью, включая белок.

Через секунду держать меня уже не было никакой необходимости. Глаза ведьмы расширились до размеров вселенной, а мое тело закаменело. Причем слышал я хорошо, как и соображал. Так что без проблем услышал, как зачирикала на цинском ведьма и вслед за нею тихо начал переводить Сергей Хейпинович:

— Она хочет, чтобы вы рассказали все, что касается убийства секретаря посла.

Скрывать мне было нечего, поэтому я начал вещать, не пропуская ни одной детали.

Это заняло пару минут, после чего воцарилась тишина. Судя по молчанию переводчика, ведьма в его услугах не нуждалась. Я уже начал нервничать, когда опять заговорила китаянка, и синхронно с ней забубнил переводчик.

— Она спросила, зачем ты пришел в этот мир, и назвала вас чужаком, — с нервным напряжением в голосе перевел Сергей Хейпинович.

Меня обдало холодом от накатившего страха.

Неужели я разоблачен? Впрочем, это еще не повод, чтобы каяться тут перед всякими. Повинуясь внезапно появившейся идее, я начал вспоминать самые откровенные сцены из моих недавних приключений с княжной. На удивление эти образы полностью захватили мои мысли и прогнали страх. Причем настолько, что пришлось одергивать себя, чтобы сформулировать ответ на заданный вопрос:

— Так было угодно высшим силам. Кто я такой, чтобы перечить им? А здесь я, чтобы нести справедливость, и никак не собираюсь вредить владыкам Поднебесной Империи.

Глаза ведьмы вновь вернулись к нормальным размерам, выпуская меня из своего плена. Строгое выражение ее лица сменилось задорным и немного ехидным. Она даже украдкой подмигнула мне.

Вот же весела бабка! Похоже, ей понравились картинки, которыми я пытался заглушить предательские образы другого мира. Но также это могло означать, что ведьма узнала все, что ей было нужно. Она вновь нагнала на лицо полубезумное выражение и повернулась к четверке застылавших как

изваяния чиновников.

Только после этого я ощутил, что меня уже никто не держит. Едва ли не с хрустом разогнулся и потер рукой нывшее плечо, куда особо глубоко впились когти ракшаса.

Вот сволочь полосатая, попортил дорогой мундир.

В это время в зале разгоралась сцена, которая, несмотря на наличие экспрессивной озвучки, для меня была всего лишь пантомимой. Колдунья что-то прокаркала чиновникам и собралась было уходить, но один из чиновников что-то хотел уточнить, причем даже сделал это довольно настойчиво.

Я оглянулся и увидел рядом переводчика, которому и задал животрепещущий вопрос:

– Что происходит?

– Она не нашла в вас лжи, а судьи потребовали объяснить, о чем вы говорили, – все же решился на ответ переводчик, хотя и говорил напряженным шепотом.

Колдунья что-то прокаркала и даже сделала очень выразительный жест, а затем, постукивая клюкой, быстро засемила к укрытому колоннами боковому выходу. Один из сопровождавших ведьму ракшасов шагнул к связанному подсудимому и резким движением меча разрезал на нем путы. Затем, по-прежнему сохраняя на лице полный пофигизм, присоединился к напарнику, следовавшему за уходящей ведьмой.

– Она сказала, что это их не касается, – еще тише шепнул переводчик.

Ага, причем сказала наверняка в крайне матерных выражениях.

Ну что же, от себя могу сказать этой бабке лишь огромное спасибо.

После ухода старушки судьи попытались надавить на меня, но я включил дурачка и через переводчика сказал, что плохо запомнил нашу беседу с великой колдуньей. Проверять меня на вранье они не решились, потому что для этого пришлось бы вернуть обратно этот ходячий детектор лжи. А судя по настроению бабульки, в этот раз матюгами она не ограничится. Нет, ракшасов вряд ли натравит, но вполне может отмутузить этих напыщенных индюков своей клюкой. И, уверен, ничего ей за это не будет.

Попытка подъехать на кривой козе к моему временному начальству закончилась тем же. Граф лишь непонимающе развел руками, а князь вернул чиновникам не менее надменный и холодный взгляд, вообще ничего не ответив. Сделав нам недвусмысленный знак, он повел делегацию к выходу.

Только я не уверен, что у самого посла не возникли кое-какие вопросы

к слишком мутному виду.

На обратном пути мне было не до осмотров достопримечательностей, потому что я надел на переводчика, пытаюсь вытащить из него хоть что-то полезное. Оказалось, что колдунья Ши Киу – это своеобразный аналог Григория Распутина из моего мира. Она втерлась в доверие к матери нынешнего императора и вела себя в высшем свете империи как слон в посудной лавке. Учитывая, что императору сейчас было пятнадцать лет и, по словам переводчика, он был маменькиным сыночком, смелость колдуны вполне оправданна. Впрочем, ее боялись не только из-за покровительства матери-императрицы, колдунья и сама по себе была способна нагнуть жути, потому что умела много чего эдакого. И я тому первейший свидетель. До сих пор одинокие мурашки временами пробегали по спине.

А еще я узнал от переводчика то, что вряд ли смог бы найти в официальных источниках. Оказывается, колдуны в Китае большая редкость. Так уж получилось, что, желая законопатить колдунов в стену бюрократической структуры, китайские чиновники начали ломать их похуже любителей аутодафе в Европе. И точно так же, как наши колдуны начали сбегаться в Новгород, их восточные коллеги едва ли не вплавь отправлялись в Японию. Там у сегуна, четыреста лет назад опекавшего очередного императора, хватило ума принять колдунов под свое крыло. Правда, в Новгороде они собрались под крышей единой академии, а в Стране восходящего солнца образовалась сеть школ, в которой искусство магии передавали от учителя к ученику.

Так что вдовствующая императрица пригрела достаточно редкий экземпляр. Зато оборотней в Китае хватало с лихвой. В основном это были ракшасы и переманенные из Кореи ину – оборотни-псы.

Как и следовало ожидать, сразу по прибытии в посольство я был вызван в кабинет князя. Несмотря на внешнюю невозмутимость, страсти буквально распирала посла, и он выплеснул их без лишних предисловий:

– Почему ведьма назвала вас чужаком?

– Понятия не имею, – на белом глазу соврал я и добавил: – Она колдунья, а не ведьма.

– Вы пытаетесь поучать меня? – сузив глаза, спросил князь, и мне даже почудилось в его голосе змеиное шипение.

– И в мыслях не было, ваше превосходительство, просто эта подробность может быть важна в нашем разговоре.

– Но разговор у нас почему-то не получается. Вы не хотите откровенничать, хотя скрываемая вами информация может быть важна для успеха нашего посольства в Пекине, – почти передразнивая меня, сказал

князь.

Оказывается, у этого змея даже чувство юмора есть.

– Я не могу объяснить вам слова полубезумной ведьмы.

– Тогда объясните свои собственные речи, – попытался прижать меня посол.

Со всем нашим удовольствием, ведь изначально мой ответ ведьме составлялся именно с оглядкой на последствия. И учитывая сложность ситуации, мне удалось неплохо справиться.

– А что тут нужно объяснять? Родился я, как и стал видоком, без сомнения, благодаря высшей воле. И уж точно у меня нет никого желания вредить правителям Поднебесной.

Пару минут князь обдумывал мой ответ, затем негромко произнес:

– В ваших словах нет ни слова правды, господин видок. Это знаете вы, и знаю я. Мне плевать на ваши тайны, но, если ваше вранье навредит моему делу, вас не спасет ни новгородское происхождение, ни покровительство князя Шуйского, ни статус видока. Надеюсь, вы не сомневаетесь в действенности моих угроз?

Серьезный дядька даже не стал смягчать слова.

– Никак нет, ваше превосходительство. Не сомневаюсь, как и в том, что мои тайны никоим образом не могут повредить дипломатическим отношениям двух империй.

– Будем на это надеяться, особенно вы, – хмыкнул князь и, чуть помедлив, добавил: – Более не стану вас задерживать.

После разговора с князем я отправился в отведенную мне комнату, где от безделья дурел Леонард. Пришлось пригрозить ему страшными карами даже за попытку устроить какую-нибудь пакость. Я уже успел сто раз пожалеть, что потащил с собой кота в такую даль, причем без малейшей на то необходимости. Так что прав был капитан «Стремительного» – это просто ребячество какое-то.

На обед я вновь был приглашен в общество графской четы, где подвергся расспросам, правда, не таким категоричным, как в кабинете князя.

– Говорят, у вас состоялась занимательная беседа с ручной ведьмой императрицы-матери, – хитро прищурившись, спросила княжна, едва мы успели съесть по первой ложке неплохого черепашьего супа.

– Она не ведьма, а колдунья. К тому же я не уверен, что бред выжившей из ума старухи можно назвать интересным, – ответил я, глядя в тарелку, словно увидел там что-то очень любопытное.

Надеюсь, в данный момент нас не слушают цинские агенты и мои

слова не донесут до Ши Киу, – не факт, что ее чувство юмора настолько огромно.

– Это действительно бред? – продолжала настаивать княжна. – Как и ваши ответы?

– Ваше высочество, – оторвавшись от супа, со вздохом сказал я, – вот честно, если вы не хотите, чтобы я вам начал врать, не задавайте слишком личных вопросов.

Так, кажется, я сказал больше чем нужно, и княжна сделала соответствующие выводы.

– Игнат Дормидонтович, а почему вы прячете своего кота от нашего общества? – мило улыбнувшись, тут же сменила тему княжна.

Когда хотела, она могла быть какой угодно – от такой вот плюшевой и милой до холодной и даже жуткой.

– Ваше высочество, вы любите кошек?

Услышав это, Дарья чуть кривовато улыбнулась, а Антонио поперхнулся глотком вина.

Интересная реакция.

– Может, пригласите вашего спутника к нам? – предложил граф, покосившись на жену.

Все интереснее и интереснее.

– Не стоит утруждаться, – остановила Дарья мою попытку подняться с места и позвонила в стоявший рядом на столе колокольчик.

Тут же появилась горничная.

– Принесите кота Игната Дормидонтовича.

Через минуту стало понятно, что горничная выполнила приказ своей госпожи буквально и притащила тяжеленного Леонарда на руках. А этот скот воспринимал все как должное и блаженствовал.

Для себя я лишь отметил силу горничной и сделал зарубку в памяти.

Блаженство моего хвостатого напарника продлилось недолго – до момента, когда он увидел княжну. Судя по прищуренным глазам и настороженному взгляду Дарьи, она явно ожидала подобной реакции.

Лео вывернулся из рук горничной, спрыгнул на пол и подбежал ко мне.

За время нашего знакомства я научился не только читать выражение глаз и морды кота, но и, добавив толику фантазии, переводить все это в некие фразы.

«Шеф, не, ну ты видел это, ты видел?!»

Интересно, он опознал ошейник или узрел нечто недоступное взгляду человека?

– Леонард Силыч, ведите себя пристойно и поприветствуйте наших

гостеприимных хозяев.

Кот настороженно глянул на меня.

«Ты это серьезно?»

Не став упрямыться, он величественно подошел к графу и дал ему себя погладить. Затем еще раз оглянулся на меня.

– Леонард Силыч... – с нажимом повторил я.

Горестно вздохнув, кот осторожно подошел к княжне. Его походка и поза говорили, что в случае чего он и укусить может.

Самое интересное, что у Дарьи вид был практически таким же. Она осторожно приблизила руку к замершему рядом с ее стулом коту и легким касанием дотронулась до серой шерсти.

И ничего страшного не произошло. Княжна начала гладить Лео, а тот то ли искренне, то ли из вежливости заурчал.

Больше всего был шокирован почему-то именно Антонио.

– Мио дио! – ошарашенно выдохнул он. – Но как?!

– А что, собственно, вас удивляет? – не удержался я от вопроса.

– И коты, и собаки с ума сходят, когда видят мою супругу.

Леонард, разошедшийся до того, что запрыгнул княжне на колени, с превосходством оглянулся на Антонио. Мол, вот я какой весь красивый, смелый и особенный.

Внезапно в глазах Дарьи мелькнуло понимание:

– Это питомец...

– Да, – поспешил я подтвердить ее догадку.

Мало ли кто нас сейчас может услышать. Возможным слушателям совершенно не обязательно знать, что связывает меня, кота, княжну и одного слишком уж увлеченного наукой профессора.

Дарья сначала посмотрела на меня, а затем на Лео – и опять сделала для себя какие-то выводы. Думаю, что мне поставили маленький плюсики.

– Жаль, что вы пробудете у нас недолго.

– И скоро нам улетать? – поинтересовался я, почему-то вызвав у графа приступ смеха.

– Улетать? Увы, мио амиго, ради вас никто не станет гонять «Стремительный». Домой вы отправитесь на пароходе. Через несколько дней в порт Тяньзиня приходит судно «Бекас» с грузом для нашей миссии. Оно и заберет вас во Владивосток. А затем уже железной дорогой спокойно доберетесь домой.

Подобный маршрут меня не удивил. Потому что в этой истории сильный Китай, державший Корею и Маньчжурию в ежовых рукавицах, закрыл свои границы на очень мощный запор. Так что Транссиб, хоть и

появился на пару десятилетий раньше, огибал территорию Цинской Империи по дуге, как это было в моем мире со времен Русско-японской войны.

– Ну, ничего, хоть пару дней погуляю по Пекину, – стряхнув задумчивость, с показным весельем сказал я.

– И это тоже не получится, – как-то виновато развел руками граф. – Князь приказал не выпускать вас с территории посольства. Но не переживайте. Развлечься и вкусить местной экзотики нам все-таки удастся.

– И каким же это образом? – осторожно уточнил я.

Граф человек, так сказать, сложный, мало ли что он имеет в виду.

Наша пикировка вызвала у княжны ехидную улыбку.

– Князь очень хотел бы запереть вас в самом маленьком сундуке и отправить на родину в нем же, но наш большой друг Айсиньгеро Ихей хочет видеть вас у себя на празднике.

Когда на моем лице не отразилось ни грамма понимания, граф со вздохом сделал очень толстый намек:

– Айсиньгеро – это родовое имя правителей Цин.

Так, стыдно, конечно, но я точно знаю, что сейчас на престол империи, так сказать, присел пятнадцатилетний парнишка, а номинально правит регентский совет во главе с его маменькой в звании вдовствующей императрицы. Так что это точно не брат, и тем более не сын.

– Дядя или кузен?

– Кузен, – благосклонно кивнул граф. – Он возглавляет партию приверженцев плотного союза с нами. Убийство секретаря посла очень сильно ему навредило и усилило его соперников. Но с вашей помощью ситуация немного исправилась. Так что в благодарность великий князь пригласил нас, и вас в особенности, на пир через два дня. У него как раз какая-то знаменательная дата. Так что развлечений будет более чем достаточно, хотя и без прогулок по Пекину.

Как показало будущее, граф ошибся, причем трижды.

Глава 4

Императорского кузена я увидел на сутки раньше оговоренного срока. Даже не успел заскучать в четырех стенах. В начале ночи опять заходила горничная княжны, но ушла без меня. Хорошенького понемногу – еще прошлые царапины не успели зарasti. Но когда за ней закрылась дверь, я уже не чувствовал себя тем, кто контролирует ситуацию. Скорее, ощущение было как у супруги, сославшейся на головную боль. Не самое приятное ощущение, но не бежать же следом за ушедшей проводницей в мир легкого садомазо.

Как оказалось, все вышло даже к лучшему – хоть поспал немного. В мою дверь постучались ровно в половине первого ночи. И сделали это довольно настойчиво – тут явно была не осторожная и обходительная горничная.

– Ваше благородие, просыпайтесь!

Ну что ты будешь делать?!

– Минуту! – крикнул я и начал одеваться.

Поразмыслив, выбрал из аккуратно развешанных в шкафу вещей полицейский мундир – мы здесь вроде на представительской службе, так что нужно соответствовать моменту. Пистолет и фляжка перекочевали в планшетку, где в принципе у меня хранилось все ценное – от личных документов до перстня видока и артефактных гогглов. Эдакий тревожный чемоданчик. В случае чего, можно схватить планшетку и бежать, ни о чем не жалея.

Трость с формой не сочеталась, так что осталась в комнате.

С одним малюсеньким пистолетом я чувствовал себя неудобно, но попытка узнать у ломившегося в комнату казака, где мой баул с оружием, наткнулась на стену непонимания и раздражения.

– Не положено, – проворчал он и добавил без малейшего уважения в голосе: – Поспешайте, ваше благородие. Их сиятельство ждут.

Так оно и оказалось. Чем-то обеспокоенный граф ждал меня у служебного паромобиля.

– Антонио Пьерович, что случилось?

– У нашего друга в доме какая-то беда, – без обиняков ответил граф, – он прислал гонца и попросил вашей помощи.

– Моей?

– Да, – кивнул граф, – я буду сопровождать вас на всякий случай.

Князь дал свое добро.

Кроме нас с графом и сонного переводчика, в паромобиль рядом с водителем уселся разбудивший меня казак.

Не скажу, что его присутствие сильно успокоило в плане безопасности. Я бы предпочел квартет своих револьверов и пару светошумовых гранат с серебряной начинкой. Но – увы, это действительно тот случай, когда тех, кто сунулся со своими правилами в чужой монастырь, могут не только послать в дальнее пешее путешествие, но и настучать по бестолковке.

Ночной Пекин, в отличие от городов моего мира, был очень слабо освещен. Даже в центре города уличные фонари, судя по спектру магического происхождения, встречались лишь со стометровым интервалом. Дома освещались вообще декоративно, скорее из желания украсить экстерьер, чем помочь ночным путникам. Так что очень кстати прищлась энергетическая фара нашего паромобилia, находившаяся прямо посреди радиаторного конденсатора.

Из-за яркого света фары и скудного уличного освещения рассмотреть что-либо, кроме дороги, было трудно, так что запомнить маршрут не представлялось возможным. Да и смысла в этом не было.

Ехали мы минут двадцать, и в конце пути луч фары высветил большую арку, которую перегораживали какие-то декоративные, совсем несерьезные ворота. Дракончики на них, конечно, красивые, но от вторжения они защитить не могли.

Вот и не удивительно, что с такими мерами безопасности беда пришла именно в дом нашего союзника. Надеюсь, мне не придется проводить ритуал над его трупом. Уверен, что в этом случае посол повесит всех собак на меня, и любые разумные доводы будут значить не больше, чем писк комара.

К счастью, все мои опасения оказались досужими домыслами. Китайский великий князь ждал нас на пороге дома в окружении целой свиты и двух десятков очень серьезно настроенных телохранителей. Почему-то в этот момент диковинные наряды свитских и самого кузена императора не вызвали у меня насмешки. Возможно, потому что теперь эта экзотика окружала поистине властного человека. Куда уж там той четверке чиновников, не сумевших справиться даже со старушкой.

На вид Айсиньгеро Ихею было лет сорок, и если князь Кугушев напоминал мне змею, то сейчас передо мной стоял дракон. Даже его свисавшие вниз завитые в жгуты усы словно повторяли такие же у деревянного изваяния, обвившего крышу дворцового крыльца.

На лице великого князя было написано доброжелательное выражение с

ноткой снисходительности, но меня все время не отпускало ощущение, что сквозь водянистые серые глаза на нас смотрит именно дракон, для которого люди лишь букашки – полезные, вредные, а порой опасные своими ядовитыми укусами, но все равно лишь букашки.

– Рад приветствовать, – сделав величавый жест рукой и осторожно подбирая слова чужого для него языка, произнес цинский аристократ.

Получилось скупое, но почти идеально по произношению.

После приветствия он заговорил уже на родном языке. Вставший за нашими с графом спинами Сергей Хейпинович начал тихо переводить:

– Его высочество очень сожалеет, что побеспокоил вас в столь поздний час. Но у него в доме случилась беда. Убит один из телохранителей. Убийцу найти по горячим следам не удалось, но коль уж в городе находится один из всемирно известных новгородских видоков, он хотел бы воспользоваться вашими услугами.

– Ничего не говорите, – сквозь зубы прошипел граф, – просто поклонитесь.

Не знаю, положено ли здесь так отвечать на просьбы родовитых особ или он боялся, что я ляпну что-нибудь не то. Наш переводчик, конечно, переведет все как нужно, но ведь кто-то же учил кузена императора русскому языку. Так что, повинувшись приказу чрезвычайного посланника, я, как учили, прижал ладонь к груди и низко поклонился.

Ихей благосклонно кивнул и, развернувшись, пошел в глубь дома. Судя по тому, что его свита расступилась и замерла в ожидании, нам нужно следовать прямо за ним.

Мы прошли пару коридоров и три больших зала, в которых было на что посмотреть, но не было на это времени. В итоге оказались в небольшой комнате перед дверью из резных карпов. Через открытый проем была видна большая кровать с балдахином, но ни смотреть, ни идти туда мне было незачем, потому что мы уже пришли. Прямо у порога спальни, раскинув в стороны руки, лежал воин в точно такой же одежде, как и другие телохранители великого князя.

Не знаю, какие предания у цинских воителей, но будь покойный почитателем Одина – мог бы радоваться: мертвая рука все еще крепко сжимала рукоять меча. Под головой трупа натекла изрядная лужа уже свернувшейся крови, а жуткая рана поперек горла выглядела как второй, распахнутый в безмолвном крике рот.

Войдя в комнату, я практически сразу ощутил резкий запах каких-то благовоний. На секунду мелькнула мысль, что убийца решил таким образом помешать мне работать, но запах для этого был слишком слабым.

К тому же, по словам графа, о видах в Китае знало не так уж много народу. Скорее всего, запах должен был помешать ищейкам. О том, что любой оборотень легко может взять след, было известно всем мало-мальски умным китайцам.

Ихей остановился рядом с трупом и посмотрел на него, но никаких эмоций на его округлом лице я не заметил. Подняв глаза, он вновь заговорил.

– Его высочество говорит, что ему повезло, – тихо прошептал мне из-за плеча переводчик. – Он задержался в своем кабинете, хотя сказал прислуге, что идет спать. Еще их высочество просит, чтобы вы сделали все как можно быстрее.

Ну, быстрее так быстрее. Не уверен, что мое поведение понравится графу, но молчать я не собирался:

– Скажи его высочеству, что мне нужно остаться в комнате одному.

Переводчик недоверчиво покосился на графа, но, получив хоть и недовольный, однако все же утвердительный кивок, заговорил на китайском.

Великий князь что-то каркнул, и все поспешили покинуть комнату, включая Антонио и переводчика, но сам аристократ остался на месте.

Ну и ладно, не очень-то нужно. Не устраивать же дипломатический скандал из-за такой мелочи. Так, где бы нам припарковаться?

Окно в комнате было одно, и представляло оно собой резную деревянную раму, на которую натянули тончайшее шелковое полотно с расписными рыбками.

Но это не так уж важно, а важно то, что оно закрыто и шелковое полотно не разорвано. Значит, убийца пришел сюда, как и мы, через дверь. Тогда самое лучшее место будет именно спиной к окну.

Я уже привык к некоему самостоятельно выдуманному ритуалу и уселся примерно так, как видел это в фильмах про японских самураев: сначала на корточки, затем на колени и на пятки. Ладони оставались на бедрах.

Ихей удивленно шевельнул бровью, явно заметив специфику позы, но сейчас мне было не до него.

Надеюсь, он не заподозрит во мне японского шпиона.

Достав из планшетки гогглы, я нацепил их на голову и постарался сконцентрироваться. Руны на теле отзывались практически сразу – стоило лишь моргнуть, и комната изменилась. Ихей исчез, а погибший телохранитель теперь стоял на ногах. Гогглы оказались не нужны – в комнате было достаточно светло.

В общем, все прошло штатно, и я приготовился к освидетельствованию. Обычно удавалось захватить интервал перед смертью жертвы где-то в двадцать-тридцать секунд. Эмоции виновника разрыва ткани реальности ощущались практически сразу.

Телохранитель скучал. Он мечтал только о том, как закончится его дежурство возле спальни господина и выдастся возможность увидаться с одной из служанок. Я, конечно, не читал его мысли, просто делал выводы из хоровода эмоций и обрывков мимолетных образов. Возможно, именно мечты о близости с миниатюрной, но при этом грудастой шатенкой и стали причиной падения шансов на выживание в общем-то опытного воина.

Когда он почувствовал опасность и, чуть присев, начал разворачиваться, вплотную к телохранителю подскочило странное существо. Я даже принял его за оборотня, но тут же понял, что на незнакомце просто большая маска карнавального льва. Такие я видел в исторических фильмах о Китае. Грива скрывала невысокую фигуру убийцы почти до колен, так что получалось довольно футуристическое зрелище.

Меч телохранителя успел покинуть ножны, но на этом его сопротивление и закончилось. Подскочив вплотную, ряженный лев сделал взмах рукой и коротким клинком разрубил горло своему сопернику. Но, судя по широко раскрытому рту жертвы, телохранитель все же успел закричать. Самого крика я конечно же не услышал.

Различить нюансы чувств, обуревавших убийцу, не получилось, потому что он буквально затопил все вокруг такой густой ненавистью, что она забивала все другие эмоции. Единственное, что смогло разбавить концентрированную ярость, – это тень разочарования от вида пустой спальни.

Рассматривать ряженого убийцу было некогда, пора было задействовать эффект удильщика. Набросить связующую нить на черную фигуру получилось без проблем – видел я ее хорошо, и контакт получился надежный. Встав на одно колено, я разорвал транс и вывалился в реальность. Нить натянулась, но не очень сильно. Значит, киллер не успел покинуть дворец!

Повторялась история с омским убийцей. Ихей заинтересованно посмотрел на меня. Я ничего не мог сказать ему по причине незнания языка, лишь утвердительно кивнул.

Лицо аристократа приобрело азартное выражение, и мне опять почудилось, что я смотрю в глаза дракону, у которого сильную эмоцию может вызвать лишь предстоящая охота на двуногую дичь.

Сомнений у меня не было, потому что сейчас я выполнял свою работу

– искал убийцу.

Соотносясь с направлением нити и лишь частично известной мне планировкой здания, я повел всю толпу по коридорам и комнатам. Пришлось немного поплутать, но неожиданно мы вышли к закрытым дверям, которые охранял еще один телохранитель. Он попытался меня остановить, но прилетевший сзади окрик великого князя остудил пыл вояки. Я толкнул дверь и оказался в самом настоящем гареме.

Все по классике – украшенная резными панелями комната, небольшой фонтан посредине, и все полы в коврах. На диванчиках и просто разбросанных по полу подушках расположился десяток очень привлекательных дам в национальных костюмах. Одна даже играла на некоем гибриде мандолины, гуслей и дутара.

Музыка стихла, как только я вошел в комнату. На меня устремились взгляды, в которых можно было прочесть удивление и испуг с толикой любопытства. И только раскосые глаза одной девушки излучали чистейшую ненависть. Мне даже не нужно было сверяться с нитью, чтобы понять, что давешний убийца в маске – это и есть очень красивая и стройная наложница великого князя. Сейчас на ней было цветастое кимоно с широкими рукавами, но оно не могло замаскировать настоящую хищницу.

И тут я понял одну вещь. Жаль, что с запозданием. Таковую чистую ненависть, которую я все еще мог считывать благодаря связывающей нас нити, могло породить только такое же безмерное страдание. И причиной перенесенного девушкой горя был тот, кого я привел прямо к мстителю.

В голове даже мелькнула мысль включить дурачка и повести всю охотничью свору к декоративным воротам. И уже там горестно вздохнуть и сказать, что нить оборвалась. Но я не учел одного – в глазах девушки я был одним из прихлебателей ее врага.

Выжить мне удалось только благодаря той же эмоциональной связи и широкому рукаву кимоно. Почувствовав всплеск ярости, я тут же начал поворот корпуса, а рукав кимоно замедлил движение ее руки. Это был классический уход от метательного ножа, которому меня обучил Евсей. Полсотни синяков и потеря ведра пота не остались без награды – нож стремительной рыбкой мелькнул перед моим животом и впился грудь самого любопытного из свиты императорского кузена.

Второй бросок убийце не дали сделать телохранители. Сначала она была вынуждена отбивать летящую ей в голову вазу, а через секунду на девушку навалились два мужика, выкручивая ей руки.

Пленница забилась в жестком захвате, как птица в силках, выкрикивая наверняка не самые лицеприятные выражения в адрес великого князя. А

тот лишь улыбался, подойдя к пойманной жертве вплотную.

Внезапно тон девушки изменился, и слова наполнились холодной ненавистью. Лица аристократа я не видел, но заметил, как напряглись его плечи. Он что-то каркнул, и к стоявшей на коленях девушке подскочил третий телохранитель.

Руки девушки были задраны вверх, как у взлетающей птицы, так что для выкрикиваний обвинений ей приходилось запрокидывать голову. Удара телохранителя не заметил даже я, хотя стоял очень близко, а вот покотившуюся по полу голову и тугую струю крови, брызнувшую на одежду великого князя и роскошные ковры, заметили все без исключения.

Что тут началось!

Наложницы завизжали, да так, что завибрировали стены. Свита Ихея закудаhtала как растревоженный курятник, но все это я воспринимал каким-то фоном, потому что окружающий мир отрезала от меня некая невидимая стена. Во вселенной осталось лишь обезглавленное тело и набухавший кровью рисунок на персидском ковре. Хорошо, что я не видел головы с красивым, но уже мертвым лицом.

Хотя что тут вообще может быть хорошего? Ситуация потрясала своей неправильностью. Было невыносимо тошно, но не от вида крови, а от того, что я сделал.

В новой жизни мне довелось повидать и не такое, чего стоит расчлененная профессором дочь омского купца, но то все было лишь тенью зверства, а вот это все хлестнуло по нервам раскаленной цепью.

Из ступора меня вывело прикосновение к плечу. Я дернулся так резко, что граф опасно отшатнулся:

– Игнат Дормидонтович, мио амиго, вы в порядке?

Удивительно, но Антонио выглядел куда лучше меня. Вроде при его тонкой нервной натуре и хрупкой, голубой душе графа должно было полоскать в три фонтана. Но нет, чуть побледнел, и только. Даже обо мне беспокоился.

– Нам лучше уйти, – предложил он и чуть ли не насильно потащил меня в коридор.

На свежем воздухе мне стало лучше, и мозг заработал без сбоев.

Что бы ни говорила совесть, подстегиваемая юношескими реакциями тела, циничная душа утверждала, что моей вины здесь нет. Я делал то, что должен, и нужно иметь смелость принять то, что свершилось.

Все правильно, но уверен, эта ночь будет мне сниться еще очень долго.

Как верно сказал Уильям наш Шекспир: мавр сделал свое дело, мавр может уходить. В этом мире Шекспир не родился, но мудрость его мыслей

от этого меньшей не становилась.

Цинский великий князь не стал задерживать нас, и, как мне показалось, не только из-за сентенции, сформулированной великим британцем, но еще и потому, что он явно куда-то опаздывал. Целая процессия с окруженным телохранителями паланкином выдвинулась из ворот дворца практически сразу за нами. Это я увидел через заднее стекло паромобиля.

Даже стало интересно, куда так спешит наш политический союзник, так и не наведя порядка в собственном доме.

В посольство добирались в поистине гробовом молчании. Антонио уже не был так бледен, но и до его обычной небрежной веселости было далеко.

Когда мы вышли из паромобиля перед крыльцом посольства, он положил мне руку на плечо и с какой-то усталой грустью в голосе сказал:

– Идемте в библиотеку, mio amico, там есть что выпить. Это сейчас нужно нам обоим.

Ну а что? Мысль правильная. Я не большой любитель напиваться, но в данном случае сам бог велел.

В посольской библиотеке я еще не был, и напрасно. Она обладала изрядной коллекцией книг в двух десятках шкафов. Были и традиционные решетчатые стеллажи для хранения свитков. А в некоторых шкафах я заметил стопки каких-то досок.

Надо будет наведаться сюда в более спокойный денек.

Когда увидел посреди комнаты рядом с большим столом огромный, затейливо оформленный глобус не менее полутора метров в диаметре, я сразу заподозрил, что упомянутая графом выпивка спрятана именно там.

Так оно и оказалось. Глобус вращался не на вертикальной оси, а в чашеобразной обрешетке, так что верхняя часть поднималась как крышка, обнажая целую батарею разных бутылок. А вот посуды нигде не было.

Надеюсь, нам не придется пить из горла.

Не пришлось. Пока Антонио выбирал бутылку в библиотеке, появился лакей, который принес целый поднос закусок и шесть коньячных бокалов.

Ну вот как он узнал, что глубокие размышления Антонио закончатся выбором именно коньяка?

В двадцать первом веке мы привыкли относиться к обслуживающему персоналу с пренебрежением, забывая, что ненавязчиво и профессионально обустроить досуг другого человека – это по большому счету настоящее искусство. Здесь я не видел, чтобы хоть один дворянин по-хамски обращался к собственному слуге. Зато в своем мире не раз наблюдал

зарвавшихся нуворишей, обливающих презрением и грязью официантов и гостиничную службу. Что это? Неистребимое в нашем народе чванство или же недостатки демократии как таковой. А может, все вместе. После переселения сюда меня поначалу напрягало сословное деление, когда сопливый дворянчик обращался к заслуженному мастеру на «ты», а тот вынужден в ответ уважительно ему «выкать». Но потом я осознал, что дело не в правильности или мнимой неправильности политического строя, а в традиции уважения людей друг к другу. Порой какой-нибудь разбитной казак может так сказать «ваше благородие» – будто помоями обольет, а иногда «вашбродь» получается душевно и с превеликим уважением. Когда-то большевики сломали это веками создаваемое равновесие, но своего аналога так и не построили.

Что-то меня занесло на философию. Не выспался, наверное.

Приняв от графа бокал, я поднял его в салюте:

– Ваше здоровье, граф.

– Бриндизи, – ответил мне Антонио, приподнимая свой бокал.

Выпили. Закусили. Немного помолчали.

– Вы позволите мне называть вас Игнацио?

– После того, что мы пережили вместе? Легко, – небрежно взмахнул я бокалом.

Несмотря на все свои странности, Антонио был вполне нормальным человеком и, что самое главное при его социальном статусе, совершенно адекватным.

– Благодарю, – не вставая с кресла, поклонился он. – Игнацио, мне хотелось бы убедиться, что вы правильно поняли то, что произошло в доме нашего союзника.

– Вы думаете, я что-то упустил в сцене казни без суда и следствия?

– По этому поводу у вас есть хорошая пословица: в чужой монастырь со своим уставом не лезут.

– И не пытаюсь, – допив бокал до дна, проворчал я. – Но к этой девушке палача привел именно я. Так что на мою помощь ваш союзник больше может не рассчитывать.

Чтобы долить мне коньяка, графу пришлось встать, и при этом он налил на самое доньшко.

И не лень ему каждый раз подниматься, я бы набулькал как минимум половину.

Вот и еще один пример отсутствия культуры питья, которую на корню уничтожили те же большевики, оставившие после себя пресловутое: «Лей еще, ты что, краев не видишь?!»

– Мио амико, – сокрушенно покачал головой граф, – вы слишком юны и многого не понимаете. Это наш общий союзник, и случись какая беда, здесь нам положиться больше не на кого.

В ответ я только хмыкнул, опять приложившись к бокалу. Перед глазами стояла холодная улыбка этого дракона, с которой он смотрел на расползающиеся по собственному кимоно пятна чужой крови.

Не заметив в моих глазах понимания, граф заговорил чуть жестче:

– Игнацио, надеюсь, вы не наделаете глупостей и не наговорите великому князю чего-то лишнего на завтрашнем пиру.

– А разве он состоится после такого-то? – искренне удивился я.

– То, что произошло, никак не может изменить планов его высочества. Это только лишняя возможность показать умение сохранять лицо в любых ситуациях. Так что готовьтесь к завтрашнему маскараду.

– Маскараду?

– Господин посол решил сделать великому князю приятное, и на пир мы пойдем в цинской одежде.

– Вот не было печали... – проворчал я, опять допивая коньяк.

Остановив жестом напрягшегося графа, я сам взялся за бутылку.

От выпитого у меня немного шумело в голове, но нужно отдать должное, налил я вполне пристойную дозу... ну или чуть больше, чем это сделал бы Антонио. Не вскакивать же по два раза.

Похоже, происшедшее в доме нашего «обожяемого» союзника задело графа намного больше, чем он это хотел показать. Так что к бокалу он прикладывался не менее рьяно, чем я. Мы разоткровенничались – я поделился с ним тем, что прочел в дневниках Игната о жизни в школе видоков, и добавил пару адаптированных историй из студенческой жизни двадцатого века другого мира. В ответ узнал о прошлом Антонио. Рассказ графа окончательно объяснил все странности его образа.

Родился он в семье, близкой к Савойской династии Итальянского королевства. Отец Антонио некоторое время служил послом в Москве, где и женился на одной из фрейлин императрицы Вероники – матушки нынешнего императора. Именно благодаря стараниям матушки он так хорошо знал русский язык, но родным для него все равно оставался итальянский.

В империи Антонио прожил только первый год своей жизни, а остальное время провел сначала во Флоренции, а затем в Риме, куда переехала столица королевства. Там он и должен был жениться, естественно, против своей воли. Не придумав ничего лучшего, граф устроил дуэль аж с самим племянником короля, на которой и заколол

бедолагу. Так что пришлось бежать на родину матери. Тогда вдовствующая императрица была еще жива, она и инициировала этот странный союз – принцессы-стриги и беглого, да к тому же еще и не совсем традиционно настроенного в интимном плане графа.

Наши откровения сопровождались обильными возлияниями, так что в итоге мы имели все шансы напиться до свинского состояния, но в кабинет вовремя вошла Даша, совершенно очаровательная в своем белоснежном пеньюаре, и решительно разогнала наш междусобойчик.

Посмотрев на меня, она сделала какой-то вывод и за пару часов, оставшихся до рассвета, ко мне в дверь так никто и не поскребся.

Глава 5

Из-за пассивности или же простой снисходительности княжны мне удалось неплохо выспаться. А благодаря ее же настойчивости похмелье были легким, почти невесомым. Так что поздний завтрак был воспринят организмом с благодарностью и воодушевлением. Да и вообще вчерашние кошмары немного потускнели, и настроение неуклонно улучшалось. Его немного портила перспектива маскарадного пира, но это ведь тоже приключение, причем экзотическое. Так что некая доля любопытства все же присутствовала.

Подготовка к пиру началась почти сразу после обеда. Явилась доверенная горничная княжны и пригласила следовать за ней, но не на романтическое randevu, а на примерку. В кабинете, где мы провели наш первый совместный ужин, меня дожидалась не только благородная пара, но две китайские тетki. На этот раз местные уроженки были одеты без всяких излишеств – в прямые шелковые платья с рисованными цветами. Кажется, я такое видел в фильмах о Китае тридцатых годов двадцатого века. Похоже, прогресс моды в этом мире посетил Поднебесную значительно раньше.

Позже я узнал, что эти платья называются «ципао» и этому стилю лет триста, не меньше.

С собой дамы притащили целый ворох одежды и начали наперебой сватать мне всякое непотребство, начиная с точно такого же платья, как на них самих, и заканчивая многослойным кимоно с настолько длинными полами и рукавами, что все это волочилось за бедным носителем сей сбруи.

Выбрал я желтый шелковый халат, который застегивался на правую сторону. Этот фасон у меня ассоциировался скорее с монголами, чем с китайцами. Нормальные шаровары и относительно нормальные сапоги с чуть загнутыми вверх носками довершали мой новый наряд. Головной убор здесь был необязательным предметом туалета, что порадовало меня неимоверно.

Княжна остановилась на том же ципао с лилиями, а граф скопировал мой прикид, только в нежно-голубых тонах. Наверное, чтобы никто не питал иллюзий насчет его предпочтений.

Вот таким цирковым трио мы и отправились в путь. Почему трио? Да потому что посол сказался сильно занятым. Переводчик, как лицо лишь сопровождающее, а не участвующее в намечавшемся торжестве, оделся как обычно.

Всего за несколько часов дворец китайского аристократа сильно преобразился. Его украсили разноцветные фонари и целые транспаранты с драконами и прочей экзотикой. Везде были понатыканы воины с трепещущими на ветру факелами и ритуальными алебардами. По тропинкам сада и коридорам дома сновали, как стаи крыс, невзрачные слуги, то ли помогая гостям, то ли внося в обстановку нездоровую суету.

В большом зале, куда нас проводили слуги, были накрыты длиннющие, но при этом очень низкие столы, составленные буквой «П». Они размещались вдоль трех стен, оставляя свободной где-то четверть зала у входа. Торцевая часть этого мебельного построения находилась на невысоком помосте. Именно там восседал хозяин праздника с самыми дорогими гостями. Выглядел Айсиньгеро Ихей как кот, сожравший большую крынку сливок. Он буквально лучился довольством и жизнерадостностью. Казалось, что шкура хладнокровного дракона слезла с него, показывая миру вполне живого и эмоционального млекопитающего.

Такое впечатление, что убийства телохранителя, перешедшего в казнь убийцы, вообще не было, а явно бессонная ночь совершенно никак не сказалась на самочувствии императорского кузена. Или он, как и я, отсыпался до самого обеда, отдав организацию праздника на откуп слугам?

Вы думаете, что нас посадили за главный стол? Не тут-то было, хотя не факт, что для нас это плохо. Слуга привел нас к нашим табуреткам, находившимся где-то посередине лишь начавшей заполняться левой ножки той самой «П».

Минут пять я пытался устроиться на этом пуфике так, чтобы впоследствии при неосторожном движении не перевернуть к чертям весь стол. К тому же не хотелось, чтобы затекли ноги и слугам после пира пришлось бы нести меня до паромобиля. У графской четы посадка получилась намного лучше – опыт штука крайне полезная.

Вот на что уж точно было грех жаловаться, так это на богатство стола. Выглядел он как абстрактный натюрморт. На яркой скатерти явно по фэншую были расставлены миски, мисочки, пиалы, палочки, да и мелкие наперстки. И в этой посуде чего только не было. Особенно впечатляли цвета блюд.

Мысленно перекрестившись, я начал пробовать, благо некоторый опыт еды палочками у меня все же имелся.

Вот это – ничего. Это вообще класс, а вот эта зеленая фигня совсем ни в какие ворота не лезет.

Судя по веселым глазам Антонио, его одолевало жгучее желание много чего рассказать мне о продуктах, из которых были сделаны блюда,

но, если не хочет, чтобы я разом испортил аппетит всем присутствующим, пусть лучше помолчит.

Похоже, графа посетила та же мысль, так что он только поднял нечто среднее между очень глубокой пиалой и слишком уж толстостенной чашкой.

Выпить не помешает, особенно чтобы смыть вкус той зеленой гадости... Да чтоб тебя! Ничего себе у них водочку подают. Здесь же явно больше сорока градусов!

Хмуро посмотрев в искрящиеся весельем глаза Антонио, я вернулся к уже опробованным блюдам, конечно же избегая пиалы с зеленоватым содержимым.

То, что граф ошибся, суля нам увлекательные развлечения, стало понятно сразу же – с просмотра выступления традиционного китайского театра. Оно началось, едва гости расселись по местам. Даже поесть нормально не дали.

Ну вот честно, господа китайцы, не хочу никого обидеть, но это не театр, а цирк какой-то. Сначала все было более или менее удобоваримо. Для затравки в свободную от столов часть зала вышли несколько слишком уж кричаще одетых человек и начали показывать трюки с некими театральными вставками. В свое время я видел выступление китайского цирка и сейчас понимал, как сильно его исказило влияние европейской культуры. Сейчас же я лицезрел, так сказать, корневище этого искусства. На ярмарке в Топинске у скоморохов трюки были не в пример примитивнее, но подходили они к своему делу с огоньком и шутками. Да, плоскими и примитивными, но это же народная забава. Здесь же гимнасты совершали сложные акробатические этюды и все это делали с таким серьезным видом, будто несли в массы некий глубочайший философский смысл.

Еще хуже стало, когда появились корифеи драматического жанра. Очень не хочется выглядеть ханжой и уподобляться, скажем так, не слишком просветленным личностям из городских подворотен и сельских завалинок, которые брезгливо смотрят на прыжки и ужимки танцоров классического балета, но – увы, всей глубины Пекинской оперы я так и не постиг. Для начала на сцену вышел дядька с лицом, до предела раскрашенным разноцветными полосами и пятнами, а может, это вообще была маска. Оделся он в лучших традициях местной моды – то есть четырехста метров ткани, сто из которых волочились за актером по полу. Ушастая шапка дополняла образ местной мегазвезды – других вряд ли позвали бы на праздник члена императорской семьи.

Ага, это все-таки не маска – в ней так вытаращиться не получится. С застывшим лицом и буквально вывалившимися из глазниц глазами он начал петь. Ну как петь – не хочу называть отрывистые выкрики лаем, но другой ассоциации у меня не было. Насколько я понял, как и в русском балете, эмоции здесь передаются в основном движениями. Только понять бы, что хотел выразить актер, резко пнув ногой воздух и раз в десять секунд переходя из одной эффектной, по его мнению, позы в другую. Надеюсь, любовь к императору и родине была выражена не в тот момент, когда актер, раскорячившись, присел почти до пола и утробно зарычал. В такой позе удобно делать только одно...

Мое недоумение усилилось с появлением на сцене партнерши главного героя. Ну как партнерши. Без труда можно понять, что это мужик в женском кимоно и с раскрашенным, как у матрешки, лицом. И тут он, в смысле она, запел. Не хочу оскорблять очень древнее искусство, поэтому описание своих дальнейших эмоций просто опускаю.

Я осторожно покосился сначала на княжну, потом на графа, но они сохраняли олимпийское спокойствие. А вот остальные гости выражали крайнюю степень восторга. Когда ряженный в женское платье актер взвизгнул пронзительным фальцетом, одна из присутствующих здесь дам смахнула платочком слезинку.

Ну что же, должен констатировать, что я полный профан в высоком китайском искусстве.

Уже посреди моей попытки вогнать себя в какой-то сонный транс дела пошли на лад. Великих, в понимании местной публики, артистов сменили артисточки рангом намного ниже, но именно они спасли меня от дикой тоски. Пять миловидных дамочек, у которых лица оказались не сильно замазаны краской, плавно и грациозно поплыли по импровизированной сцене.

А ничего так, симпатично. Даже мои спутники оживились, да и ко мне вернулся здоровый аппетит. А вот цинская аристократия всем своим видом выразила пренебрежение таким примитивом, и гости начали шуметь, обсуждая свои дела.

Когда девушки выплыли из зала, началась официальная часть банкета. Сначала выступил хозяин и поприветствовал всех гостей, нашу делегацию отдельно и меня в частности. Слова китайца тихо переводил Сергей Хейпинович, присевший на пуфике, но не за столом, а за нашими спинами. От похвалы и снисходительной благодарности императорского кузена меня немного передернуло. Затем начались ответные тосты гостей, в вереницу которых вписался и граф. Говорил он долго и витиевато, но хозяину

банкета явно понравилось. Наконец-то всеобщее внимание переместилось с нас на очередного сладкоголосого лизоблюда.

– А мы можем уйти отсюда как-нибудь по-тихому? – решился спросить я у графа, проделав это заговорщицким шепотом.

– Сейчас закончится официальная часть. Думаю, и хозяин, и гости не станут возражать, если вы исчезнете, – в тон мне ответил Антонио.

– А я-то чем им не угодил? – Изрядная доля сарказма в голосе графа вызвала во мне обоснованное негодование.

– Игнацио, вы своим постным лицом во время представления вогнали половину гостей в дикую тоску, а другую заставили желать вам скорой и мучительной смерти. Скоро должна выступать несравненная Ю Минчжу. Эта дама очень чувствительна к реакции аудитории на свое божественное пение. Боюсь, увидев вас, она сначала побьет во дворце всю посуду, а затем удавится в дальней комнате на струне собственного цисяньчина.

Граф говорил все это со скорбным лицом, но его губы дрожали от подавляемого смеха.

Мне даже стало интересно посмотреть на эту Ю Минчжу и узнать, что такое «цисяньчинь», но не доводить же до суицида культурное сокровище Поднебесной ради моего сиюминутного любопытства.

Как и предполагал Антонио, когда гости устали выражать в долгих речах свой восторг перед хозяином пиршества, нам было даровано милостивейшее разрешение удалиться восвояси.

Честно, я даже вздохнул с облегчением, уже предвкушая попойку с графом и, возможно, бурную ночь с княжной.

В посольство возвращались, весело обсуждая мою реакцию на китайское искусство. Граф шутил необидно, а княжна позволила себе небольшую трещинку в маске Снежной королевы и звонко смеялась на шутки супруга. Я порой краснел, но в основном смеялся вместе со всеми. Так что в кои-то веки удалось насладиться почти дружеской компанией, несмотря на весь заоблачный статус собеседников. Выбравшись из паромобиля, я подал руку княжне, за что был награжден легким касанием ладошки к щеке и многообещающим взглядом.

Пожалуй, вечер может вообще выйти чудесным, но Антонио немного подпортил настроение. Он тоже решил посмотреть на меня с игривым вопросом в глазах.

– Не-не-не, ваше сиятельство. Извините, – с дурашливой простоватостью поклонился я. – Как сами сказали, неотесан, груб и не способен оценить утонченные удовольствия. Мне бы по-простому, по-деревенски.

Граф не обиделся, лишь с показной трагичностью вздохнул:

– Инкрещиозо.

– Уже слышал, – с таким же показным сочувствием покивал я и направился в отведенные мне покои, где и буду дожидаться вызова к даме, которая разделяет мои традиционные взгляды на чувственные забавы.

Леонард встретил меня лишь ленивым поднятием головы. Его и здесь начали закармливать. Вместо боевого вылета у котяры получился обжиралочно-релаксационный тур. Впрочем, я не возражал – лучше впустую потаскать разжиревшего кота в чемодане, чем попасть в ситуацию, в которой может понадобится помощь боевого питомца.

В дверь постучались намного раньше, чем я рассчитывал. Это оказалась девушка из местной obsługi посольства. Миловидная китаянка, стеснительно улыбнувшись, заявила на ломаном русском:

– Одежда нада отадавать. Господина хотеть мыться?

Только после ее слов я почувствовал, как пропах благовониями и запахом китайской кухни.

– Пожалуй, господин действительно хотеть мыться.

Девушка еще раз улыбнулась и залилась краской.

Она что подумала, что к купанию я потребую дополнительные услуги? Впрочем, пусть думает что хочет.

Забрав смену чистого белья и повседневный костюм, я последовал за китаянкой. Местная банька находилась в небольшой пристройке за пределами основного здания посольства. Стоящий на посту у черного входа казак лишь проводил меня равнодушным взглядом. Как и все в этой стране, габариты бани были довольно скромными. Сначала девушка помогла мне снять маскарадный костюм, при этом делая намеки, на которые я не реагировал: мне сегодня и Даши хватит выше крыши.

Затем меня ждал маленький деревянный бассейн в полностью обитой деревом комнатке. Вода была просто чудесной температуры, и я с наслаждением в нее погрузился. Девушка, подложив циновку, встала на колени и начала массировать мне плечи.

Смотри ты, какая назойливая.

Мне бы насторожиться от такого повышенного внимания, но было как-то лень, до того момента как я понял, что за моей спиной соблазнительница уже не одна. Увы, ничего сделать просто не успел. Сначала мне на голову резко недели какой-то мешок, а затем по ней же тюкнули чем-то не очень твердым, но довольно увесистым.

Все – гасите свет.

Точно не знаю, сколько я «отсутствовал», но явно недолго, потому что

очнулся во время транспортировки. Осталось надеяться, что везли меня не очень далеко, хотя какая разница – явно направлялись не на очередную пирушку и встречать меня там будут не пряниками. Было такое ощущение, что в добавок к веревкам меня еще и замотали в какую-то циновку. Но хуже всего то, что я по-прежнему был голым, а это, знаете ли, напрягает.

После того как транспорт, в котором я находился, перестало трясти, меня как мешок с картошкой взвалили на плечо и куда-то понесли, а затем как тот же мешок швырнули на твердый пол.

Больно, однако.

Когда глаза привыкли к слишком яркому свету факела и мне удалось осмотреться, стало понятно, что я нахожусь в какой-то искусственной пещере, а может, просто шахте. На стенах полусферического и довольно обширного помещения сохранились следы воздействия простейшими горняцкими инструментами.

Похитителями оказались три китайца.

Кто бы сомневался.

Несмотря на то что все нацепили традиционные китайские маски демонов, остальные детали своего обычного образа они не очень-то скрывали. Двое выглядели не так уж опасно. Один пожилой дяденька с высокой прической и в длинном белом одеянии походил на сошедшего с киноэкрана учителя кунг-фу. Второй – вообще нескладный толстячок, который явно был не рад своему нахождению в этом месте. Его грозная маска диссонировала с дрожащими руками и капающим с подбородка потом. Что же касается третьего незнакомца, то его опасности хватало на всех. Вот уж чья полумаска демона подходила своему носителю на все сто. Я давно перестал удивляться, что мне так везет на встречи с оборотнями. Ракшас явно специально выбрал полумаску, чтобы продемонстрировать мне частичную трансформацию. Скалясь полным набором тигриных клыков, он явно намекал, что имеет огромное желание начать жрать меня прямо здесь и прямо сейчас.

Зря он пыжился. И не потому что я такой смелый, просто привык, что каждый встречный оборотень пытается взять меня на испуг. Это уже стало какой-то нездоровой традицией.

В ответ на потуги ракшаса я равнодушно послал его на три буквы.

Судя по реакции, русский здесь знал только перепуганный толстяк. На него тут же наехали его компаньоны, но, видно, дословного перевода бедолага не осилил по причине излишней осторожности. Но общий смысл донес.

Оборотень выпустил когти на правой руке-лапе и явно собирался ими

вскрыть мне глотку, но на его плечах тут же повисли еще два китайца, которых я из-за неудобства положения не заметил.

И что же он такой буйный? Вон даже гневный окрик старшего не сразу успокоил молодого оборотня.

Старик перевел взгляд с оборотня на меня и заговорил на китайском. Естественно, я ничего не понял, но ситуация была тут же исправлена толстяком. По-русски он говорил на удивление чисто:

– Мой господин говорит, что за предательство ты достоин смерти.

Вона какие обороты известны китайскому полиглоту. Или его учил кто-то из сибирских отшельников.

– И кого же я предал? – спросил я, с кряхтением присев на развернутой циновке, в которой меня сюда и доставили.

Руки и ноги мне развязывать никто не собирался, так что пришлось изворачиваться. Как ни странно, нагота волновала меня меньше всего. Страх почему-то не было. Либо я еще не проникся всей серьезностью ситуации, либо просто устал от всего этого цирка.

– Ты предал нашу сестру, отдав ее в руки врага, – перевел толстяк и даже попытался интонационно передать гнев своего господина.

– Неужели? – изобразил я удивление. – Не помню, чтобы я клялся в верности вам или вашей сестре, кем бы она ни была. Так что предательства не было. К тому же не я ее убил. Почему же тогда вы напали на меня, а не на Ихея? Вон у вас какой смелый и сильный ракшас есть. Пусть попробует.

Только теперь до меня дошло, почему нет страха. Видно, подсознание уже просчитало ситуацию. Чтобы просто отомстить, меня незачем воровать из охраняемого беролаками посольства. Та же подлая банщица могла просто воткнуть мне заколку в ухо. Но они приволокли меня сюда, значит, им что-то нужно, и точно не моя жизнь.

Страх ушел, но не до конца – меня нервировал явно неадекватный оборотень. Есть подозрение, что у него на меня немного другие планы, нежели у благообразного старца.

– Ты слишком наглый, чужак, – перевел толстяк отрывистую речь разгневанного старца. – Ученик моего господина очень хочет разорвать тебя на куски, ведь ты виновен в смерти его невесты.

Мне было жаль и казненную девушку, и этого парня, но прошлого не воротишь, и оправдываться нет никакого смысла.

– Еще раз повторяю: все претензии к господину Ихею.

Старик подошел ближе и постарался заглянуть сквозь прорези маски мне в глаза. Он что-то прерывисто каркнул, в гневе переходя на гортанное рычание. Нет, он не являлся оборотнем. Я уже заметил, что у китайцев, как

и у японцев, это проявление высшей степени эмоциональности.

– А ты знаешь, чужак, кто твой господин? – взглянул на меня через плечо склонившегося старика толстяк.

– Он мне не господин. Старик, тебе что-то нужно от меня, так не тяни и говори как есть, – решил я перейти к сути дела и опять же не от наглой смелости, а потому что даже маска не мешала мне определить, что у ракшаса иссякают последние капли здравого смысла.

– Ты должен помочь нам уничтожить дракона, – перевел толстяк слова старика.

Интересно, это у него такое крутое личное погоняло или общее для всей императорской семейки?

– Я никому ничего не должен, но готов послушать, как ты вообще себе это представляешь. Он же двоюродный брат императора!

– Используй свой дар, и ты сам все поймешь, – важно изрек переводчик, но пафос у него получился намного хуже, чем у оригинала.

Ну и чего я такого могу увидеть, чтобы захотеть смерти Ихей, особенно после сцены казни девушки? Да, тип он, конечно, неприятный, но было ощущение, что эти чудаки ждут от предстоящего транса слишком много. Мне даже не по себе стало. На пиру Ихей сверкал как новый олимпийский рубль, надеюсь, он в этой пещере не младенцев жрал.

Выбирать место мне явно не позволят, как и терпеть проволоочки не станут, особенно ракшас, так что я устроился там, где был: прямо на циновке, лицом ко входу в пещеру. Благо проникшийся моментом старик все же перерезал связывающие меня веревки. Ракшас и те, кто его держал, тут же прекратили борьбу нанайских мальчиков и настороженно замерли.

В транс я провалился практически без подготовки, как только занял излюбленную позу, и это очень нехороший знак.

Что же здесь могло случиться? Реальность была искажена настолько сильно, что меня стремительно затянуло в воронку образов из прошлого. Руны на коже буквально обжигали.

Мир провалился во тьму. Затем появились пятна света от факелов в руках пятерки людей. В этой группе предводительствовал закутанный в многоосное кимоно мордатый китаец. Если переводчика можно было назвать склонным к полноте, то этот индивидуум раскормил себя просто до безобразного состояния. Судя по цветастым вставкам в одежде и головному убору, делавшему его похожим на петуха, это был какой-то жрец неизвестного мне культа.

Удовлетворившись осмотром помещения, толстяк что-то скомандовал, и в помещение вошли его помощники. Они приволокли с собой странные

корзины. Дальше пошли совсем уж нехорошие дела. Подручные толстяка начали доставать из корзин связанных детей и расставлять их на полу, как жуткие фигурки для страшной шахматной партии. Они что-то ослабляли в веревках, а что-то подвязывали, в итоге дети оказывались сидящими в позе лотоса, но полностью обездвиженными.

Два, пять, семь, десять. Двенадцать! Двенадцать, вашу китайскую бабушку, детей!

Я небольшой специалист в определении возраста китайцев, но малышне было не больше восьми-десяти лет.

Мне дико захотелось вырваться из транса, но, как ни странно, это не получилось – тело сковало оцепенение. Так что пришлось наблюдать дальше.

Толстяк удовлетворился расстановкой и замахал руками на помощников. Они закрепили факелы на стенах и удалились, а жрец начал бегать между детишками и что-то совать им под нос.

Кажется, ребятня была одурманена какой-то дрянью, и от действий этой сволочи они начали приходить в себя.

Как хорошо, что я могу только видеть, а не слышать образы прошлого. Но плохо, что я чувствую эмоции. Эмоции тех, кто скоро погибнет, или же их убийц. В волне детского страха эмоций жреца не ощущалось, а значит, убивать детей будет кто-то другой.

И, кажется, я догадываюсь, кто именно. Ихей появился через пару минут, и то, как долго тянулось предисловие к предстоящему кошмару, пугало меня все сильнее.

На фоне дурных предчувствий я даже не сильно удивился, когда кузен императора начал трансформацию. А посмотреть там было на что.

Он встал на колени и уперся руками в пол.

Мои первые впечатления об императорском родственнике оказались пугающе верными. Да и прозвище цинского аристократа не являлось пустой лестью. Он – действительно дракон.

Первыми начали меняться руки, превращаясь в короткие чешуйчатые лапы с длинными когтями. Это было единственное соответствие в построении тела двух ипостасей. Лицо Ихея закрыло основание длинной шеи формирующегося существа, а туловище и ноги стали основой для змеиного тела. В итоге получился дракон длиной метров двадцать от рогатой головы и до хвоста, покрытого то ли перьями, то ли шерстью. Эта самая непонятная растительность шла от мощной гривы вдоль всего позвоночника.

Общий объем псевдоплоти, созданной энергентом-симбионтом,

превышал массу тела носителя раз в десять, хотя, по искренним уверениям профессора Нартова и сведениям из «Бестиария», такое в принципе невозможно.

И что, мне теперь не верить своим собственным глазам?

Стремительным змеиным движением дракон заскользил между орущими детьми и принялся плотоядно заглядывать им в лица. От волны первозданного ужаса меня буквально начало выворачивать наизнанку, но этого крещендо страха дракону было явно мало. Он рычал на своих жертв, показывал длиннющие клыки и даже облизывал детей раздвоенным языком.

И все это время ставший ощутимым на вкус кисло-жгучий страх разбавляло гнилостно-сладкое удовольствие мучителя. Каждой порой своего тела я ощущал, как разлитый в воздухе ужас напитывает энергента-дракона и делает его значительно сильнее.

Когда концентрация ужаса начала спадать из-за отупения изможденных жертв, дракон резким движением откусил одну из маленьких голов и тут же выплюнул ее на пол, доведя крещендо детского страха до нового пика, хотя, казалось, больше уже некуда.

И тут меня скрутила судорога истерики, а через секунду Всевышний даровал блаженное забытие.

Когда очнулся, я понял, что моим похитителям пришлось не только вновь связывать меня, но и совать деревяшку между зубами. И сделали они это для моего же блага.

Старик что-то пытался спросить, но я был не способен его услышать – в ушах до сих пор звучали крики, которых мне вроде не дано слышать, а во рту все еще ощущалась мерзостная смесь эмоций, которые в принципе не могли иметь вкуса.

Меня вырвало, и, кажется, не первый раз за последнюю пару минут.

Поняв, что я в глубоком ауте, меня оставили в покое, дав возможность свернуться калачиком и затихнуть в спасительном отрешении от всего мира.

Когда кто-то попытался меня привести в чувство в следующий раз, я с вялым удивлением увидел славянские лица – это был телохранитель княжны в сопровождении казаков из посольства. Волколак и два беролака. И я был им рад, хотя казалось, что больше никогда уже не испытаю этого чувства.

Психика человека очень странная штука. Она одновременно и хрупка, как фарфоровая ваза, и крепка, будто стальная плита. Тут одно из двух – либо разобьется и, даже восстановившись, человек будет каждой жилкой

ощущать наполненные клеем трещинки между мелкими черепками, либо сумеет выстоять, став еще крепче. Я выстоял, и броней, которая помогла не тронуться умом, стали здоровый цинизм, не совсем здоровый эгоизм и злость – обжигающая, как раскаленный металл, ярость.

Окончательно в себя я пришел только в посольстве, укутанный в одеяло и смотрящий на поднесенный графом бокал с коньяком. Мы опять находились в библиотеке – видно, Антонио решил, что эта обстановка для меня будет самой уютной.

Рядом с ним стояла Даша и смотрела на меня с трогательным беспокойством.

Не думал, что она вообще способна на подобную эмоцию.

Как оказалось, способна, но ненадолго. Ее лицо вновь стало иронично-холодным, как только княжна увидела мою слабую улыбку.

– Мио амико, что с вами произошло?

Вот кто не стеснялся выказывать искреннюю обеспокоенность за другого человека.

Одним глотком выпив предложенный коньяк, я отобрал у графа бутылку и знатно приложился уже к ней. Затем отдышался и начал рассказывать. Причем во всех красках и с подробностями. Проняло даже княжну, а граф опять стал бледен, как тогда – после казни незадачливой мстительницы.

Закончил я свой рассказ решительным заявлением:

– Мне нужно увидеться с Ши Киу.

– Вам нужно успокоиться и ждать дальнейших указаний, – ответил мне надменный голос, раздавшийся откуда-то сзади.

Оказывается, у моего выступления был еще один слушатель. Точнее, два, потому что посла сопровождал один из казаков охраны.

Неужели он решил, что меня нужно будет успокаивать силой? Так вот, он совершенно прав.

– Вы слышали мой рассказ, ваше превосходительство?

– Да, не с самого начала, но услышал я достаточно.

– И вы будете защищать этого детоубийцу?

– Я буду защищать интересы моего императора, – холодно заявил посл. – И вы тоже, потому что состоите на службе у империи, что бы вы там у себя в Новгороде ни думали по этому поводу.

Я почувствовал, как меня опять захлестывает не так уж давно отошедшая истерика, поэтому постарался держать себя в руках. Слова пробивались через мои стиснутые губы как плевки:

– Он откусывал детям головы и выплевывал их, как... как вишневые

косточки!

В конце я все-таки сорвался на крик и почувствовал, что меня опять трясет. Но вдруг истерика отступила, и я ощутил на плечах чьи-то прохладные ладони. Затем тонкие пальцы легли мне на затылок, и Даша тихо прошептала:

– Успокойся, я все решу. Тебе нужно отдохнуть. Позволь мне все решить.

Распирающая меня злоба на грани паники вышла, как воздух из пробитого шарика. И не то чтобы я полностью доверился княжне, но в этой ситуации все, чего я мог добиться, – это попадания в смиренную рубашку, ну или в мотки веревки покрепче, если оной рубашки в хозяйстве не найдется.

– Граф, проводите Игната Дормидонтовича в его апартаменты, – величественно попросила княжна, убирая ладони с моего тела.

На мгновение я ощутил дикое сожаление от потери этой мимолетной близости, настолько меня успокаивало прикосновение Снежной королевы.

Бутылка с коньяком так и осталась в моей руке. Странно, что я не запустил ею в этого напыщенного индюка змеиной породы. Но и сам хорош – разошелся, словно взволнованная институтка. Криком такие дела не решаются. Даша права – мне нужно поспать.

Только получится ли уснуть после всего пережитого?

Укладывать меня в постельку Антонио не решился и просто проводил до двери. А внутри царила тишь да благодать. Кот развалился на пуфике, свесив с него заднюю лапу и хвост.

На мое появление он отреагировал удивленным взглядом.

– Ну да, – хмыкнул я, отсалютовав коту бутылкой, – пока ты тут обжирался и дрых, меня успели и своровать, и напугать до чертиков. До кровавых, мать твою, мальчиков!

Так, спокойно. Я не сорвусь! Лучше еще глотну коньяка.

Хмель наконец-то начал брать меня, что вылилось в обвинение ни в чем не повинного кота, высказанное уже заплетающимся языком:

– Если меня станут на куски резать, ты, скотина такая, даже не проснешься.

Раздеваться мне необходимости не было из-за полного отсутствия одежды, так что, сбросив одеяло, я тупо рухнул в кровать.

Глава 6

Странно, что мне удалось довольно быстро уснуть. Правду говорят: хороший алкоголь – это вам и депрессант, и снотворное. Но еще более странно то, что я успел вовремя проснуться.

Зря только обвинял кота – когда меня пришли резать, он все-таки проснулся. Пробуждение прошло под жуткий вопль Леонарда. Глаза удалось разлепить с большим трудом. В голове еще шумело, но мне в тусклом свете магического ночника удалось рассмотреть выгнувшегося дугой кота, издающего вой попеременно с шипением. Он стоял в ногах моей кровати и смотрел в сторону окна.

Ну и чего он всполошился? Окно плотно закрыто, и за стеклом никого не видно. Так, не понял, а это что?

Сев на кровати, я попытался сконцентрироваться, и все еще острое зрение молодого тела выдало достаточно внятную картинку даже без лишней оптики.

Внезапно форточка чуть приоткрылась, но не больше, чем на сантиметр, и в эту щель скользнул листок дерева. От неестественности происходящего у меня не только волосы зашевелились, но и весь хмель куда-то улетучился. Леонард, продолжая выть, не отрываясь следил за странным листком, который медленно плыл по комнате. Вот в такие моменты вычитанная в умных книгах информация об энергентах и энергетической науке моментально смывается детским страхом, рожденным рассказами о призраках и прочей нечисти.

Словно уловив мой страх, листок замер в воздухе, а затем стремительно рванул ко мне.

Занимались мы с Евсеем не так уж долго, но самые простые правила, которым учат казачат с детства, он успел мне вбить в подкорку. Если видишь что-то странное, ни в коем случае не замирай на месте. Там, где ты сейчас стоишь, через секунду должна быть пустота. А если ты в ночном дозоре, так нужно это сделать еще и бесшумно.

Из вариантов действий у меня оставался только обратный переход в лежащее положение. В падении я увидел, как перед лицом пролетел странный лист и впился в спинку кровати.

Ни фига себе листочек!

А вот теперь картинка сложилась, становясь не такой уж жуткой. Свободные энергенты не способны воздействовать на защищенных

собственной аурой людей, но вот опосредованно они могли делать что угодно. Тогда на болоте русалка тащила не Кочевряжа, а воду вокруг него. Ставший единым целым с домом Кузьмич мог и лавку метнуть, если что. Здесь тоже работал свободный энергент, посланный кем-то чересчур хитромудрым.

Понимание происходящего штука хорошая, но наблюдать, как эта бестелесная сволочь расшатывает клинок, чтобы вытащить его из дерева, как-то не очень радостно.

Так, стоп! Если он может ткнуть в меня железкой, то я...

Ухватившись за крест на груди, который висел рядом с артефактом в виде расколотого сердечка, я с силой дернул его, разрывая серебряную цепочку. Затем хлестнул серебряной цепью перед собой, как плеткой.

Ни звуковых, ни световых спецэффектов не случилось, но я ощутил, что духу мои действия очень не понравились – серебро, как магический резонатор, рвало энергетические связи и в его структуре. Не критично, но наверняка неприятно. Нож-лепесток так и остался торчать в спинке кровати. Больше его никто не расшатывал.

Посмотрев на зажатый в кулаке крестик, я криво улыбнулся.

«Вот что крест животворящий делает!»

Все это время вопивший Леонард замолк, но, как оказалось, только для того, чтобы набрать в легкие побольше воздуха. Под усилившийся вой в окно впорхнула целая стайка лепестков.

– Да чтоб вас! – выдохнул я, размахивая перед собой крестом и понимая, что это мне уже не поможет.

Лучше бы под подушкой лежал заряженный серебряной картечью двуствольник или на крайний случай светошумовая граната с серебряной пылью, но все оружие у меня изъяли, так сказать, во избежание.

От первого из четырех зависших в воздухе ножей я увернулся с относительным успехом – голую грудь пропахала длинная борозда, – а вот второго броска не последовало.

Внезапно входная дверь, хрустнув замком, распахнулась, и на пороге появился Антонио. Ему хватило пары секунд, чтобы оценить обстановку.

Граф что-то завопил и резко скрестил руки со сжатыми кулаками перед своим лицом. Казалось, что его предплечья загорелись, а затем последовала яркая вспышка. Привычка работать со светошумовыми гранатами выработала правильный рефлекс, и я успел вовремя зажмуриться. А вот Леонарду и кое-кому еще досталось по полной. Кот недовольно завопил, пришедший за моей жизнью дух остался безмолвным. Лишь холодный, нематериальный ветерок намекнул на то, что свободный энергент сильно

пострадал, если не был вообще развеян.

Когда проморгался, я увидел, как горничная княжны и один из телохранителей заботливо уводят Антонио, которому явно было нехорошо. Особенно удручал вид его рук. От рукавов шикарной рубашки остались лишь обгоревшие куски ближе к плечам, а кожа на предплечьях почернела.

Бежать за пострадавшим при моем спасении графом я решился, только когда оделся – хватит пугать прислугу в доме своей наготой.

Графа мне удалось найти в библиотеке. Он успел приложиться к спиртному и выглядел вполне нормально, и это меня весьма порадовало. На нем была новая рубашка, а о травмах напоминали лишь выглядывающие из-под манжет перебинтованные запястья.

– Антонио, что это было?

– Мио амико, – кривовато улыбнулся бледный граф, наливая мне в бокал янтарной жидкости, – это сюрприз для бестелесных тварей, которым в числе прочего меня наделила бабушка Даши.

Чувствуя, что сейчас могу узнать очень полезную тайну, я лишь отсалютовал графу бокалом и присел в кресло напротив него.

– Моего искусного фехтования ей показалось мало, и венценосная старушка решила сделать из меня, как это у вас говорят... ведьмака, – криво улыбнулся граф. – Но как видите, Игнацио, спасти пришлось вас, чему я очень рад.

– А уж я-то как рад и благодарен вам. – Моя благодарность была вполне искренней, что вызвало добрую улыбку графа. – Это очень больно?

– Нет, просто немного страшно видеть, как горят твои руки, – отмахнулся граф и, придвинувшись ко мне, тихо продолжил: – Больнее было, когда наносили татуировки и когда учи...

Откровения графа прервала его супруга.

– Душа моя, с вами все в порядке? – спросила Дарья, ворвавшись в библиотеку.

Интересно, что сказали бы сплетницы из высшего света империи, стань свидетелями такой заботы о ближнем своем в исполнении холодной и злобной стриги. Я-то практически сразу понял, что Даша вынуждена носить маску Снежной королевы, а так она мягкая и пушистая, ну когда не царапается.

– Мне ничто не угрожало, миа кара, – сказал граф и, перехватив ощупывавшие его руки, поцеловал княжну в ладошку, – а вот нашего друга собирался убить злобный дух.

– Это как? – удивилась княжна, и по ее тону я понял, что она неплохо разбирается в теории энергетической науки.

Граф сделал театральный жест в мою сторону, намекая, что действовал по наитию и подробности ему неизвестны.

– Полтергейст, – односложно ответил я.

Кстати, здесь это вполне научный термин, обозначающий процесс перемещения свободными энергентами отдельных предметов.

– А подробнее? – не унималась княжна.

– Небольшие клинки, которыми энергент попытался меня зарезать. Но мой кот вовремя предупредил меня, да и, похоже, весь дом тоже.

– Да, уважаемый Леонард Силыч вопил, как паровой гудок, – рассмеялся граф, окончательно развеивая напряженность обстановки.

Правда, княжна опять вернула на лицо ледяную маску и позволила себе лишь едва заметную улыбку.

Увы, хрупкое психологическое равновесие было нарушено появлением посла. Князь вошел в библиотеку в сопровождении казака.

Интересно, зачем он его всюду с собой таскает даже посреди ночи, неужели боится, что я на него нападу? Но важнее другое – то, как он посмотрел на меня. Мне кажется или посол ожидал увидеть вместо живого видока его холодное тело? Не хочется даже думать о таком, но не князь ли стоит за работой духа-убийцы?

Да ну, это уже из раздела параноидального бреда. Или все же нет?

– Так, вы трое, собирайтесь немедленно. Через полчаса вы вылетаете на «Стремительном» обратно в империю.

Это что же должно было случиться с этим змеем, чтобы он заговорил как тупой полковник в казарме? Судя по наливающимся бешеной синью глазам княжны, она не привыкла, чтобы с ней разговаривали в подобном тоне.

– Вы забываетесь, князь.

– Нет, ваше высочество, – твердо ответил посол, – я лишь выполняю приказ своего императора и вывожу из-под удара его дочь. Не более того.

– Вы не можете мне приказывать, – не унималась Даша, даже в своем ночном наряде выглядевшая очень опасно.

Это заметил не только я – стоящий за спиной посла беролак глухо заворчал, и тут же из коридора появился еще один казак-оборотень. С нашей стороны в пока еще неявное противостояние вмешался вставший на ноги граф, ну и я конечно же сделал вид, что готов на все ради прекрасных глаз княжны, какой бы дурью она ни маялась.

Ой как все непросто, если цепные медведи императора готовы напасть на его дочь, поддерживая князя, пусть и очень знатного, но все же не имеющего прямого родства с венценосной семейкой.

– Ваше высочество, – решил я вмешаться в начинающуюся свару, – позвольте мне обратиться к князю.

Чисто армейский финт немного сбил накал ярости у княжны.

– Зачем? – удивленно спросил она.

– Чтобы кое-что уточнить, – сказал я княжне и тут же обратился к послу: – Ваше превосходительство, ответьте всего лишь на один вопрос: вы хотя бы пытались связаться с людьми императора или сразу пошли к Ихею?

– Я не обязан отчитываться перед вами, – прошипел князь и добавил для явно желавшей вмешиваться в разговор княжны: – И перед вами тоже, ваше императорское высочество. Я служу Империи и за все поступки отвечу только перед императором. Всего этого вообще не было бы, если...

Князь замолчал, поняв, что сболтнул лишнего.

– Если бы ночной дух все же зарезал меня как спящего хомячка?

От навалившейся на меня злобы даже скулы заныли, но, как ни странно, мое бешенство порадовало посла и позволило ему окончательно взять ситуацию в свои руки:

– Все, мне надоел этот разговор. Немедленно собирайте свои вещи и отправляйтесь на «Стремительный». В случае неповиновения у казаков есть приказ связать вас, ваши сиятельства, – явно специально обобщил он супругов в одном обращении и добавил уже лично для меня: – А вас, молодой человек, если вздумаете взбрыкнуть, казаки просто зарежут, теперь уже как проснувшегося хомячка. Очень удачное сравнение. Нужно запомнить.

Высказавшись, посол позволил себе искреннюю, наполненную чистейшим ядом ухмылку. Он резко развернулся и вышел из библиотеки, а вот оба беролака остались, и вид они имели очень решительный. Хуже всего было то, что маячивший за их спинами телохранитель княжны явно разделял настроение казаков. Так что если мы не имеем желания путешествовать в состоянии куколки шелкопряда, нужно быстро собираться.

Впрочем, лично мне закуклиться в случае чего не светит, по крайней мере живьем. Как бы ни хотелось хоть что-то сделать с драконом-детоубийцей, схватка с двумя беролаками и одним волколаком может иметь только один вполне предсказуемый итог.

Об этом постоянно твердил здравый смысл, а вот честь, непонятно каким образом пустившая корни в моей циничной душе, вопила о неповиновении.

Собрались мы действительно быстро, особенно я. Вещей у меня немного – маленький чемодан с вещами и чуть побольше с забравшимся

туда котом. Баула с оружием, так же как трости и двуствольника, мне никто возвращать не стал.

– Ну ты и разъелся, свинтус эдакий, – проворчал я, поднимая изрядно потяжелевший чемодан-переноску. – Вернемся домой – посажу на диету.

В ответ из нутра чемодана донеслось не очень-то расстроенное фырканье.

Ну да, вряд ли у меня получится как-то повлиять на сердобольную бабу Марфу.

Загрузились мы в один паромобиль, и если учитывать обоих беролаков, телохранителя-оборотня и горничную княжны, поездка получилась не очень-то комфортабельной. Даша предвидела это и заняла пассажирское кресло в пилотском отсеке паромобиля рядом с непривычно молчаливым водителем.

Столица Цинской Империи провожала нас угрюмой тишиной и редкими ночными прохожими. Но все равно даже такой недружелюбный Пекин был экзотически прекрасен. Мне хотелось хоть как-то нарушить неприятное молчание, но ни одна из вертевшихся в голове тем не подходила для общения в столь тесном кругу.

Хотя...

– Граф, я так и не узнал, как вы меня нашли после похищения.

– Все случилось на удивление буднично, – ответил сквозь зубы Антонио, которого не особо радовало слишком уж близкое соседство с беролаком, сидящим с ним буквально плечом к плечу. Да и вообще не особо приятно пахнувший казак был явно не в его вкусе. – Вас притащил рикша на своей таратайке. А ему ваше потрепанное тело загрузили какие-то неизвестные личности, сунув неплохую плату и указав на наше посольство. Хорошо, что он, взяв деньги, не сбросил вас в какой-то вонючей канаве.

Да уж, действительно хорошо. Никогда не любил состояние беспамятства и не понимал, зачем нужно надираться так, что узнаешь о вечерних приключениях только на следующий день из уст более памятливых собутыльников. Зачем вообще тогда пить, если не сохранять в памяти самые пикантные моменты?

Больше тем для обсуждения у меня не нашлось, и в аэропорт Пекина мы прибыли, сохраняя дружное и угрюмое молчание.

Паромобиль без задержек проехал явно предупрежденный о нашем появлении блокпост и подкатил к причальной мачте. Над нами нависла немалая громада «Стремительного».

Интересно, успели авиаторы соскучиться по мне, особенно лейтенант

Митрохин? Даже не знаю, как теперь быть с Леонардом. Ну не сидеть же ему весь полет в чемодане. Думаю, княжна не допустит такого издеательства над понравившимся ей животным.

Узнать, насколько соскучился по мне экипаж дирижабля, так и не удалось. Сразу после подъема на лифте меня проводили в знакомую каюту и тупо заперли.

Дернув пару раз ручку двери, я равнодушно пожал плечами, выпустил Лео из чемодана и лег спать. Последние дни выдались очень беспокойными и скупыми на сон, так что уснул я очень быстро.

И кто бы сомневался, что практически сразу же придется проснуться. Мой опыт воздушных путешествий подсказывал, что мы уже в небе, но раньше в выделенной мне каюте не было так свежо. И все же не это заставило меня проснуться, а странно тихое и какое-то нерешительное подвывание кота. В этот раз мне даже не дали дернуться.

Да и куда тут дергаться, если даже сглотнуть страшно: кадык подпирает острейшая кромка кинжала. Теперь понятна нерешительность Лео. Сообразительный кот просчитал, что лишний шум лишь подвигнет незнакомца на резкие движения. А они сейчас крайне нежелательны для целостности моей шкурки.

Впрочем, насчет незнакомца я погорячился. Лица этого китайца я опознать не мог, но был уверен, что передо мной лишившийся своей возлюбленной ракшас. А учитывая, что причиной его личной трагедии являюсь именно я, оставалось только гадать, почему он еще не вскрыл мне глотку.

Неужели готовит последнее слово?

Так оно и оказалось, хотя блеснуть красотой слога китайцу не удалось:
– Я не мочь мстить Ихей. Я мочь мстить ты.

Не очень складно, но вполне понятно.

– Не нужно мне мстить, – просипел я и понял, что выбрал неверную тактику, так как не увидел в глазах китайца понимания. – Ты не мстить я. Мы... ты и я мстить Ихей.

Не знаю, что он от меня хотел услышать, возможно, слова, дающие повод не брать грех на душу. Если так, то мне срочно нужно дать такой повод столь нервному и резкому парню.

Но только как?

Этот же вопрос был написан на лице китайца, но с другим подтекстом. Да и вопросительные интонации в его быстрой тарабарщине говорили о том же.

Думай, Игнат, думай! Стоп, кажется, есть одно слово, мелькнувшее в

нашем разговоре с переводчиком:

– Ханьдзи, – просипел я и для убедительности чуть приподнял руку, делая движение пальцем, будто что-то пишу.

Вот спрашивается, почему бы не подучить с переводчиком китайский? Хорошо хоть запомнил слово, означающее общее понятие письменности.

Наконец-то нож отодвинулся от моего горла, и я смог нормально сглотнуть, а также осмотреться. Сразу стало понятно, как оборотень оказался в моей каюте. Он выворотил иллюминатор из не очень-то прочной стены. Но непостижимо – как он сумел втиснуться в такой узкий проем?

Да потому что кошка, блин! Этим же можно объяснить странную нерешительность Леонарда. Неужели здесь есть какая-то звериная иерархия? К волколакам кот не испытывал ни страха, ни почтения, а сейчас вот сидит понурившись и тихо подвывает каким-то своим кошачьим горестным мыслям. Не исключено, что и о появлении ракшаса он оповестил вовремя, но моя усталость стала причиной теперешнего бедственного положения.

Кикимору мне в тещи! Нашел время для погружения в размышления, особенно учитывая, что к нехорошо сверкавшему кончику кинжала присоединился недобрый взгляд дула револьвера.

Я, не делая резких движений, открыл лежащий на столе планшет и достал блокнот. Даже если бы внутри находился мой двуствольник, хвататься за него вместо карандаша было бы форменным самоубийством – в таких условиях против ракшаса шансов у меня нет никаких. Так что нужно как-то договариваться.

Открыв блокнот, я приготовился шокировать китайца своими художественными талантами. Сначала нарисовал кривобокого человечка и, ткнув в него пальцем, обозначил словом из куцевого словарного запаса китайца:

– Я.

Затем дорисовал некое привидение и добавил:

– Ши Киу.

После были дорисованы два человечка с медвежьими головами, держащие первого уродца и крест между этой группой и ведьмой. Длинная стрелка через всю страницу блокнота и нарисованный на ее конце дирижабль должны были объяснить причину моего скорого отбытия. Нахмуренные брови китайца немного напрягали, но пока он послушно наблюдал за моими художествами, и это вселяло определенную надежду.

На втором листке я овалом с прямоугольником в нижней части изобразил дирижабль, от которого вниз уходила еще одна стрелочка. На

конце этой был изображен человечек под стилизованным куполом парашюта.

На этом моя фантазия иссякла. Если он не знает, что такое парашют, мне хана. И судя по выражению лица, китаец этого не знал, но явно хотел жить. Чем дальше, тем больше я понимал, что причиной нашей беседы стали молодость и неопытность ракшаса. Я не особый спец по китайским лицам, но ему вряд ли больше двадцати. На то, чтобы отследить нас и забраться на взлетающий дирижабль, а затем по запаху найти своего врага, решительности парню хватило, а вот хладнокровно вскрыть спящему глотку оказалось выше его сил. Да и жить ему явно охота, даже несмотря на пережитое горе. А тут ситуация как в подводной лодке, с которой никуда не денешься, разве что на поплавок. К тому же ненависть к дракону у этого парня была намного больше, чем ко мне.

Опять же, не делая резких движений, я поднял сиденье дивана и сорвал пломбу отделения с парашютом. Вытащив не впечатлявший своим видом ранец, для убедительности ткнул пальцем в рисунок парашютиста.

– Парашют.

Ракшас с сомнением посмотрел на раскуроченный иллюминатор, и я вполне разделил его сомнения. Так что пришлось вернуться к рисованию. На весь листок была нарисована гондола с частью несущего баллона. Разделив прямоугольник гондолы на этажи, я изобразил две фигурки в каюте и стрелкой показал, куда надо идти, чтобы попасть к люку в нижней палубе.

А вот эта идея ему совсем не понравилась. Китаец отшагнул к двери и направил на меня револьвер. Успокоившийся к этому времени Леонард тихо зашипел.

– Я мочь мстить Ихей. Я хотеть мстить дракону, – сказал я, глядя в глаза ракшаса, и, что самое интересное, был совершенно искренен.

Не знаю, что он там прочитал в моем взгляде, но от паранойи перешел к конструктивным мыслям. Ткнув в ранец пальцем, он указал на меня:

– Пар шут, ты. Пар шут, я? – стукнул ракшас кулаком себя в грудь.

Не отвечая, я поднял сиденье на втором диванчике и вскрыл пломбу с парашютного ящика. Протянутый ранец он отверг и взял тот, который я достал первым. Затем с точностью повторил мои манипуляции с ранцем. Я совсем не парашютист и из спорта в родном мире предпочитал только литробол, но общее понимание теории все же имею. Так что нужное кольцо опознал сразу. В общем, конструкция была продумана для пользователей любого уровня интеллекта.

Продолжая держать меня под прицелом, ракшас прислушался к тому,

что происходило за дверью, а затем одним резким и коротким движением вырвал замок из тонкого полотна двери.

Ну да, для облегчения веса все на корабле было сделано из бальсы, и, запирая меня, люди рассчитывали не на крепость замка, а на мою боязнь нанести ущерб государственному имуществу. А еще конструкторы, чтоб их, позаботились о звукоизоляции, дабы никто не слышал, как оборотень выламывает иллюминатор и лезет к моему горлу с ножом.

Хотя зря я вызверяюсь на конструкторов – они-то как раз хотели как лучше, и не их вина, что вышло как всегда.

Выразительным движением револьвера ракшас дал понять, что мне предоставляется честь идти первым, и тут во весь рост встала другая проблема.

– Лео, не хочешь полетать?

Этот вопрос в ближайшем будущем наверняка станет для кота самым ненавистным. Но стоит отдать должное, думал он недолго и самостоятельно подошел к чемодану. Намек был ясен – в свободный полет он отправляться не намерен.

Ладно, попробуем как-то приладить чемодан спереди. Мои шансы на приземление изначально были мизерными, так что хуже все равно не будет. Ремни на кожаной обивке дали возможность скрепить чемодан с моим поясом, но ходить в таком обвесе приходилось, прижимая ношу к груди обеими руками. И это явно понравилось моему конвоиру.

До нижней палубы мы добрались без проблем. Экипаж либо спал, либо находился на боевых постах, в перечень которых, кстати, мог входить и шлюзовой отсек. Так что, спустившись по винтовой лестнице, я не отрывал взгляда от двери в конце нижнего коридора.

Наконец-то мы оказались у люка под лестницей, и мне в третий раз пришлось нарушать летные правила, вскрывая еще одну пломбу. Но перед тем как открыть люк, мне стоило хоть приблизительно объяснить моему вынужденному напарнику принцип действия парашюта.

Ну и как тут проводить инструктаж?!

Я лишь горестно вздохнул и начал изображать из себя мима. Сначала легонько подпрыгнул, показывая, что намерен сигануть в люк. Затем нагнулся и раскинул руки, изобразив эдакого летящего как-то раком орла. После этого правой рукой ухватил воздух рядом с кольцом и сделал дергающее движение.

Понимание на лице китайца смог бы прочесть только очень опытный физиономист. Похоже, парень начинал нервничать, и только мое явное намерение идти в авангарде нашей авантюры пока удерживало его от

необдуманных поступков.

Надеюсь, он не подумает, что это всего лишь план утащить его за собой на тот свет.

Да и вообще есть ли у меня хоть какой-то план? Загнанная под лавку совесть вопила, что наши намерения хоть и предельно опасны, но сверкают чистым благородством, а здравый смысл уже охрип, обзывая меня самыми последними словами.

Хуже всего то, что мне по душе были именно доводы совести. И явно тому виной реакции молодого тела.

Вообще не понимаю, как юноши с такими суицидальными порывами доживают до зрелого возраста!

Тряхнув головой в глупой надежде успокоить царивший там бедлам, я вскрыл люк, и хорошо, что сделал это после инструктажа. Понятия не имею, что случилось, но по коридору загулял ветер. Гондолу тряхнуло, и слышались обеспокоенные голоса людей. Но на тот момент меня все это уже не волновало.

Как же страшно! Ну как можно было додуматься до того, чтобы прыгнуть с парашютом неизвестной системы! Первый раз в своей жизни! Я даже не знаю, кто его собирал и насколько у этого самоделкина прямые руки. Да чтоб вас всех!!!

Скрипнув зубами, я зажмурился и, обнимая чемодан с котом, сиганул в люк, как отмороженные на всю голову верующие прыгают в полынью на Крещение.

На следующую пару секунд я полностью утратил контроль над собой и несся вниз как пикирующий бомбардировщик, в смысле с жутким воем. Причем непонятно, кто был громче – я или Леонард. Когда опомнился, я сразу сделал еще хуже. Попытка выполнить свои же инструкции привела к тому, что выпущенный чемодан двинул меня по морде – привязка оказалась не такой уж плотной. Наконец-то вращение удалось выровнять и, как-то прижав левой рукой чемодан к животу, правой дернуть злополучное кольцо.

Резкий рывок чуть не вытряхнул из меня душу вместе с кишечником, но затем наступил благодатный покой, и только вой Лео из чемодана продолжал портить обстановку.

– А ну заткнись, скотина, не выдавай нас! – двинув кулаком по чемодану, заорал я на кота, чем наверняка демаскировал нас еще больше.

Лео замолчал, и стало совсем хорошо. Думаю, вот из-за таких моментов люди и прыгают с парашютом. Солнце окрасило линию горизонта, подсвечивая красным облака над головой. Я даже сумел

рассмотреть удаляющиеся дирижабли – громаду «Стремительного» и совсем уж монструозную тушу боевого корабля цинцев.

А внизу сквозь толстое одеяло мрака и пятен туч проступала земля. Именно вид лоскутного пространства, заполненного разноразмерными полями, и заставил меня вспомнить, что нам еще нужно как-то приземлиться.

И еще я никак не мог отыскать своего напарника. А вот это – проблема посерьезнее правильного приземления.

Жаль, конечно, если парень разбился, но меня больше волновала не его жизнь, а то, что мне делать в густонаселенной местности среди людей, которым я могу рассказать лишь об их же письменности, причем используя одно-единственное слово.

Скорое приземление заставило меня отложить на пару минут будущие проблемы. Глядишь, от них можно будет избавиться одним махом – скажем, брякнувшись головой о камень.

Не брякнулся. Точнее, головой, а вот удар по ногам получился изрядным, и это учитывая, что сел... да что уж там, свалился я на рисовое поле. Посему пришлось пару минут выковыривать себя из грязи, мысленно извиняясь перед хозяином поля за попорченные посевы.

Дальше я поступил как настоящий заброшенный в тыл врага диверсант. Не так, конечно, споро, но в том же алгоритме. Для начала вытряхнул кота из чемодана прямо в грязь, а затем попытался запихнуть парашют в освободившуюся тару. Получилось так себе – ношу пришлось прижимать к груди, чтобы держать ее прикрытой.

Нужные кусты были подмечены еще в полете, так что туда и рванул со всей доступной мне скоростью – чуть быстрее черепахи. Обозленный на весь мир и на меня в частности, кот поплелся следом. Хотя как раз ему в чужой стране будет не намного хуже, чем в родной. Уверен, даже домой он доберется без малейших проблем.

А вот что делать мне?

Росшие на откосе оврага кусты дали возможность немного передохнуть и провести первичный анализ ситуации. Рассвет все больше освещал местность, и очень скоро здесь появятся крестьяне. Так что они вполне могут решить проблемы дракона-детоубийцы, просто подняв меня на вилы в «благодарность» за испорченные посевы.

Тихий шорох в кустах наметнул на то, что мои прогнозы на утро оказались слишком оптимистичными: проблемы пришли значительно раньше.

Ну и что теперь делать? Нападать на незнакомца сразу или не стоит с

ходу кидаться на возможно невраждебного крестьянина? Да и с чем нападать – из личных вещей удалось захватить планшетку с документами, гогглами и перстнем видока.

Ну вот кто мешал мне сунуть туда хотя бы раскладной нож? И ведь видел такой в оружейном магазине.

Желание без переговоров перейти к агрессивным действиям покинуло меня вместе с облегченным выдохом. Я пока не могу отличить одного китайца от другого, но одежду ракшаса запомнил хорошо. К тому же понять, кто именно лезет через кусты, можно было и по приглушенно-недовольному шипению Лео.

Если честно, эту узкоглазую рожу я готов был расцеловать, а вот он, судя по выражению этой самой рожи, особого счастья от моего вида не испытывал.

Интересно, как так вообще получилось, что я не видел его в небе? Вариант только один – он слишком поздно дернул кольцо, если вообще дернул. Второе предположение выглядит абсурдно: даже ракшас со всей своей кошачьей ловкостью и умением приземляться на четыре лапы такого не переживет. Так что, скорее всего, было что-то среднее с очень жесткой посадкой, которая явно не добавила моему невольному компаньону дружелюбия к автору идеи парашютирования. Что он и выразил в длинном предложении, из которого я не понял ровным счетом ничего.

Осознав этот факт, ракшас полез куда-то в складки своего одеяния и достал маленькую книжечку.

Неужели это разговорник? Вот бы мне такой, но вряд ли испещренные иероглифами страницы спасут положение. Зато теперь понятно, откуда у него такой куций, но при этом уверенно используемый словарный запас.

– Ты – дурчак, – наконец-то выдал китаец.

Не очень внятно, но догадаться можно.

– Зачем ругаться, ведь мы на земле и оба живы, – не заметив понимания, резко снизил я интеллектуальный уровень беседы. – Ты, я, жить. Я нет дурак.

Смотри ты, понял, но вряд ли согласился. И главное, он, как и я, понимает сложность сложившейся ситуации. Так что после еще одного судорожного перелистывания книжечки он выдал:

– Ты сидеть тут. Тихо.

Ну, с этим я спорить точно не стану.

Осознав, что я понял и принял его указания, ракшас исчез в кустах. Причем сделал это беззвучно, то есть раньше он шумел явно для меня.

Не было китайца минут двадцать, так что я успел немного

понервничать, а затем еще и испугаться, когда он возник словно из-под земли и бросил к моим ногам ворох каких-то грязных тряпок.

– Ты, раздавайся.

Очень не хочется менять привычный наряд на это рванье, наверняка вонючее и не факт, что без насекомых, но рассекать по окрестностям Пекина в костюме от омского портного – не самая разумная идея. Так что пришлось подчиниться. Простая рубаха и штаны ожидаемо оказались грязными и с запашком, но, кажется, без вшей. Руки и ноги торчали из этого одеяния больше допустимого, но не критично. Обувь в наборе не было, так что я хотел оставить свои ботинки, но нарвался на жесткий отказ ракшаса, который, кстати, тоже переоделся в нечто похожее на мой новый наряд. Под конец он вымазал мне морду какой-то коричневой дрянью и нахлобучил на голову конусообразную соломенную шляпу, скрывавшую мне лицо до носа.

– Не говорить, – сверившись с разговорником, изрек китаец, но дальше у него вышел затык. Так что мой собеседник решил прибегнуть к примитивнейшему способу общения. – Делать му-му.

Ну, му-му так му-му. Похоже, он хочет, чтобы я прикинулся немым. Это-то как раз несложно. С огромнейшим трудом мне удалось отстоять планшет, тут же спрятанный под лохмотья.

Отмахнувшись от моего возмущения по поводу маскарада, ракшас собрал нашу одежду и, свернув в плотный ком, закопал в кустах. С его когтями это не составило особого труда.

Через пару минут оказалось, что ракшас не только требовательный, но и заботливый напарник – за кустами нас ждало нечто похожее на арбу. Между двумя корявыми, но большими колесами был закреплен помост с ручками. Я уже думал, что в качестве ездового животного будут использовать меня, но ракшас жестом приказал мне залезть на помост и прикинуться немощным. Сам же вцепился в ручки и потащил арбу по дороге. Кот конечно же устроился рядом со мной и сделал вид, что тут же уснул.

Через полчаса монотонной тряски мне тоже удалось задремать. Несколько раз нас останавливали прохожие, и у ракшаса с ними происходили беседы разной эмоциональной окраски. Он что-то объяснял и даже тыкал в меня пальцами. Это каждый раз заставляло меня напрягаться, но со временем я даже перестал просыпаться.

День выдался жарким, но оборотень был до омерзения выносливым, и мы двигались по змеившейся между полями дороге без остановок. Казалось, что это я больше устал сидеть, чем он тащить и повозку, и меня.

На привал встали в небольшой рощице, когда взобравшееся в зенит солнце стало совсем уж немилосердным.

А у нас в Топинске весна прохладная и очень красивая. Уже скучаю.

О маскировке ракшас позаботился, наверняка ограбив какого-то крестьянина, а вот о еде как-то позабыл. Так что пообедали мы прохладной водой из ручейка. Из-за нервозности особого аппетита у меня не было. Ракшас даже после проделанного пути не выказывал ни усталости, ни голода, а вот Леонард явно страдал от недоедания и жалостливо пялился мне в глаза. Затем он вспомнил, что является хищником, и скрылся в кустах.

Отдых протекал в полном молчании, которое я и решился нарушить:

– Я – Игнат. Ты?

– Чао Шен.

Если ничего не путаю, имена у них идут вторыми.

– Шен, ты хоть знаешь, что нам дальше делать?

Я не особо надеялся на ответ и спрашивал скорее сам себя, чем своего китайского собеседника, но парень оказался довольно сообразительным.

– Дезать? – порывшись в разговорнике, переспросил он и тут же добавил: – Учитель знать. Я, ты – дезать.

Ну и ладненько, раз его учитель такой умный, значит, ему и отдадим бразды правления в этой аванюре.

Вторая половина дня прошла без проблем – нас даже не остановили, когда мы оказались на окраинах Пекина. Здесь Шен чувствовал себя как рыба в воде, и мы быстро добрались до заброшенного на вид дома. Внутри действительно оказалось довольно пыльно, но это и успокаивало – если долгие годы это здание не интересовало никого из местных обывателей, возможно, так будет и дальше.

– Ты сидеть тут. Тихо, – приказал не отличающийся разнообразием в выражениях ракшас и покинул старый дом.

Зато в него тут же вошел Лео, который еще с обеденного привала где-то пропадал. Выглядел он сытым, но не очень довольным. Конечно, крысы и всякие хомяки – это не разносолы сначала от корабельного кока, а затем посольского повара.

Как бы то ни было, рядом с котом мне было намного спокойнее, так что я нашел место почище и уснул.

Хвостатый напарник оправдал возложенные на него надежды и разбудил меня еще до того, как мои старые знакомые подошли к двери дома. Теперь на седоусом учителе и упитанном переводчике масок не было. Это могло говорить как о том, что теперь мы действительно в одной лодке

и вынуждены доверять друг другу, так и о намерении заговорщиков просто прирезать меня после дела.

– Мой господин рад снова вас видеть, уважаемый, – поклонился мне толстяк, у которого оказалось вполне приятное и располагающее лицо.

– А уж я-то как рад! – Моя попытка скрыть сарказм оказалась не очень успешной.

– Теперь мы можем обойтись без лишних тайн и представиться, – продолжил пока безымянный переводчик, но этот недостаток он собирался исправить сию же минуту. – Меня зовут Тань Вейдун.

– Рад знакомству, господин Тань. Как мне обращаться к вашему начальнику?

– Так же, как это делаем мы. Называйте его Учитель. Он достоин этого звания.

Ну, Учитель так Учитель. Раскрывать свое имя старик явно не намерен, и, если честно, меня это скорее радовало, чем огорчало. Только интересно, чему же учит этот дядька?

Ответ на этот вопрос, точнее намек на ответ, был дан практически сразу.

Предупредив меня о появлении гостей, Леонард рванул куда-то на стропила и сидел там тише мыши. Но от внимания старика он не ускользнул. Пока мы с переводчиком обменивались любезностями, Учитель сверлил взглядом дырку где-то в крыше помещения, точнее там, где засел кот.

Внезапно старик прервал наш с Таней... тьфу ты, господином Танем, разговор и, прочирикав что-то на китайском, хлопнул в ладоши. Кот ответил на сей перформанс недовольным урчанием. Ракшас тут же оскалил зубы, но на стропила за хамоватым котом не полез.

Внезапно Учитель улыбнулся и даже отвесил легкий поклон в сторону кота.

Интересное дело.

Осмыслить происходящее мне не удалось, потому что, закончив с предварительными реверансами, переводчик перешел к делу. Точнее, это Учитель строго заговорил по-китайски, а Вейдун покорно переводил:

– Господин Силаев, Учитель рад, что вы решили поддержать нас в нашей справедливой борьбе.

Спорное заявление.

– Господин Тань, – прервал я вступление переводчика, – передайте вашему учителю, что я здесь, чтобы наказать убийцу детей, а ваша борьба, с кем бы вы там ни боролись, меня не касается.

– О, не беспокойтесь, – без уточнений у своего хозяина решил ответить Вейдун, – дела союза... Земли, Человека и Неба вас не будут касаться.

Мне кажется или перед тем как произнести название своей организации, он запнулся? Мне бы в этот момент серьезно задуматься, но мозг был перегружен другими мыслями. Мало ли какие в Пекине бывают общества – от кройки и шитья до хорового пения.

– Тогда можете на меня рассчитывать.

Как и ожидалось, ответа на мое заявление не последовало – меня, в общем-то, никто и не уговаривал, а просто ставили перед фактом. Далее последовали те самые факты:

– Мой господин попробует договориться о встрече для вас с Ши Киу, а дальше все зависит от настроения ведьмы. До назначенного часа вы побудете здесь. Чуть позже придут люди, чтобы убрать дом, и принесут вам пищу. У вас есть какие-то вопросы?

– Вообще-то нет, – пожал я плечами, потому что действительно в этой ситуации меня волновала лишь встреча с ведьмой и моя последующая эвакуация из этой не совсем дружелюбной страны.

А о возвращении домой говорить пока рано.

Троица китайских заговорщиков покинула меня, а еще минут через двадцать явились две преклонного возраста дамы в традиционных платьях-распашонках и принялись наводить порядок в доме. За этим я наблюдал, наполовину выпив, наполовину заглотив похлебку с лапшой, и наконец-то почувствовал себя сытым. И только после этого мы перешли к гигиеническим процедурам. Человек ко всему привыкает на удивление быстро, и о дурном запахе надетых на меня тряпок я вспомнил, только когда увидел ведро с водой и новый наряд.

Быстро помывшись, я облачился в традиционную для небогатых китайцев пижаму с деревянными палочками вместо пуговиц и сразу почувствовал себя человеком.

Кожа больше не чесалась, запахи от меня исходили приятные, а желудок довольно урчал. Так что я тут же с удовольствием растянулся на приготовленной китаянками циновке и моментально уснул.

Глава 7

Причиной моего пробуждения стал солнечный зайчик, забравшийся в дом через дырочку в крыше и начавший игриво лезть мне в нос и глаза. Сон был спокойным и сладким, что вызвало благодатные потягушки. Казалось, что я проснулся дома в собственной постели. Сейчас поваляюсь с полчаса, а затем пойду завтракать тем, что бог послал через заботливые и умелые руки бабы Марфы.

Увы, ни расстегаев, ни блинов сегодня мне не видать как своих ушей. Голодным я, конечно, не останусь, но опять придется хлебать из миски, словно собака. А затем так же, как это несчастное животное, буду пытаться донести свои мысли до окружающих при помощи грустных глаз и звуков, которые для местных информативны не больше, чем лай.

Мои престарелые опекуны, которых я различал только по разному цвету узоров на платьях, явились ни свет ни заря и сейчас с недовольными минами ждали, пока я поем, чтобы побыстрее убраться восвояси.

На мою вполне искреннюю благодарность они никак не отреагировали, забрали грязную посуду и молча удалились. Ну а на меня опять навалилась скука. Даже с Лео не поболтаешь – гуляет, паскуда, где-то по кошкам и сердобольным хозяйкам. Даже не явился требовать своей доли из общей пайки.

Весь день я валялся на циновке, ходил по запыленному зданию и через щелочки в стенах наблюдал за внешним миром, который сузился для меня до размеров короткого участка улицы.

Мои кормилицы приходили еще дважды, так что голодным я не остался и ночью спал умиротворенным сном.

А вот следующее утро началось не с завтрака, а с визита сильно изменившейся компании моих то ли соратников, то ли похитителей.

Единственный, кто остался прежним, был переводчик. А остальные изменились довольно сильно – одежда на ракшасе была изодрана в нескольких местах и порядком пропитана засохшей кровью. Мало того, на его теле остались плохо зажившие шрамы, да и тугая повязка на шее говорила, что накопленной энергетикой-симбионтом энергии оказалось слишком мало для полного исцеления. В «Бестиарии» я вычитал, что у оборотня вообще в этом смысле имеется серьезная проблема выбора – или продолжать бой в звериной ипостаси до конца, или перенаправить оставшиеся крохи энергии на заживление ран. Когда пройдет обратная

трансформация, делать это будет уже поздно.

Учителю тоже досталось на орехи, но, в отличие от ракшаса, одежду он сменил и явно постарался придать своему образу максимально доступное благолепие. Но все равно за нанесенным на лицо кремом явно проступал неслабый синяк, да и двигался старик как-то скособоженно.

В общем, досталось им неслабо, а учитывая отсутствие других телохранителей, и с изрядными потерями. Скорее всего, это значило, что о разговоре с личной ведьмой императрицы можно забыть. Эту мысль сразу же подтвердил Учитель, речь которого перевел Вейдун.

– Мы проиграли, чужак, – явно дословно переводил толмач. – Встреча с ведьмой оказалась ловушкой.

А то я не понял.

– Но, несмотря на это, – продолжил свою печальную речь переводчик, – мой господин оценил твое старание, и мы попытаемся провести тебя к границам империи.

Что-то мне совсем не понравилось это его «попытаемся». Да и вообще ребята не лучились уверенностью в собственном будущем.

Нужно что-то срочно придумать. В голове практически сразу всплыли слова посла, и я попытался скорректировать планы своих вынужденных союзников:

– А можете проводить меня в Тяньзинь? Там стоит судно «Бекас», оно должно увезти меня на родину.

– Это еще проще, – после согласия старика ответил переводчик.

Глядя на то, как эти измотанные схваткой и всеми свалившимися на их голову бедами люди собираются уходить, я пытался загнать в дальний угол свою совесть. Но она никак не поддавалась давлению.

Казалось бы, чего уж проще – к ночи я буду в порту, а может быть, и на корабле с торговым триколором империи. Но что-то терзало мою душу, как дворняга старую фуфайку. Опять перед глазами встало лицо мужика из моего родного мира, потерявшего свою дочь. Тогда я тоже попытался что-то сделать для мертвой девушки и ее родителей, но отступил. И какими бы убедительными ни были оправдания, лица этого человека я не смогу забыть никогда. Интуиция подсказывала мне, что здесь история не менее трагичная.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил я в спину уходящих людей.

Юный ракшас обжег меня свирепым взглядом, а старик развернулся с усталым выражением на лице и что-то проворчал.

– Мы не знаем, что еще можно сделать, да и поздно уже, – перевел

Вейдун.

– Почему поздно?

– Через три дня в Запретном Городе пройдет праздник Цинмин... – Заметив, что мне это название ничего не говорит, Вейдун добавил с грустной усмешкой: – Праздник Чистого Света. В этот день мы поминаем предков и отправляем им подарки. Учитель думает, что в этот раз предки императора могут получить в подарок его юное тело.

– Вы думаете, Ихей хочет сместить императора? – От подобной новости я впал в легкий шок.

Китайцы посмотрели на меня как на идиота, и переводчик явно выразил общую мысль:

– А зачем ему так спешить и подкармливать дух своего дракона детскими жизнями? Дракон юного императора пока слаб и не способен показать себя. Так что исход ритуального поединка предрешен. – Это было так очевидно, что Вейдун высказал свое предположение, даже не пообщавшись с начальником. – Может, он проведет еще один ритуал, а может, будущему императору хватит той силы, что он уже накопил. Увы, с живым богом мы не справимся. Даже родственник императора был для нас слишком сильным врагом, что уж говорить о том, кто займет трон в Запретном Городе.

– Как вы вообще узнали о том, что Ихей проводит такие ритуалы?

Мои расспросы явно утомили китайцев, но также я замечал, что некая потаенная надежда не давала Учителю просто послать меня в дальнейшее пешее путешествие.

Может, он надеялся, что придурковатый чужак выскажет здравую мысль и получится напоследок хотя бы громко хлопнуть дверью.

Обреченность и смиренное согласие с предстоящей смертью были буквально написаны на его лице. Старик пару минут подумал, а затем устало вздохнул и присел на табуретку, которую ему тут же поднесли непонятно где прятавшиеся старухи. Переводчик покорно присел рядом прямо на пол, мне же ничего не оставалось, как брякнуться на уже ставшую привычной постель и постараться принять позу лотоса.

– Ки и Дей были детьми соратника моего господина, – начал переводить Вейдун тихую речь старика. – Они стали для него родными, и тем страшнее потеря Учителя.

Судя по тону переводчика, он тоже тепло относился к воспитанникам старика.

– Ки подавала большие надежды и могла со временем стать наследницей господина, а маленький Дей стал любимцем всего клана. Но

однажды малыш как-то ускользнул от прислуги и сбежал из дома. Мы искали его два дня. Поверьте, возможности моего господина велики. Удалось найти стражников, которые отвели ребенка в сиротский дом, но, когда мы прибыли туда, оказалось, что Дей сбежал и оттуда. Еще через два дня мусорщики случайно отыскивали останки нескольких детей, в том числе и нашего маленького господина. Его опознали по родимому пятну на ноге. Учитель долго распутывал этот клубок, пока не узнал правду. Увы, Ки не смогла ждать и решила действовать самостоятельно. Она нашла способ оказаться в гареме дракона и ждала момента, когда ее приведут к нему в постель, но приближалось время нового ритуала, так что Ки не выдержала. Что было дальше, вы знаете.

История, безусловно, печальная, но что-то в этом рассказе мне не давало покоя. Пару минут ускользающая мысль вертелась в моей голове, а затем что-то там со щелчком встало на место.

– Вы уверены, что ваш парень сбежал из сиротского дома?

– Они не посмели бы врать моему господину, – с вызовом самостоятельно ответил переводчик. – А почему вы спрашиваете?

– Потому что для подобных дел тяжело искать детей по улицам и как раз очень удобно забирать их именно из приюта. Сироты никому не нужны, а на улице можно схватить кого угодно. Другой вопрос – почему в приюте никто не обратил внимания на дорогую одежду и ухоженный вид ребенка?

Вейдун заговорил со стариком по-китайски и получил довольно резкий ответ, но на лице Учителя отразилась скорее обеспокоенность, нежели злость.

– Серьезные люди уверили моего господина в искренности смотрителя сиротского дома. Но сейчас уже ничего не изменить. Смотритель был старым человеком и умер еще полгода назад.

– И сколько времени прошло между вашими расспросами и смертью смотрителя?

– Несколько недель, – почти сразу ответил переводчик.

Если раньше он казался случайным человеком, которого привлекли к делу только из-за знания русского языка, то сейчас складывалось такое впечатление, что Вейдун не последний винтик в иерархии таинственного общества. Даже стало интересно, какие у старика могут быть интересы в России, если он подготовил столь грамотного помощника-полиглота.

– Когда, по-вашему, должен пройти следующий ритуал? – спросил я, постаравшись отогнать ненужные мысли.

– Между прошлым и позапрошлым убийствами детей прошло восемь дней. Раньше интервал был больше. Так что либо это случится через

четыре дня, либо раньше.

– Может, тогда попробуем подловить его во время ритуала? Насколько я помню, он там остался с детьми один. Лишние свидетели ему точно не нужны.

– Мы пробовали, но не успевали вовремя. Однажды даже спугнули тех, кто убирал трупы детей. Они никогда не проводят церемонию в одном и том же месте. А следить за драконом постоянно очень опасно.

– А за теми, кто обеспечивает его детьми? Толстяка-распорядителя я запомнил хорошо.

Вейдун быстро переговорил с Учителем и спросил у меня:

– И где же его искать?

– Много в Пекине сиротских приютов?

– Четыре, – опять уточнив у начальника, ответил переводчик.

– Нужно у каждого поставить наблюдателя и высматривать одного очень примечательного толстяка. Может, это и ничего не даст, но другого варианта я не вижу.

Идея Учителю понравилась, хотя было видно, что он ухватился за нее как утопающий за соломинку.

Я долго описывал переводчику внешность толстяка из моего видения, а затем, когда наш разговор явно подошел к концу, выдал еще одну мысль, которую явно не обдумал глава этой странной компашки:

– Господин Тань, вам не кажется странным, что мальчика в дорогой одежде, ухоженного и упитанного, продали кому-то вместе с бездомными оборванцами? А затем еще и некие «серьезные люди» гарантировали честность того, кто, скорее всего, и сделал эту явную глупость. Да и глупость ли это была?

Мои слова очень не понравились переводчику, и он даже пару минут обдумывал, переводить ли их своему хозяину, но пристальный взгляд Учителя не оставлял выбора.

После короткой речи Вейдуна старик сначала разозлился и явно хотел наговорить мне гадостей, а затем все же задумался. В таком задумчивом состоянии он и покинул мое временное жилище.

Учитель не выглядел дураком, но почему же настолько простая мысль не пришла в его голову раньше? По этому поводу я могу лишь строить догадки, но если я угадал и толстяк явится в приют, то с членом императорской семьи старика стравили те самые «серьезные люди».

Особо углубиться в размышления мне не дали подручные Учителя. Как оказалось, их все же не всех перебили. Один знакомый мне индивидуум в состоянии изрядной потрепанности и два совсем еще юных

бойца, наверняка взятых, так сказать, из олимпийского резерва, водрузили меня на рикшу, точнее в его коляску. И вот такой дружной компанией мы двинулись по улицам Пекина.

Я в своей пижаме не особо выделялся, к тому же лицо скрывала остроконечная шляпа, так что лишнего внимания мы не вызвали ни у зевак, ни у патрулей стражи. Хотя пустись я в дорогу пешком, возможно, мой рост стал бы для нас проблемой.

Только после того как мы тронулись в путь, я вспомнил о Лео и попытался остановить процессию. Увы, меня никто и слушать не стал, и даже ткнули кулаком в живот, но без фанатизма – просто для остротки.

Мы пропутешествовали по городу где-то минут сорок и наконец-то добрались до двухэтажного дома под традиционной крышей с загнутыми вверх кончиками скатов. Что примечательно, к самому дому рикша подбежал в одиночестве, если, конечно, считать меня багажом, и быстро юркнул в приоткрытые ворота. Мои провожатые подтянулись позже.

В отличие от моего первого тайного пристанища, этот дом явно был жилым, и мне что-то нехорошо стало от мысли, куда могли подеваться его обитатели. Очень надеюсь, что их не убили только для того, чтобы я мог понаблюдать за зданием через дорогу. Впрочем, старик не производил впечатления маньяка. Но все равно пугающая мысль время от времени возвращалась ко мне.

Постель искать не пришлось, как и еду. Один из молодых подручных потрепанного ветерана жестом пригласил меня в столовую, где на столе уже дымилась объемистая пиала с приятно пахнущим супом.

Ага, опять лапша на курином бульоне с кусочками мяса.

И что бы вы думали? Едва я устроился на новом месте и начал есть, как в окно проскользнул Лео и, забравшись на стол, требовательно уставился на пиалу в моих руках.

Я тут, понимаешь, испереживался весь, а он даже в ус не дует. Так что фиг ему, а не лапша.

Конечно же моя обида быстро прошла и четверть выделенной мне порции досталась коту. Но он, скот такой, не оценил щедрости напарника и, сожрав все без остатка, возмущенно посмотрел мне в глаза.

– Свободен, – проворчал я. – Ты, в отличие от меня, можешь еще что-то поймать. Так что нечего тут строить из себя жертву.

Кот неожиданно быстро согласился с моими доводами и опять усвистал в неизвестные дали. А на меня вновь навалились нехорошие мысли. К счастью, их удалость немного разогнать, когда в доме появился Чао Шен. Молодой ракшас тут же начал организовывать место, с которого

мы должны были наблюдать за воротами находившегося через улицу приюта. Его словарный запас русского языка за эти дни не особо увеличился, но сноровка в пользовании разговорником явно повысилась.

– Ты, я, тут смотреть, – ткнул он для наглядности пальцем через окно второго этажа.

– А где те, кто жил здесь? – спросил я и понял, что опять говорю в пустоту.

Ладно, перейдем на пантомиму.

– Где? – еще раз спросил я и показал на стоящие возле кровати тапки, на платье, висевшее в стенной нише, и на... вот зараза... игрушку, завалившуюся за тахту. – Где?!

Повторный вопрос прозвучал, пожалуй, даже как-то угрожающе.

К счастью, ракшас все понял правильно и даже позволил себе улыбку. Порывшись в книжечке, он заявил:

– Они взять... – Замявшись, Шен выудил из кармашка монету с квадратной дыркой посередине и показал ее мне. – ...Взять много, жить родичи.

Ну и слава господу. Надеюсь, он мне не врет, потому что после увиденной игрушки мне совсем поплохело. Хорошо, если в назревающей заварухе не пострадают посторонние. Мы-то сами во все это влезли, а вот другие... Кстати, насчет будущей схватки. Что-то я расслабился в роли ведомого, от которого до этого момента требовались лишь свидетельские показания. Ситуация изменилась, и развязка наверняка будет силовой, а я по-прежнему в расслабленном состоянии. Мало того что при себе нет даже столового ножика, так еще и понятия не имею, как они собираются убивать цельного дракона, которому до уровня бога осталось всего ничего. Причем это совсем не игровой термин.

– Шен, а как вы собираетесь убивать Ихея?

Ага, с таким же успехом я мог разговаривать с найденной куклой – в ответ лишь нахмуренные брови и попытка найти истину в маленьком томике словаря.

– Шен, нужен Вейдун. Быстро! – решил я подойти к проблеме с другой стороны.

Так, эти слова ракшасу известны, в отличие от моих мотивов.

– Очень нужно. Очень быстро, – повторил я, придав своему лицу самое озабоченное выражение из всех возможных.

Кажется, подействовало. Ракшас перестал хмуриться и выдал короткий приказ одному из юных помощников, который тут же рванул наружу.

Переводчик явился только к вечеру. За это время на улице ничего интересного не происходило – прохожих было мало, после обеда какой-то старик прикатил к приюту тележку с разнокалиберными горшками, а ближе к вечеру явились два стражника, притащившие с собой упирающегося мальчика. Оборванный и грязный беспризорник вел себя как матерый урка, которого волокли в кутузку. Он громко ругался, наверняка поминая всех родственников стражников и вполне благообразного господина с высокой прической, который принял арестанта у блюстителей порядка. Слов, произносимых звонким мальчишеским голосом, я не понимал, но хватало выразительных интонаций.

Как ни странно, благообразный господин без проблем справился с пареньком, который умудрился доставить хлопот двум звероподобным стражникам. Мужчина ловко, как мангуст змею, цапнул беспризорника за ухо и поволок во двор приюта.

Да уж, известен мне такой прием – в детстве дедуля так же пресекал мои попытки показать ловкость и молодецкую удаль против старческой немощи. Действовало безотказно.

Больше никого подозрительного мы не заметили, а затем пришел переводчик. Шен остался наблюдать, а я отвлекся для разговора.

– Вы хотели меня видеть, господин Силаев? – озабоченно спросил Вейдун.

– Да, господин Тань. Все так завертелось, что я не успел задать очень важные вопросы.

– Вы уверены, что я смогу ответить на них без моего господина?

– Но хоть что-то. А еще можно привлечь Чао Шена.

Переводчик неуверенно пожал плечами, но все же направился к плящущемуся в окно ракшасу. Встав рядом с заинтересовавшимся нашими передвижениями Шеном, он заявил мне с присущим восточным людям официозом:

– Спрашивайте, господин Силаев.

– Как вы вообще собираетесь убить дракона? Вы хоть представляете, с кем имеете дело? Я-то представляю, потому что видел его, так сказать, во всей красе.

Чуть помявшись, Вейдун все же ответил:

– Я не уверен, что мне можно это говорить, но мой господин готовился к битве давно. Есть кое-какие артефакты и даже парочка... как это у вас называют... а, точно, ведьмаков.

– Но почему тогда не напасть на Ихея где-нибудь на дороге? Или даже в его доме?

Для ответа на этот вопрос переводчику пришлось посоветоваться с ракшасом.

– Среди его охраны есть императорские оборотни. Да и остальные воины там очень сильны. Мой господин изначально рассчитывал только на нападение во время ритуала. Только туда Ихей отправляется с минимальной охраной, но мы, увы, ни разу не успевали вовремя. Ваша задумка дала моему господину надежду и заставила вернуться к первоначальному плану.

Что-то не видно, чтобы переводчик радовался упомянутой надежде. Вроде слова переводчика звучат убедительно, но спокойнее мне не стало. Есть большое подозрение, что в схватке с драконом, буде она все-таки состоится, мне придется участвовать лично, так что потрафим здоровой паранойе и выставим моим союзникам свои условия.

– Господин Тань, поймите меня правильно, но я опасюсь, что окажусь в центре схватки с голой... голыми руками. Так что мне просто необходимо вооружиться.

– Я спрошу моего господина, возможно, вам что-то подберут.

– Еще раз прошу прощения, – не терпящим возражения голосом возразил я, – но не «возможно» и не «что-то». Мне нужна пара револьверов и три десятка патронов к ним с серебряными пулями. А также сабля и кинжал.

Вейдун сначала растерялся от моего напора, а затем нахмурился, но я не собиравшись отступить:

– И еще было бы очень неплохо заполучить...

Так, стоять, нечего тут разбрасываться новаторскими идеями направо и налево. Перефразируя Сухова: идею гранат я вам, господа китайцы, не дам.

– ...Небольшой фейерверк, – чуть подумав, добавил я, – начиненный серебряной пылью в той части, которая разрывается в небе.

– Серебряной пылью? – переспросил Вейдун, явно уловив в моих словах самую важную часть.

Неплохая у него хватка. Далеко пойдет.

– Да, и я советовал бы вместе с ведьмаками и артефактами прихватить с собой парочку таких же штук, только побольше. Псевдоплоть... – Предполагая слабую подкованность Вейдуна в теории энергетике, я добавил: – Нарощенное тело оборотня в серебряной взвеси чувствует себя очень неудобно. Вон хотя бы нашего оборотистого друга спросите. Даже бестелесные духи – и те такую приправу не очень любят.

И Вейдун спросил. Что именно ответил Шен, я не понял, но то, как он зябко передернул плечами, говорило, что опыт общения с серебром в

звериной ипостаси у него имелся, и явно не самый приятный.

– Хорошо, – задумчиво ответил Вейдун, – я поговорю с господином и постараюсь, чтобы он серьезно отнесся к вашим советам. Это все, что вы хотели мне сказать?

– Да, – кивнул я, но тут же спохватился: – Еще один вопрос, который мучает меня уже давно. Откуда вы так хорошо знаете русский?

– Моя мать была женой офицера и попала в плен после Уссурийской замятни. Ее купил мой отец и сделал третьей женой. Вот поэтому я и знаю ваш язык, – сказал он невесело и, вздохнув, добавил совсем уж грустно: – Служил себе спокойно на складах – и тут вы появились.

– Жалеете?

– Даже не знаю. Я получил большее доверие моего господина, и никто уже не посмеет повесить на меня голос и тем более поднять руку. Но на складе все же было спокойнее.

Добродушный толстяк развел руками и улыбнулся. Мне больше нечего было ему сказать, так что на этом мы и простились.

Глава 8

В следующие сутки ничего особенного не происходило, и мы всем скопом откровенно скучали. Попытки обучить Шена русскому языку быстро приелись. Мои же успехи в китайском были еще плачевнее – всего-то с десяток слов, которые я наверняка произносил совершенно неправильно.

Все это время принют жил обыденной жизнью. Судя по всему, нравы там царили строгие – дети производили мало шума и почти не покидали большого здания. Может, они вовсе резвились во внутреннем дворе дома, но мы об этом ничего не знали.

Несколько раз в ворота принюта проходили разные люди, увозящие оттуда и доставляющие внутрь разные грузы, но никто из них и близко не был похож на толстого жреца.

Наше утомительное ожидание было немного скрашено приходом четверых молодых бойцов, притащивших два больших ящика. Я вообще заметил, что вокруг нас вьется слишком много молодежи. Складывалось такое впечатление, что в организации, возглавляемой Учителем, прошла большая чистка, и не факт, что всему виной лишь неудачная попытка связаться с императорской колдуньей.

В одном из ящиков были гостинцы для меня – два массивных револьвера с поясным ремнем и кобурами, размещавшимися почти на животе. Увы, это были капсульные старички, перезарядка которых в боевых условиях невозможна. Да и в небоевых тоже, потому что дополнительных зарядов в сумке я не нашел. Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят. Да чего еще можно ждать от компашки китайцев, у которых до сих пор основным оружием считается меч.

Внимательно осмотрев оружие, я увидел выглядывающие из камор барабана кончики пуль. Они имели очень характерный цвет, а это значит, что мою просьбу насчет серебра они восприняли серьезно.

Также мне принесли накидку наподобие пончо, чтобы скрыть под ней оружие. Сюда бы еще сомбреро – и буду вылитый чарро, мексиканский ковбой. Но придется ограничиться азиатской шляпой и стать ковбоем китайского разлива.

Быстро нацепив на себя пояс, я отправил револьверы в кобуры – испытать их все равно не получится. Сразу стало как-то спокойнее, и даже прибавилось уверенности в завтрашнем дне.

Увы, шашки мне не дали, зато презентовали чуть изогнутый кинжал – эдакую миниатюрную катану без гарды.

Еще в ящике нашлись два остроконечных цилиндра с растопырками для установки на земле и короткими фитилями. Размером они были где-то со средний термос. В комплект с мини-ракетами шла сумка на длинной лямке.

Еще четыре фейерверка, но более солидных размеров, находились во втором ящике, и их сейчас разглядывал Шен.

Ракшас тоже неровно дышал к оружию, даже начиненному неприятным для него веществом, так что он проявил не совсем здоровое любопытство. Одергивать Шена я не стал и просто занял свое место на наблюдательном посту.

События понеслись вскачь сразу после ужина. Вечер медленно, но весо́мо наваливался на Пекин, все глубже погружая город в сумерки. На небе постепенно загорались звезды, и, словно соревнуясь с ними, на улицах зажигались разноцветные фонари. Не стало исключением и здание приюта. С десятков бумажных фонарей расцвели стены здания, а у ворот старый слуга зажег два светильника с открытым огнем.

Если честно, я имел все шансы прошляпить изъятие детей из приюта. Когда два неприметных мужика вынесли из ворот корзину, я проводил их равнодушным взглядом, как и других носильщиков до этого. Но через несколько минут еще одна парочка выволокла точно такую же корзину. Только теперь для транспортировки они использовали короткий шест. Именно это сочетание заставило в моей голове сложиться некую мозаику – точно в таких же корзинах, подвешенных на коротких шестах, в пещеру вносили детей!

Стало невыносимо стыдно и даже страшно. А если бы второй корзины не было и остальных детишек добрали в других местах? Я так ждал появления толстого жреца, что вынос первого ребенка тупо прошляпил.

– Шен! – как-то умудрился я прокричать шепотом, чем заставил всех присутствующих мгновенно напрячься. – Это они.

Ракшас выглянул в окно, затем заглянул мне в глаза и, что-то там прочитав, тут же начал действовать. Короткие, лающие команды заставили молодых бойцов забегать как тараканов под лучом фонаря.

Трое из семи охранявших дом помощников Шена выскользнули наружу, а остальные начали быстро собираться. Я тоже не стал медлить и проверил, как сидят в кобурах пистолеты, затем подхватил сумку с мини-ракетами. Висящую под одеждой планшетку, в которой по-прежнему находились самые ценные для меня вещи, я не снимал даже во сне. Некое

напряжение вызвало отсутствие кота, но как только мы покинули дом, серая тень скользнула с соседней крыши, и Лео засеменил рядом со мной.

Наверное, почувствовал возросшее напряжение в нашей и без того беспокойной компании.

Ну что же, я готов практически ко всему, хотя опыт показывал, что именно подобная уверенность чаще всего заканчивалась самыми жесткими попаданиями.

Чтобы не привлекать внимания, мы двигались парами и поодиночке. Впереди меня шагал Шен, который тащил на спине мешок с одной из больших ракет. Я, как мог, прикрывал свое лицо соломенной шляпой и даже старался ссутулиться, чтобы не выдавать себя ростом. Но, как оказалось, мои старания были напрасны. Обычные ночные гуляки на решительно идущих по улице людей реагировали либо уходом с траектории движения, либо попыткой показать свою крутизну. Не знаю почему, но стоило таким героям сократить дистанцию до десятка метров до того же Шена, как запал ночных гуляк резко пропадал.

Я немного струхнул, когда услышал властный окрик, заставший нас посреди очередного перекрестка. Шен жестом приказал мне остановиться, но к недовольно порывкивающим стражникам не пошел. Туда метнулся один из молодых. Разговор занял меньше минуты, и мы снова отправились в путь.

Да уж, что-то мне подсказывало, что я имею дело не с кружком кройки и шитья, но сейчас это моя наименьшая проблема.

Людей с приметными кошелками мы так и не догнали. После получаса ночной прогулки Шен свернул в приоткрытые ворота очередного особняка. Я, естественно, последовал за ним. Этот дом ничем особым от предыдущего не отличался – казалось, что мы так и не покидали квартала, в котором жили люди среднего достатка. Скорее всего, мы прошли вдоль целого пояса таких кварталов.

Сразу бросилось в глаза, что этот дом уже давно является опорным пунктом для некой военизированной организации. В главном зале на первом из двух этажей даже обнаружили стойки с разнообразным холодным оружием.

В доме вообще не было женщин – только мужчины разных возрастов, в основном опять же молодежь. Все они носились как при аврале, хотя так оно и было – организация готовилась к очень серьезной схватке.

До сих пор удивляюсь, как у Учителя вообще хватило наглости наехать на кузена императора. Впрочем, кто бы говорил. Понятно, что на дирижабле у меня выбора не было... почти. Но ведь когда предложили

свалить в порт на randevу с «Бекасом», я отказался, причем вполне осознанно. Выжить мне хотелось до зуда в копчике, но страх изгадить трусостью еще и эту жизнь оказался сильнее.

К моей большой радости, я увидел в главном зале Вейдуна.

– Вам понравились подарки моего господина? – с улыбкой спросил переводчик.

– О! Более чем, господин Тань, – с показной галантностью поклонился я.

Мы оба понимали, что наши расшаркивания и велеречивая беседа лишь следствие нервного напряжения. К счастью, мандражировали мы недолго. В зал вошел Учитель, и беготня мигом прекратилась. Вооруженная в основном холодным оружием молодежь числом почти три десятка выстроилась как на военном смотре. Напротив молодежи встали восемь бойцов постарше, не считая самого Учителя, Шена и меня с переводчиком.

Учитель некоторое время хмуро пялился на напряженные рожи своих бойцов, а потом заговорил. Он явно решил вдохновить их пламенной речью.

Говорил китаец минут десять и, перефразируя Пушкина, явно зажег глаголом сердца молодых учеников. В ответ на призыв предводителя и молодежь, и потрепанные ветераны ответили дружным воплем. Все опять забегали, а Вейдун все же удосужился объяснить мне сложившуюся ситуацию:

– Господин Силаев, Учитель призвал братьев уничтожить мерзкого ман... детоубийцу, – еле успев глотнуть предательское слово, сказал Вейдун. – Наши ищейки были осторожны и все же сумели проследить похитителей детей до каменоломни на окраине города. Сейчас мы срочно выдвигаемся туда.

О том, хочу ли я идти вместе со всеми, меня никто спрашивать не собирався, и если честно, то это к лучшему.

Наш второй переход по ночному Пекину был больше похож на забег. В отличие от постоянно спотыкающегося Вейдуна, я благодаря своим гогглам бежал с полным комфортом. Артефактные очки давали неплохую картинку, а свет молодого месяца вообще превращал окружающий мир в эдакое черно-белое кино.

Я не мог отвязаться от ощущения, что попал в фильм о противостоянии двух школ кунг-фу, и это преследовало меня с момента пламенной речи Учителя. Нужно было как-то успокоиться, потому что терялось адекватное восприятие реальности, и это могло закончиться очень плохо.

Вот так, небольшими стайками мы просочились по улицам ближе к окраине, оказавшись у холма, который обрамляли дома бедняков. На самом холме расположились здания качеством чуть получше.

Из серых сумерек, в которые гогглы превращали окружающую темноту, вынырнул Шен и поманил меня за собой. Постоянно находящийся рядом пыхтевший, как перегретый чайник, Вейдун постарался не отставать. Похоже, Учитель оценил мои тактические таланты и решил привлечь к военному совету. Этот совет бы представлен в лице трех ветеранов и Шена. Они расположились в темном переулке, выходящем на освещенную луной небольшую площадь. Точнее, это была не застроенная жилыми домами площадка перед горизонтальным входом в каменоломню. Мне удалось даже рассмотреть балки, крепившие своды штольни. Перед входом в подземелье застыли четыре вооруженных человека. Причем основным оружием у них были не мечи, как у моих временных союзников, а винтовки вкупе с револьверами. Конечно, не обошлось без свисающих рядом с кобурами мечей, но выглядели они скорее декоративным дополнением.

Учитель, который сменил свое белое платье на такие же, как у подчиненных, куртку и штаны, молча слушал тихое чириканье своих людей. После косого взгляда начальника заговорил и Вейдун, но уже персонально для меня.

Он быстро обрисовал картину, в которой люди Учителя предлагали быстрый штурм и оперативную подготовку засады. Но эта идея явно не нравилась седовласому Учителю, да и мне тоже.

– А здесь нет другого входа? – тихо спросил я у Вейдуна, и он тут же перевел мои слова остальным.

– Мы не знаем, и искать его времени нет, – перевел Вейдун ответ одного из бойцов, явно раздраженного моим вмешательством.

Я понимал его недовольство, но какая-то мысль по-прежнему не давала мне покоя.

Точно! В голове вспыхнуло воспоминание из далекого детства. В двух кварталах от моего дома находилось аварийное здание, которое почему-то годами дожидалось сноса. Нам строго запрещалось туда ходить. Но когда это запреты останавливали детскую тягу к приключениям? В общем, мы лазили там дни напролет и знали каждый расшатанный камешек в кирпичной кладке и каждый провал, ведущий в подвал или на крышу.

Не знаю, почему такая простая мысль не посетила головы мужиков, явно опытных в ведении городских боев. Может, сказывалось напряжение последних недель или детство у них было не таким увлекательным, как у

меня? Пришлось влезать со своей инициативой:

– Господин Тань, спросите у Шена, не может ли он по запаху найти в ближайших домах ребенка. Желательно мальчика старше десяти лет.

Не понял, а чего это они так окрысились? Неужели Вейдун напортачил с переводом?

– Зачем вам ребенок? – напряженно спросил переводчик.

Да уж, с этим драконом-детоубийцей мужики совсем скатились в паранойю.

– Любой мальчонка в этом квартале наверняка знает, есть ли дополнительный вход в каменоломню, особенно если она давно заброшена.

После очередной порции чирикания из уст переводчика напряжение тут же ослабло. После кивка Учителя Шен тут же растворился в серых сумерках переулка.

Вернулся он очень быстро, притащив с собой насмерть перепуганного мальчугана. Крепкая ладонь ракшаса не давала парнишке не только кричать, но, пожалуй, даже дышать. Моя совесть тут даже глухо заворчала.

Ничего, потерпят – и совесть, и парнишка. Тем более что от вида увесистой монеты его глаза тут же растеряли весь страх.

После короткого разговора с мальцом Учитель довольно ощерился.

Есть контакт!

Шен куда-то уволок парнишку – надеюсь, не для того, чтобы избавиться от нежелательного свидетеля, – а мы вернулись обратно по переулку и начали обходить холм с правой стороны. Я радовался своей сообразительности ровно до того момента, как мы прибыли в указанную пацаном точку. Мало того что запасной вход в каменоломни находился во дворе частного дома, так еще он оказался узкой щелью, в которую даже мне придется продираться с большим трудом. Проблему с обитателями дома решили, по мне, слишком грубо, но дородная дама, явно по жизни понукавшая худого и нерешительного мужа, вот-вот готовилась разразиться пронзительным воплем.

Нервы у подчиненных Учителя были и без того перенапряжены, так что даму аккуратно тюкнули кулаком по макушке, а ее муж и без того выказывал максимальное смирение. Хозяев дома связали и куда-то уволокли. После этого мы попытались проникнуть в провал на заднем дворе.

Юркие и не особо габаритные бойцы просочились туда без проблем, за ними с некоторыми трудностями, но тоже оперативно пролезли два крепыша в странных балахонах. Учитель вообще скользнул внутрь как молодой мангуст, а вот мне пришлось попрыгать. Что же касается Вейдуна,

то его явно ждала судьба Винни Пуха в кроличьей норе. Так что переводчику, к его явной радости, повезло остаться снаружи. Да и незачем ему с нами лезть – мы там будем не беседы вести, а драться с драконом, как бы бредово это ни звучало. Но перед тем как попрощаться с Вейдуном, я кое-что вспомнил и попросил его в последний раз донести мою мысль до ракшаса, пока еще остававшегося с нами:

– Господин Тань, скажите Шену: чтобы не спугнуть дракона, нужно дожидаться, пока жрец останется один. И только после этого брать его.

Дождавшись перевода и увидев кивок оборотня, я ободряюще улыбнулся Вейдуну и полез в провал. Как оказалось, вертикальная щель появилась в результате обвала в одной из штолен. Как только я спрыгнул на холмик из обломков камня и грунта, стало намного просторнее. Вырубку здесь вели грамотно. Там, где массив камня был сплошным, на стенах виднелись лишь следы инструмента, а там, где пласт не отличался однородностью, проходчики укрепили своды толстыми балками. Вырубка хоть и была давно заброшена, но крепления выглядели надежными. Провал, через который мы сюда проникли, был скорее исключением, чем намеком на возможные проблемы.

Спрыгнувший следом Шен положил мне руку на плечо и подтолкнул в том направлении, где темнота коридора была не такой густой. Похоже, он недооценил возможности моих гогглов и явно собирался вести меня под ручку. Пришлось его разочаровать – я быстро и без особых проблем двинулся вслед за ушедшими вперед бойцами.

Наше подземное путешествие получилось недолгим. Постепенно освещенность коридора усиливалась, и вскоре я увидел сгрудившихся у поворота людей. Шен быстро подскочил к Учителю и что-то зашептал ему на ухо.

Надеюсь, он передает мои рекомендации. Выждав еще минут пять, все мои спутники резко вбежали в обширный зал, являвшийся перекрестком для нескольких штолен. И, как оказалось, вовремя – там находился только жрец-толстяк. Ну, если не считать детей, пребывавших в полуобморочном состоянии.

Помещение было вырублено в сплошном массиве камня и не нуждалось в подпорках. До потолка не меньше десяти метров, а в самом широком месте оно имело метров сорок. И все это пространство было неплохо освещено факелами и разбросанными по полу магическими светильниками.

Наше появление было настолько неожиданным, что жрец даже удивиться не успел. Один из незнакомцев в балахоне проскочил мимо него

к выходу. Казалось, он даже не задел жреца, но толстяк тут же рухнул на колени, а затем кулем свалился на бок.

Осмотревшись, Учитель тут же принялся раздавать приказы. Детей, которые так и не успели проснуться, быстро развязали и начали уносить в коридор. Несостоявшихся жертв не только распутали, но и раздели почти догола. Затем бойцы начали собирать по полу камни и складывать из них пирамидки, которые накрыли одеждой и обвязали канатами. Одежда толстого жреца досталась Шену, которого для достоверности пришлось утолстить одолженными у товарищей одеяниями. Сверху нацепили снятую с мертвого жреца хламиду.

Ну, прямо театралы-энтузиасты. В подготовке мизансцены участвовали все, кроме меня и двух ведьмаков, засевших у ведущего наружу тоннеля. А в том, что это были именно боевые недоколдуны, у меня уже не оставалось ни малейших сомнений. Вскоре вернулись парни, уносившие детей, и дело пошло быстрее.

Все приготовления заняли не больше пары минут, и после этого мы разбежались по местам. Мне никто ничего не приказывал, так что я вернулся обратно в коридор и притаился за поворотом.

Еще минут десять ничего не происходило, а затем в практически полной тишине послышались приглушенные расстоянием шаги. Половину факелов и магических светильников мои союзники погасили, так что в подземном зале царил полумрак. Шаги приблизились, а затем я услышал гортанный выкрик в явно вопросительной интонации. За поворот я выглядывать не рискнул и поэтому только слушал.

Выкрик повторился, но уже ближе, и вдруг по залу прокатился утробный рокот.

Ну все, игры закончились, цветочки опали, и нам на голову посыпались увесистые такие ягодки. Так что можно дать волю любопытству.

Выглянув в зал, я увидел эпическую картину – дракон уже обратился и пытался достать когтистой лапой фальшивого жреца.

Ох и какой же он здоровый! В видении я представлял этого монстра, так сказать, эскизно, а сейчас он предстал предо мной во всей красе. Когтистые лапы и змеиное тело огромного зверя покрывала желтовато-белая чешуя и голубая шерсть на голове, вдоль спины и на мощном хвосте. Оскалившись огромными клыками, дракон пытался поймать юркого ракшаса.

Шен уже успел содрать с себя ворох нацепленных одежд и стремительно менялся. Я еще не видел его в полной трансформации.

Экстренный стриптиз оставил его в одних портках. По потерявшим гладкость плечам и спине пробежали черные полосы, контрастно выделявшиеся на желтоватой шерсти.

В звериной ипостаси оборотень получился больше некрупного Шена-человека, но по объемам псевдоплоти ракшасу было очень далеко до его соперника.

Дальше события понеслись с еще большей скоростью. Позади дракона появились ведьмаки и начали палить в него из каких-то берданок. Это сразу отвлекло Ихея от ракшаса, который тут же воспользовался заминкой врага, начав полосовать его когтями. Дракон задержался, но все же главной целью выбрал ведьмаков. От ракшаса он отмахнулся хвостом, вбив зашипевшего Шена в стену, хотя вряд ли это вывело его из боя надолго. А вот ведьмаки огребли по полной. Дракон решил зайти с козырей. В воздухе завис пронзительный свист. Казалось, будто сейчас рванет старый паровой котел. И рвануло! Только не паром, а огнем.

Буквально за секунду два грозных ведьмака превратились в горящие факелы. Один из них попытался что-то сделать и даже сумел сбить с себя пламя, но был тут же разорван драконом буквально пополам. Второй бедолага с огнем не справился и через несколько секунд просто рухнул на пол догорающим факелом.

Осознав, что все пошло по худшему сценарию, Учитель явно решил проверить на практике фантазии странного чудака.

У выхода из еще одной штольни что-то хлопнуло, и к дракону с шипением понеслись две ракеты. Они пролетели мимо обоих оборотней и взорвались ослепительным фейерверком. Уже пришедший в себя Шен был готов к подобному обороту событий и почти мгновенно обратился в человека, а вот дракон не сориентировался. Плотные клубы серебряной пыли обволокли его, и под сводами зала пролетел наполненный болью рык. Монстр забился в пещере как перерезанный напополам дождевой червь.

Ну вот кто мешал старику сделать это немного раньше? Сейчас ведьмаки взяли бы дракона в оборот, но, увы, момент упущен. Дракон внезапно перестал биться и, извернувшись ужом, распрямился, словно стальная пружина. Казалось, от его стремительного движения заколебался сам воздух.

Нет, не показалось! Так оно и было. Серебряная взвесь разлетелась от какого-то странного заклинания. Дракон яростно взбрыкнул и завертелся в воздухе как юла. Он по всем канонам китайской мифологии буквально поплыл над полом без крыльев и какой-либо материальной поддержки.

Когда угроза обжечься серебряной пылью исчезла, Шен опять начал

превращаться в тигра. Но повторное обращение явно давалось ему с трудом, поэтому не удивительно, что он практически сразу попал под удар лапы дракона. От звука вновь шмякнувшегося о стену тела у меня самого заныли ребра.

И только тогда, когда стало понятно, что другого выхода нет, Учитель решил поставить на кон все, что есть, – жизни учеников, да и свою собственную тоже. С громкими воплями они начали выскакивать из своих укрытий и обстреливать зависшего в воздухе монстра.

Не знаю, использовали стрелки серебряные пули или обычные, но те явно отскакивали от белой чешуи. И это плохо, потому что для разрушения псевдоплоти серебру-резонатору необходимо иметь хотя бы кратковременный контакт с этой самой плотью. А пули просто рикошетили от тела супероборотня.

Когда все ринулись на врага, я благоразумно не стал поддаваться общему порыву, но и позорное желание задать стрекача тоже попридержал. Зато сразу вспомнил об оружии. Достать из кобуры револьвер – дело секундное, а вот подготовить ракету можно и не успеть.

События разворачивались пугающе быстро. Я только отвел взгляд от кровавой вакханалии, чтобы вытащить из сумки ракету и зажигалку из планшета, а когда через десяток секунд посмотрел в зал, там все было кончено. Учитель и весь его выводок лежали на полу изломанными куклами, а порой и отдельными кусками. Их кровью были щедро орошены стены подземелья. В живых остался только Шен, но явно ненадолго.

Дракон, уже расслабившись, решил покуражиться над тем, кто доставил ему больше всего неудобств. Он скользнул к стене и подхватил передней лапой пытающегося встать на ноги Шена. Даже на частичную трансформацию сил у ракшаса уже не оставалось, так что он мог лишь извиваться в когтях дракона, который поднес свою жертву к морде, дабы лучше рассмотреть.

Осмотр длился недолго, и дракон распахнул свою пасть.

Он вряд ли собрался его есть, но голову откусит точно. Так же, как делал это с детьми!

Эта мысль все и решила. Разорвав внутри себя остатки нерешительности, я вышел из штольни, тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок револьвера. Я не увидел, но услышал, как взвизгнула пуля, срикошетив от головы дракона.

Хорошо то, что эта тварь временно потеряла интерес к Шену, просто отбросив его к стене, а плохо, что дракон заинтересовался уже мной.

Ну а теперь ходу!

Развернувшись на месте, я с пробуксовкой рванул по коридору. С большим трудом на бегу все же удалось попасть револьвером в раструб кобуры. Терять оружие сейчас было бы крайне неосмотрительно, даже учитывая наличие дублирующего пистолета.

Прав был отец – когда убегаешь, остановиться очень трудно, но у меня все же получилось. И получилось буквально чудом, потому что яростный рев за спиной смолк и ему на смену пришел уже знакомый свист.

С резким торможением я опять развернулся и, щелкнув зажигалкой, поднес ее к запалу ракеты. И только затем увидел, что дракон уже впихивал свое здоровенное тело в узкий для него коридор. Когда все нужные манипуляции закончились, мне тут же вспомнились истории о травмах от фейерверков в родном мире. Да уж, придется выбирать – либо рискнуть и запустить ракету без прицела, либо получить шанс потерять руку.

Увы, страх сработал быстрее сознания. Я инстинктивно бросил ракету на пол, хорошо хоть острием в нужную сторону. Рассерженно чихнув облаком огня и дыма, ракета рванула вперед, пройдя над самым полом. Она взорвалась точно под брюхом дракона, если так можно назвать участок змеиного тела между передними и задними лапами.

По ушам ударил уже знакомый рев, но теперь боли в нем было намного больше. Особенно радовало то, что пропал зловеющий свист.

Неужели предыдущая атака Учителя со товарищи и удар больших ракет исчерпали энергетические запасы энергента-симбиота? Если так, то большое им спасибо.

Желание сбежать, воспользовавшись заминкой дракона, тут же испарилось, к тому же я явственно увидел расползающиеся по телу монстра темные пятна. Есть шанс, что теперь серебряные пули сработают как надо.

Выхватив револьвер, с одним пустым гнездом в барабане, я с трудом подавил еще один порыв подсознания. Целиться нужно не в ревущую морду, а совсем в другое место. Псевдоплоть и так распадется, поэтому нужно наделать дырок в самом Ихее. Прямо над зобом, что немного выпирал чуть выше передней пары лап, виднелось одно из пятен распадающейся псевдоплоти. Туда я и пальнул.

Ну, по крайней мере, попытался. Первые две пули вообще не попали в извивающегося дракона, третья угодила точно в пятно, заставив оборотня еще раз зареветь. Страх и боль явно не позволяли Ихею думать рационально, и, вместо того чтобы одним рывком достичь меня и тупо перекусить пополам, он попытался вырваться обратно в общий зал. Четвертая пуля опять срикошетила от чешуи, которая все еще прикрывала

большую часть тела дракона. Попытка оборотня выбраться из слишком тесного для него коридора дала мне пару секунд на то, чтобы вытащить второй револьвер. Когда прицелился, я с радостью увидел, что пятно на груди распространилось на зоб. Туда я и выпустил еще три пули, промахнувшись лишь раз.

Серебро сделало свое дело, и псевдоплоть дракона начала быстро распадаться, обнажая лицо Ихея, на котором черной раной зиял распахнутый в мучительном крике рот. В этот рот я и выстрелил. Причем попал, спасибо Евсею за науку.

Теперь тело дракона начало таять как кубик льда, брошенный в костер, и через десяток ударов бешено бьющегося сердца на полу осталось раскоряченное тело Ихея. Императорский кузен был одет лишь в набедренную повязку и, если честно, в таком виде представлял собой жалкое зрелище. Но что-то все же не позволяло мне подойти к нему слишком близко.

С контролем я поторопился и выпустил последнюю пулю не в голову, а в спину, и только когда револьвер впустую щелкнул курком, понял, что она последняя.

Ну и что теперь делать? Не в смысле с телом Ихея, с Шеном, в чьей смерти я не был полностью уверен. Он мне не друг и не брат, но где-то в глубине души заворочалась придавленная страхом и стрессом совесть.

– Вот зараза!

Пробежав по коридору, я выскочил в основной зал и, как сайгак, понесся к тому месту, куда улетел отброшенный драконом ракшас. Вокруг валялись изодранные практически на куски люди, часть из которых я знал, хоть и недолго. Все было залито кровью, так что сомнений в гибели Учителя и его учеников не было. Может, вживленные в ведьмаков артефакты все еще держат искорку жизни в их телах, но, если честно, это не мои проблемы. Даже намерение проверить состояние ракшаса вызвало дикую свару внутри моей души между совестью и здравым смыслом. Причем последний явно побеждал.

Очень вовремя!

Шен лежал под стеной без движения и в таком состоянии, что казалось, будто его пропустили через мясорубку. Я, конечно, утрирую, но на обнаженном торсе ракшаса было не меньше десятка очень глубоких борозд, не говоря уже о ссадинах и синяках. И все же быстрая проверка пульса показала его наличие. Не скажу, что очень уж обрадовался открывшимся перспективам, но делать все равно нечего. Быстро взвалив тело Шена на плечо, я пошел обратно. Одно хорошо – китайскому

оборотно было далеко до его казацкого коллеги в плане телосложения. Поначалу он показался мне довольно легким, но со временем эта иллюзия развеялась.

Уже подходя к устью нужной мне штольни, я увидел лежащий у очередного разодранного тела меч. Точно так же как вид лежащего ничком и вроде мертвого драконьего оборотня не давал мне покоя, так и этот меч буквально приковал к себе мое внимание.

Ладно, с меня не убудет.

Присев возле меча и стараясь не уронить Шена, я поднял оружие за рукоять и пошел дальше.

– Кикимору мне в тещи! – выдохнул я, когда понял, что чуйка отозвалась не напрасно.

Я и раньше ей доверял, а теперь буду верить как истине в последней инстанции.

Вроде бы мертвый Ихей пытался подняться на подгибающихся руках, и от этого зрелища у меня зашевелились волосы на голове.

Шен как мешок с мусором полетел на пол, а я с испуганным воплем рванул вперед, заноса над головой подобранный меч. Нервы уже не выдерживали.

Хотелось бы мне сказать, что голова оборотня слетела с плеч после лихого удара, но врать нехорошо. Первый удар лишь бросил ослабевшего Ихея обратно на пол. Был и второй... да что уж там, и третий, и четвертый. Помнил я их достаточно смутно – нервы совсем сдали, потому что к работе палача меня никто не готовил. Когда некий круглый предмет наконец-то откатился от укороченного тела, я был весь измазан в чужой крови и вид наверняка имел до крайности жалкий.

На возвращение в себя пришлось потратить пару минут, дыша при этом как загнанная лошадь.

Ну все, успокоились. Пора двигаться дальше, тем более что, кажется, слышны крики и топот новых посетителей каменоломни.

Уверен, мне они точно не друзья.

Наконец-то бросив на пол липкий от крови меч и подхватив Шена, я побежал по коридору. К провалу добрался как раз в тот момент, когда передышка была уже жизненно необходимой. И тут же встал немаловажный вопрос – как поднимать бесчувственного раکشаса к пролому в потолке. Пока меня не было, кто-то сообразительный умудрился спустить вниз доску с набитыми на нее планками, но эта псевдолестница мне вряд ли поможет.

Ладно, перейдем к плану «Б».

Прислонив Шена к стенке, я попытался его растолкать. Когда не получилось, начал со злости хлестать по щекам. И – о чудо! – Ракшас замычал и открыл глаза. Правда, в них не было никакой осмысленности.

– Шен! Нужно встать! Нужно наверх!

Для убедительности я сначала ткнул пальцем в потолок и за волосы повернул голову парня в сторону пролома.

Мне кажется или в его глазах появилось больше смысла? Точно появилось!

Ракшас попытался встать, но качнулся и едва не упал обратно. Пришлось ему помочь. А затем немного подумать.

Снизу запихнуть его в пролом не получится, а вот втащить сверху вполне возможно. Так что я прислонил еле ворочающегося Шена к доске-лестенке, а сам полез наверх. Растопырившись в проломе, как краб в каменной щели, я ухватил ползущего по лестнице ракшаса за волосы.

Пусть Шен простит мне такой грубый способ транспортировки, но сам виноват – не нужно было так сильно раздеваться.

Наверх мы забирались довольно sporo, и только почти у выхода пришлось самому волочь обмякшее тело. Ночная прохлада наждаком прошла по распаренной коже и ледяными пальцами залезла под намокшую от пота одежду.

Но мы выбрались, и это самое главное! Теперь бы еще понять, что делать дальше. Шена не спросишь, а больше поинтересоваться не у кого. Я без особой надежды шепотом позвал Вейдуна, но переводчик как в воду канул, зато на мой зов явился Лео, о котором я совершенно забыл. Появление усатого друга разогнало наваливающееся отчаянье.

– Силыч, где тебя носило?! – Нервное напряжение вылилось в незаслуженный наезд на кота.

Но судя по его спокойной морде, Лео все понимал и не обижался.

– Ладно, давай как-то выбираться, – собравшись с мыслями, продолжил я общение с котом. – Помнишь наш забег по болоту?

Помнит усатый. Вон как его передернуло.

– Делаем так же, но теперь ты ведешь меня в обход людей. Если обойти не получится, начинаешь шипеть и орать, отвлекая их от нас, так чтобы мы сумели проскользнуть. Если будет нужно, можешь даже укусить кого-то, но только легонько. Все понял?

Теперь морда кота выражала оскорбление от моей низкой оценки его интеллектуальных способностей.

– Раз понял, тогда веди... – На этом я замаялся.

Ну и куда он должен меня вести? Сейчас самое главное – выиграть

время, для того чтобы Шен хоть немного пришел в себя, так что нужно где-то отсидеться. И лучше всего сделать это где-нибудь в минимально населенной местности. Только туда еще нужно попасть, и желательно не проходя мимо Запретного Города. Вот бы удивились стражи императора, увидь они прокрадывающихся мимо рва двух придурков – кота и его совсем не узкоглазого друга.

А если включить логику? Улетали мы из Пекина на запад. Когда возвращались с Шеном, по городу особых кругов не давали. Да и переходы были не такими уж долгими, и в богатые кварталы они нас не заводили. Так что, скорее всего, мы сейчас либо на западной, либо на северо-западной окраине. Поэтому нам нужно идти на северо-запад. Конечно, чтобы попасть в порт, следует двигаться совсем в другую сторону, но будем решать новые проблемы по мере избавления от текущих. Теперь бы еще узнать – где этот самый северо-запад? Вот почему не бросить в свой походный планшет еще и компас?!

Словно прося помощи у вышних сил, я поднял глаза к небу и увидел звезды. Тут же вспомнил, сколько раз охмурял девчонок, показывая им Большую Медведицу. В эпоху повального упадка образования такая фишка шла на ура.

Так вот же она, родимая, – в смысле, хорошо видимый ковш! Проводим линию вдоль внешней стенки ковшика и находим самую яркую звезду. Значит, север там, а запад слева.

– Лео, веди меня туда, – величественно изрек я и, как Ленин, указал коту направление, где нас ждет светлое будущее.

Не самая лучшая ассоциация – господин Ульянов в свое время сильно ошибся.

Кот совсем по-человечески кивнул и побежал в темноту. Я же поправил гогглы и, взвалив на плечо все еще пребывающего в отключке Шена, двинулся следом.

Лео, как всегда, подошел к порученному делу со всей звериной ответственностью. Он осторожно крался впереди, но так, чтобы я мог видеть его стоявший трубой хвост, который он явно собирался использовать в качестве сигнального семафора.

Так оно и вышло. Сначала я увидел, как хвост резко опустился, а затем услышал предупреждающее шипение. Пришлось делать несколько шагов в сторону и присаживаться в густой тени ближайшего здания. К тому же, не снимая с плеч Шена, стараться втиснуться в проем между двумя домами. В это время кот запрыгнул на крышу здания, находящегося через дорогу, и противно заорал. Наш общий расчет оказался верным – тройка стражников

пробежала мимо, опасливо косясь на беснующегося кота. Свет факелов скользнул по моему лицу, но мы с Шеном так и остались незамеченными.

Это было на грани фола.

Выбравшись из вонючего по вполне понятным причинам закутка, я опять пристроился в кильватер к Лео. Он тоже осознал опасность того, что произошло, и вильнул куда-то в закоулки. Пришлось идти следом: сейчас кот разбирался в обстановке намного лучше меня.

Уверенность в усатом помощнике была немного поколеблена тем, что он привел нас в тупик. Да, за невысоким заборчиком обнаружилась тихая и лишенная фонарей улочка, но преодоление даже такой несерьезной преграды с бесчувственным телом на руках было еще той задачкой.

Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Преодолев стенку, мы двинулись дальше. Было еще несколько невысоких заборчиков, за которыми не всегда обнаруживались улицы, но нужно отдать должное коту: мы больше ни разу не встречали людей. Иногда слышали приглушенные разговоры внутри домов да пару раз натыкались на что-то выкрикивающих пьяниц, но не более. Однажды на нас выскочила собака и попыталась облаять. Но, услышав даже мне показавшееся inferнальным шипение кота, дворняга поспешила заскочить обратно в подотчетный двор.

Улочки сменялись переулками и лишь иногда короткими отрезками широких улиц, но плотная застройка все никак не заканчивалась.

Какой же он громадный, этот Пекин! Одно радовало – дома становились все бедней, а значит, мы движемся в верном направлении, товарищи!

Увы, эта радостная новость никак не прибавляла мне сил. Каждый новый шаг был тяжелее предыдущего, и даже короткие передышки приносили лишь сиюминутное облегчение. Я уже серьезно подумывал о долгом привале, когда мой нос уловил запах болота, и тут же послышалось кваканье жаб.

Болото? Посреди города? Что за бред?

Через пару минут стало понятно, что это никакой не бред, а самая настоящая река.

О Сене, протекающей через Париж, я знаю, как и о Москве-реке, и даже о разделившем Будапешт Дунае. А вот о речке, которую оседлал Пекин, я слыхом не слыхивал. Но тут как в изречении из армейской кинокомедии: «Ты не видишь суслика, и я его не вижу, а он есть».

Хорошо хоть эту речку я не только осязал, но и наблюдал. Под скудным светом молодого месяца сначала показались заросли тростника, в которых утопали крайние дома упирающейся в реку улочки.

Меня хватило только на то, чтобы добраться до начала деревянного моста, переброшенного через реку и являвшегося продолжением улицы. Затем я опять не очень бережно сбросил Шена в заросли прошлогоднего тростника с молодыми зелеными побегами, а сам осторожно пробрался к горбтому мосту на деревянных сваях.

За мостом виднелись все те же неказистые здания плотной застройки. Желания продолжать ночной забег по городу не было никакого, и я с надеждой посмотрел на реку. По ширине она была метров тридцать, так что лодки на ней должны присутствовать по определению. Только никаких плавсредств пока видно не было. Ладно, будем надеяться, что и с лодками сработает правило суслика.

– Лео, у меня есть для тебя новое задание, – присев на корточки, обратился я к коту, настороженно застывшему рядом со мной. – Пробегишь по берегу и найди лодку, которая или совсем не привязана, или привязана веревкой. Те, что с цепями и замками, пропускай.

Выдав довольно сложное даже для некоторых людей задание, я с настороженностью всмотрелся в зеленовато-серые глаза кота. Каждый раз, обращаясь к нему, я жду в ответ присущего животному недоумения и каждый раз поражаюсь тому, что сотворил с обычным животным профессор Нартов.

Кот понятиливо кивнул и юркнул в заросли тростника. Мне сразу стало неуютно, и даже подсвеченная гогглами темнота начала напрягать больше, чем секунду назад.

Да уж, без усатого и очень чуткого напарника что-то страшновато. Забравшись в тростники к Шену, я настороженно замер. И только ощутив, как влага пропитывает штаны на сиденье, понял, насколько по-свински поступил с бесчувственным товарищем. Но дикая усталость на корню зарубила не то что желание перемещать Шена, даже самому шевелиться не хотелось. На мне столько крови, пыли и пота, что немного сырости и речной тины ситуацию не ухудшат.

К счастью, разведка кота оказалась не такой уж долгой – вернулся он минут через пять и с таким победным видом, что ни о чем спрашивать смысла уже не было.

Теперь еще нужно как-то встать и взвалить Шена на плечо.

И то и другое прошло с таким скрипом суставов и перетруженных мышц, что, казалось, его слышала половина Пекина. Но тот факт, что нам предстоит последний рывок, придавал сил, и за котом я шел довольно бодро.

Лео выполнил свое задание на все сто. В выдаваемой гогглами

бесцветной картинке я рассмотрел дощатые мостки неподалеку от одноэтажного домика. К опорным столбикам мостков толстым канатом была пришвартована лодка. Мимо дома я проходил без особой опаски. Хозяева посуды спали праведным сном, ведь на дворе третий час ночи. А вот мелкая шавка, поставленная охранять ценное имущество, попыталась предотвратить преступные деяния незнакомцев. Но с ней случилось то же, что и с предыдущим псом. После яростного шипения Лео бедолага с тихим поскуливанием заползла под какую-то корягу.

Лодка была длинной, что хорошо, но очень узкой, что уже хуже. Так что Шена я укладывал туда с величайшими предосторожностями. Затем пришлось пилить канат похожим на миниатюрную катану ножом, и только после этого я понял, что в лодке нет весел.

– Лео, а ты весел не видел? – шепотом спросил я у кота, в который раз обалдевая от бредовости это сцены. – Ну, такая палка с...

Лео презрительно фыркнул и побежал к сарайчику, находившемуся между домом и мостками.

Если честно, я порой начинаю бояться этого существа. Мало ли что может твориться в черепной коробке слишком уж сообразительного кота. Хорошо хоть он утратил способности к трансформации.

Весло нашлось именно там, куда меня привел Лео. Оно было прислонено к стенке сарайчика рядом с развешенными под навесом сетями. Сети мне не нужны, и без того придется идти на откровенный грабеж явно небогатых людей. И оставить им в качестве компенсации нечего – в планшете лежат только пятьдесят рублей банковскими билетами. Здесь ими можно воспользоваться только в качестве туалетной бумаги, к тому же деньги могут понадобиться и самому.

Мысленно извинившись перед хозяевами, я подхватил весло и поковылял обратно к лодке. Как оказалось, самой большой проблемой было уговорить кота забраться на борт плавсредства, которое, по его мнению, не внушало ни малейшего доверия.

После минутного спора с яростным шипением с обеих сторон Лео все же запрыгнул на нос лодки, и мы отчалили. Весло на конце ручки имело плоское утолщение и было приспособлено под работу по обоим бортам, как в байдарке. Впрочем, будь здесь два обычных весла с уключинами, легче бы мне не стало. Так что первые полчаса я проходил ускоренный и экстремальный курс по самообучению гребле. Пару раз чуть не перевернул лодку, что было прокомментировано презрительно-возмущенным шипением Лео, но затем все пошло на лад. Не такое уж сложное это искусство.

Берега медленно плыли по бокам. Тонкий месяц скупно освещал окрестности, и в этом тусклом свете лишь иногда подавали голос умаявшиеся за вечер лягушки. Все было таким умиротворенным и спокойным, что подмывало улечься на дно лодки и уснуть. Но обманываться не стоило – где-то там, в темноте, наверняка метались осиротевшие бойцы так и не ставшего императором дракона, и их жажда мести не давала мне расслабиться.

Еще через час спокойного плаванья вниз по медленной реке берега неожиданно разошлись, и я с удивлением увидел обширное озеро. Большая часть его была покрыта густым тростником, и это очень радовало. Но перед тем как с облегчением забиться в самую гущу этих зарослей, я все же пересилил себя и направил лодку к ближайшему берегу.

Когда она уткнулась скулой в кривоватые мостки, я обратился к Лео:

– Силыч, не в службу, а в дружбу. Сходи поохотиться. Нашему полосатому другу нужно мясо. Если получится, притащи курицу, и побольше. – Увидев саркастический взгляд кота, я добавил: – Значит, пока снимаем запрет на отлов домашней птицы. Временно.

Кот обреченно вздохнул и ловко спрыгнул на мостки. Через секунду он растворился в сероватом для меня мраке.

Отсутствовал Лео недолго и вскоре появился, волоча за собой крупную, не меньше самого охотника, добычу.

Ну что ты с ним будешь делать!

– Лео, вот ты рецидивист, – зашипел я, когда рассмотрел, кого именно мне притащил этот хищник. – Зачем петуха задрал? Над курицей поплакали бы и успокоились, а так ты оставил без хозяина и защитника целое стадо.

На морде кота было крупными буквами написано раскаянье в якобы непреднамеренной ошибке, но я-то знаю, каким страшным любом эта усатая сволочь любит петухов.

Но делать нечего, пришлось забирать у кота то, что есть. Птица оказалась увесистой, и принимал я ее на борт с некоторым усилием. С разодранной тушки в воду, а затем на дно лодки все еще капала кровь, хотя петух уже перестал трепыхаться.

– Заставь дурака...

Договорить я не успел, потому что услышал глухой рык и почувствовал, что лодка вот-вот перевернется.

Я, конечно, предполагал, что запах крови может разбудить оборотня, но не был готов к настолько резким действиям. Шен не только проснулся, но успел стремительно выхватить птицу из моих рук. А у него ведь на пальцах в этот момент образовались неслабые такие когти!

Петуха ракшас схарчил за секунды прямо с перьями и продолжил трансформацию. Его безумные глаза уставились на меня с очень нехорошим выражением.

Сейчас меня будут жрать...

Ринувшийся вперед Шен потерял сознание прямо на подъеме, но тут же обмяк, стремительно проходя обратную трансформацию. Упал ракшас очень неудачно. Я лишь успел ухватиться одной рукой за столб мостков, а другой за его портки. Голова оборотня с тихим плеском ушла под воду.

Скрипя зубами и раскорячившись в лодке, я начал тянуть на себя и столб, и ракшаса. Каким-то чудом мне все же удалось затащить его обратно в наше утлое суденышко.

– Кикимору тебе и в жены, и в тещи, кошка ты облезлый, – прохрипел я, пытаюсь отдышаться.

После этого осмотрелся и злобно зашептал:

– Иди сюда, сволочь трусливая.

В момент атаки кот буквально телепортировался с места событий и теперь осторожно выглядывал из-за сарая.

Вот такой казус – то ли у Лео ракшасофобия, то ли опять сработала некая звериная табель о рангах.

Осторожно забравшись в лодку, кот в этот раз устроился на корме, оставив меня между собой и оборотнем, который наконец-то погрузился в нормальный сон. Его дыхание выровнялось и стало глубоким. К тому же почти все раны затянулись и подернулись коркой, а с кожи ушла болезненная бледность.

Даже завидно немного.

С чувством выполненного долга я направил лодку в сторону озера и через полчаса уже загонял ее в заросли тростника. Сначала мы прошли несколько узких протоков, затем я пропихнул лодку сквозь путаницу полегшего старого тростника, заросшего паутиной и еще какой-то гадостью. Было видно, что здесь давно никто не появлялся. Надеюсь, что я не ошибся в своих расчетах.

Когда пихать лодку дальше уже не было ни сил, ни возможности, я повернулся к коту и устало выдохнул:

– Бди. Если что, разбудишь.

Затем свернулся клубочком и мгновенно уснул.

Глава 9

Проснулся я совсем не потому, что выспался, а потому, что не спалось кое-кому другому. Но первое, что ощутил, – это страх. Мне почудилось, что судьба забросила меня обратно в тело старика. Только через минуту легкой паники удалось осознать, что я все еще в юном теле, правда изрядно потрепанном и оттого ноющем, а также постреливающим в разных местах. Особенно докучали ноги и почему-то сидалище. Скорее всего, из-за неудобства нестандартной постели.

Справившись с накатившим страхом, я наконец-то обратил внимание на того, кто меня разбудил. И был это вовсе не Леонард. Шен выглядел до омерзения бодрым, что не добавляло мне оптимизма, как и не повесенному злое солнце, уже достигшее зенита.

Нам бы еще спать и спать, но ракшаса явно мучили очень важные для него вопросы.

– Иг Нат, – уже привычно разделил мое имя Шен и, вздохнув, все же решился спросить: – Учитель?

Мой словарный запас был еще беднее, так что я просто сокрушенно помотал головой. Парень все понял верно. Он заскрипел зубами и, обхватив голову руками, как-то весь скукожился на лодочной лавке. И в таком положении он просидел минут десять, но затем все же справился с отчаянием и спросил теперь уже с мрачной решимостью на лице:

– Вейдун? Учитель... ники?

Он наверняка имел в виду других учеников.

– Вейдун жить, – попытался я ответить, вспоминая, какие слова известны юному полиглоту. – Ученики не знаю. Те, что биться дракон, – не жить.

Шен завис еще на пару минут, но затем посмотрел мне в глаза и произнес с коротким поклоном:

– Се се, Иг Нат. – Затем он стукнул себя в обнаженную грудь и ткнул в меня пальцем. – Ты, я идти Тяньзинь.

А вот это правильные слова. Странное вступление я тоже понял – это он меня так поблагодарил.

Я в ответ облегченно кивнул и радостно увидел, что ракшас уверенно берет бразды управления нашим куцым отрядом в свои руки.

Он указал рукой на солнце и изрек:

– Ждать. – Затем медленно провел рукой от зенита к горизонту и

добавил: – Ты, я иди Тяньзинь. – Затем указал пальцем на меня и на дно лодки: – Ты спать.

Ну, спать так спать. Солнце, конечно, мешает, но соломенная шляпа мне в помощь.

И ведь помогла – когда проснулся уже в сумерках, я почувствовал себя относительно выспавшимся. Даже тело болело намного меньше, но при этом очень хотелось есть. Судя по выражению морды прикорнувшего рядом кота, он полностью разделял мои чаянья.

Увы, с этим делом явно придется подождать. Что-то я сомневаюсь в рыбацких способностях Леонарда.

Сумерки уже окутали заросли тростника, так что Шен без особых опасений начал выводить нашу лодку на глубокую воду. Причем делал он это намного лучше меня, но я уже перестал удивляться – в этом мире в бытовом плане все всё делают лучше меня.

Шен прекрасно знал местность, так что уверенно вел нас на противоположный конец озера. Сейчас на водной глади мы были одни, и вечерняя жизнь проявляла себя лишь по берегам. Там слышались голоса людей, иногда смех, и мелькали смутные тени на фоне россыпи бумажных фонарей. Окраины Пекина жили своей обычной жизнью, не подозревая, что совсем рядом происходят события, способные кардинально поменять их судьбу. Но это неудивительно – девяносто девять процентов населения Земли живет именно такой жизнью, а потом просто стенают, спрашивая у неба, за что им такие испытания.

Из озера мы попали еще в одну речку, а затем всего после получаса движения по медленному течению вышли в очередное озеро. Этот водоем был как бы не больше предыдущего. Даже не подозревал, что в столице Китая столько всего водного: прямо Венеция какая-то.

Из второго озера мы мирно и спокойно вышли еще в одну реку, но прошли по ней не так уж много. Шен повел лодку к берегу и пристал к очередным мосткам. Время было позднее, так что хозяева этой мини-пристани должны уже спать. Впрочем, присмотревшись, я заметил печальное состояние строений и понял, что никаких хозяев здесь нет.

Когда мой проводник уверенно свернул к берегу, я лишь горестно вздохнул – слишком уж мне понравилось путешествовать в лодке, да и водная гладь вокруг успокаивала и умиротворяла. А вот суша одним своим видом намекала на притаившуюся там опасность. Этой ночью серп луны стал еще тоньше, и помощи от него было меньше, чем от звезд. И если перспектива пешего путешествия меня лишь опечалила, то процесс выгрузки на мостки вызвал мучительный стон. Как оказалось, сидя в лодке,

я даже не представлял, в каком состоянии находится мое тело. Казалось, ныла каждая жилка в измученном организме.

Ну вот где сейчас все эти медицинско-магические штучки, когда они так нужны?

Еще одна галочка в дырявом блокноте моей памяти – не забыть поинтересоваться, нет ли в продаже каких-либо тонизирующих зелий. Список упущенных мною нюансов пугал своим размером и показывал, что я совсем не Филеас Фогг с его умениями всегда и везде заранее обеспечить себя сверхполезными мелочами.

Выбравшись из лодки, Шен уверенно повел меня в подсвеченный гогглами мрак китайской ночи. Наконец-то оказавшийся на суше Лео радостно засеменял рядом со мной. А я, кряхтя как старый дед, поковылял за Шеном, с ненавистью сверля взглядом его спину.

Ну вот где справедливость? Еще вчера он нуждался в транспортировке на моих совсем не богатырских плечах, а сейчас скачет бодрым козликом!

Как ни странно, щадящий темп бега постепенно разогрел тело, и боль отступила. Я даже начал получать удовольствие от столь динамичного передвижения по лабиринтам узких улочек. Из ракшаса поводырь получился ничуть не хуже, чем из кота. Да чего уж там – оборотень вел нас по самому безлюдному и простому маршруту из всех возможных. Так что я ничуть не удивился, когда мы всего с парочкой привалов вскоре оказались за городской чертой.

Возле еще одной речушки остановились почти на час, а затем, после переправы через брод, был последний рывок. Уже в предрассветных сумерках, перевалив через холм, мы вошли еще в одно нагромождение зданий. У меня даже мелькнула мысль, что Шен опять завел меня в какой-то из пригородов Пекина, но все более отступающая мгла позволила мне рассмотреть, что мы находимся просто в большом поселке на берегу полноводной реки. До противоположного берега было метров двести, не меньше.

Уже начало светать, когда мы подошли к одному из утлых домиков в ряду крытых тростником примитивных зданий. Шен сначала тихо позвал, затем крикнул чуть громче, но и второй призыв остался без ответа. Он уже собрался перескочить через хлипкий заборчик, когда из дома послышался скрипучий голос, и, шаркая ногами, во двор вышел дедуля, чей невысокий рост еще больше уменьшила старческая сутулость.

Шен с поклоном поприветствовал старика. Бедный наряд дедушки никак не сочетался с уважением, которое выказал ему ракшас. Дед поклонился в ответ.

Как говорила Алиса, все страньше и страньше.

Диалог между двумя китайцами не принес мне ни крохи информации, но я все равно слушал. Явно коротко поинтересовавшись делами деда, Шен что-то уважительно ему сказал. Старик, чуть подумав, ответил. Ракшас тут же полез за пояс своих портков, где у него оказался кармашек на экстренный случай, и выудил оттуда пару желтых монет. Но не это удивило меня, а то, с каким буквально царским достоинством старик отказался от подношения. Шен продолжал настаивать, но насильно пихать монеты не решился. Не знаю, сколько продолжилось бы это непонятное противостояние, но его прервал Леонард. Кот весь напрягся и вздыбил шерсть буквально на всем теле. Он смотрел на холм, через который мы перебрались всего пару минут назад.

То, что там происходило, мне понравилось не больше, чем Лео.

Рассвет близился, и верхушка холма была хорошо видна даже без помощи гогглов, но они делали картинку еще четче. Сначала на холме показался человек, который чутко замер, а затем вообще начал частичную трансформацию. Очертания его головы поплыли, превращаясь в нечто звериное.

Точно не ракшас. Неужели волколак? Нет, не похоже – морда массивнее и какая-то тупая, а не заостренная, как у волка. Так вот они какие, эти ину – псы-оборотни.

Подтверждая мою догадку, оборотень присел на корточки, упираясь одной рукой о землю, и начал водить головой над дорогой.

Рупь за сто – эта ищейка вынюхивает именно наши следы. Хуже всего то, что за песьим оборотнем на холм начали подниматься другие люди. И было их слишком много на нас двоих.

В отличие от меня, Шен не стал разевать варежку, а начал действовать. Он что-то быстро проговорил старику, а затем повернулся ко мне.

– Иг Нат... – Парень как-то кривовато улыбнулся и положил мне руку на лечо. – Се се, дируг. Ты иди он, быстро, – последовал короткий кивок в сторону старика. – Я иди он. Убить.

После этого ракшас указал на холм, с которого уже спускались наши преследователи.

Моя совесть хотела возразить, а осторожность толкала за стариком, который уже засеменял по улице. И хуже всего было то, что логика говорила в пользу осторожности, и говорила, что в предстоящей драке я для ракшаса только помеха. Если у него и есть шанс прибить ищейку, а затем сбежать, то только в одиночку.

Или это я опять просто трусливо вру самому себе?

– Се се, друг, – хлопнул я Шена по плечу и, развернувшись, побежал за стариком.

А дедуля оказался довольно шустрым. Мне почему-то вспомнился вечно прикидывающийся немощным мастер Йода. Тот тоже в нужный момент обретал экстраординарную ловкость.

Дедок уже дожидался меня у ограды одного из подворий в конце улицы. Увидев, что я на подходе, он юркнул в дыру забора и сразу заскочил в густые кусты. Пришлось продираться за ним. Теперь его рост был ему в помощь, а вот мой мне сильно мешал. Вот у кого вообще проблем не было – так это у Лео. Кот шустро скользил за старичком, при этом умудряясь держать хвост трубой.

После первых кустов были вторые, а после вторых – третьи. Казалось, старик целенаправленно ведет нас так, чтобы я нацеплял на себя все колючки в округе и для конспирации разодрал лицо до неузнаваемости.

Наконец-то мы выскочили из кустов, пересекли улицу и через плетень забрались в очередное подворье. Именно здесь меня догнали крики людей, а затем еще и выстрелы.

Доброй охоты тебе, мой полосатый брат.

Все, чем я мог помочь Шену, это мысленным напутствием и коротким взглядом через плечо. Не факт, что этот взгляд помог ракшасу, а вот мне едва не навредил. Не заметив под ногами какой-то утвари, я полетел на землю, издавая неприятный шум. Старичок и Лео зашипели на меня едва ли не в унисон.

Наконец-то мы добрались до реки и посетили уже которую за последние два дня пристань. Возле добротных мостков стояла большая лодка, да еще и под странным парусом. Кажется, это называется «джонка». Старик подбежал к лодке и начал тыкать пальцем в переднюю часть, где были сложены сетчатые верши. Ну, для понимания этого посыла мне знание китайского языка без надобности.

Подхватив Лео, чтобы опять не тратить время на уговоры, я запрыгнул в джонку и, повинуясь подгоняющим жестам старика, начал устраиваться между легкими каркасами сетчатых ловушек.

Удовлетворившись увиденным, старик подбежал к дому и решительно постучал в дверь. Ему тут же ответили. Мое любопытство оказалось слишком сильным, так что я аккуратно выглянул через борт. В дверях дома стоял еще один китаец и о чем-то спорил со стариком. Решающим фактором в их разговоре стала одна из монет, которые Шен все же как-то всучил старику.

Хозяин джонки вернулся в дом, старик подхватил висящую под

навесом сеть и, вернувшись к джонке, накрыл ею ловушки и меня заодно. Теперь обзор был сильно ограничен, так что я не смог увидеть всего приготовления к отплытию, зато почувствовал, как лодка закачалась на волнах.

Перед тем как окончательно положиться на порядочность старика и в буквальном смысле плыть по течению, я еще раз выглянул из-под сети. Берега уже не было видно, и мы медленно уплывали в предрассветный туман.

Это немного успокаивало, но не так чтобы очень.

Ну и ладно – без Шена мне все равно рыпаться некуда.

Приняв это решение, я устроился поудобнее, погружаясь в блаженную дрему. Рядом свернулся клубочком пушистый генератор успокаивающего урчания. Так мы на пару и уснули.

Несколько раз пришлось просыпаться оттого, что кто-то общался со стариком и хозяином лодки, но все эти разговоры ни к чему опасному не привели.

Ближе к обеду меня растолкал старик и довольно ловко начал объяснять жестами, что можно уже вести себя более свободно.

Ну и ладненько.

Выбравшись из-под сетевого полога, я с удовольствием потянулся и осмотрелся. Мы плыли по широкой реке, поверхность которой весело поблескивала под лучами полуденного солнца. Здесь, на воде, было не так жарко, но я все равно надел на голову свою соломенную шляпу, только чудом не потерянную в путешествии по кустам.

Джонка sporo двигалась по реке под парусом, который больше всего напоминал жалюзи, и парусиной там даже не пахло. Узкие полосы тонких циновок из непонятно какого материала были закреплены на поперечных бамбуковых планках, и вся эта конструкция свободно висела на мачте. Причем с одной стороны парус был раскрыт больше, чем с другой, да и центровка по отношению к мачте немного нарушена. В итоге получалась некая смесь жалюзи с веером.

Это, конечно, хорошо – водное путешествие доставляло сплошное удовольствие, но в более спокойной обстановке дал о себе знать давно пустующий желудок. Но и эта проблема была решена заботливым стариком. Перебравшись ко мне с кормы, он развернул на доске тряпицу, в которой оказались какие-то булочки. Также мне была предложена тыквенная фляга с водой.

Красота! Булочки оказались с мясом и буквально таяли во рту. Жаль только, что их было мало, особенно учитывая, что приходилось делиться с

котом. Старик, устроившись на бухте каната, умильно щурился и смотрел, с какой жадностью я поглощаю еду, не менее добродушный взгляд вызывал у него поедаящий булочки кот.

– Се се, – поклонился я деду, чьего имени даже не удосужился узнать.

На этом забота дедули не иссякла. Он жестами заставил меня раздеться, связал всю одежду канатом и выбросил за борт. Так что мне пришлось несколько часов позагорать, пока пропитанные кровью и грязью штаны и рубаха сначала отмокали, а затем сохли. Китайское пончо оставалось влажным до самого вечера. Я за это время успел прыгнуть разок за борт, а затем предавался блаженному ничегонеделанию, и чем дольше оно продолжалось, тем больше меня одолевали опасения.

А не сильно ли я расслабился? Что, если лодку все же догонят или кто-то рассмотрит в экипаже чувака с подозрительной славянской мордой и белой кожей? Что я смогу противопоставить супостату? Престарелых союзников или свой длинный нож? Даже не смешно.

Прервав прием солнечных ванн, я полез в сумку, которую мне выдали китайские союзники. Увы, кроме ракеты-фейерверка, там ничего полезного не было. Выуженные из кобур револьверы тоже не особо порадовали. Я даже не смогу никого пугнуть этими бесполезными железками, потому что вместе с дулом на врага будут предательски пялиться четыре из пяти зияющих пустотой камер барабана.

Делать было нечего, поэтому я начал откровенно маяться дурью, выковыривая торчащие из бортовых швов пропитанные смолой куски пакли. Катал из них шарики, которыми и затыкал пустые камеры барабанов. Уже закончив с этим, я почувствовал себя полным идиотом и вернул револьверы обратно в кобуры, хотя было очень сильное желание запулить их подальше в реку.

Когда солнце начало клониться к закату, старик загнал меня обратно под сетчатый полог, потому что хозяин судна уже не мог лавировать так, чтобы держаться подальше от других лодок на реке, а их стало намного больше. К тому же вдалеке показались здания большого города. Мы и до этого проплывали мимо человеческого жилья, но то были всего лишь небольшие селения.

На город мне посмотреть не удалось, так что с Тяньзином я познакомился только на слух. И шума это поселение создавало много. Казалось, что я попал на птичий базар, на котором еще оборудовали кузни, а также расположился полк барабанщиков. Что-то постоянно жужжало, визжало и постукивало. Я постоянно боялся пропустить в этой какофонии момент, когда кто-то начнет обыскивать лодку.

Когда минут через двадцать все это стихло до приемлемого для моих нервов уровня, я даже обрадовался, но ненадолго.

Скорее всего, чрезмерный шум мне только почудился из-за внутреннего напряжения, а вот то, что я услышал еще через полчаса, было настоящим бедламом. Теперь преобладал какой-то скрип, плеск и ругань, которую легко можно было опознать по интонациям даже без знания языка. Как ни странно, теперь старик решил, что в конспирации необходимость отпала, или же его просто интересовали дальнейшие указания.

Сдернув сетчатый полог, старик зачирикал что-то вопросительное.

Встав во весь рост, я осмотрелся. Похоже, мы прибыли на место – нашу лодку окружал большой порт. Мы вышли в устье реки, которое обрамляли два ряда причалов. Справа в небольших бухтах залива угадывались еще несколько комплексов портовых сооружений и виднелись десятки, если не сотни корабельных мачт.

Вокруг было много судов, похожих на нашу джонку как очертаниями, так и парусами. Только их размеры были значительно больше. Хватало и океанских кораблей, но почти все они были деревянными и несли на себе большое количество парусов европейского типа. Железные корабли имелись в количестве полутора десятков штук. В их внешнем виде, как и при моем первом знакомстве с местным паровозом, меня смутило отсутствие дымовых труб. Но это – так, лишь царапнуло мое сознание, потому что основное внимание было приковано к пузатому судну средних размеров с серыми бортами. На верхушке короткой мачты, которая явно служила только как подпорка «вороньего гнезда», развевался торговый триколор Российской империи.

Увидев мой указующий жест, старик отразил улыбку, которая расплзалась на моем лице.

Неужели вырвался?!

Ловко лавируя, хозяин джонки всего за пару минут подвел лодку к борту судна, надпись на носу которого полностью развеивала все оставшиеся сомнения. Наши маневры были тут же замечены с палубы «Бекаса»:

– Эй, желтомордый, куда прешься! Чего надо? – прохрипела появившаяся над бортом морда красного цвета то ли от злости, то ли просто в силу своей нездоровой природы.

– Капитана надо, – в тон ему ответил я. – И немного уважения к гостю. А еще, братец, подайте-ка мне штормтрап.

Я специально построил свою речь так, чтобы сразу расставить все по своим местам. Сословное воспитание сразу же переключило мысли

матроса на другие рельсы:

– Прощеньица просим, ваше благородие. Чичас капитана позову, и все вам будет.

Красная и быстро подобревшая морда тут же исчезла из поля зрения, а я повернулся к своим спасителям:

– Се се, отец, – низко поклонился я старику и то же сделал в отношении хозяина джонки. – Се се, уважаемый.

Больше мне отблагодарить их было нечем, но огорченными китайцы не выглядели – просто улыбались и кланялись.

– Чем обязан? – прервала наши расшаркивания еще одна упитанная физиономия, правда, более здорового цвета.

– Вы ждете пассажира из пекинского посольства?

– Да, нам доставили телеграмму из портового управления от господина посла, – как-то неуверенно выдало упитанное лицо и тут же переглянулось с еще одним, теперь уже значительно более худым.

Что-то мне их переглядывания не понравились.

– Ну, значит, дождались. Может, все-таки позвольте мне взойти на борт?

– Конечно, – опять с каким-то сомнением ответил упитанный и крикнул уже громче и уверенней: – Елизар, подай штормтрап.

Невидимый до времени Елизар шустро справился с поручением, и по борту начала скатываться веревочная лестница с деревянными перекладинами. Опыта в подъеме по таким приспособлениям у меня не было, так что пришлось помучиться, особенно учитывая, что левой рукой прижимал к себе Лео.

Не сверзился в воду, да и ладно.

Помахав напоследок отплывающей джонке, я перевалился через борт и недоверчиво уставился на комитет по встрече. Он был представлен в лице четырех человек. Крупный и довольно упитанный капитан был одет в двубортный темно-зеленый сюртук. В сочетании с форменной фуражкой это делало его похожим на военного морского офицера. Но я точно знал, что различия в форме есть, больно уж вид у капитана простецкий, и полнота тут совсем не решающий фактор. Рядом с капитаном стоял худой как щепка боцман, которого я узнал по дудке. На нем была черная куртка с двумя рядами пуговиц.

Еще имелись матросы количеством две штуки солидной комплекции, которые красовались в стандартных форменных штанах и рубашках с матросскими воротниками. Ну и бескозырки с названием судна, куда уж без них. Больше никого на палубе не было, даже красномордого вахтенного.

Интересно, с чего бы это?

– С кем имею честь? – осторожно спросил капитан.

– Титулярный советник Игнат Дормидонтович Силаев, – представился я и официально кивнул.

Наверняка в соломенной шляпе и китайском пончо эти политесы выглядели как минимум странно.

– Капитан «Бекаса» Савелий Петрович Красильников, – все еще с легким замешательством ответил капитан и спросил: – Вы – видок?

– Да, господин Красильников, и насчет меня у вас должно быть определенное предписание.

– Вы правы. Предписание есть, – ответил капитан и опять переглянулся с худым боцманом.

Странные у него отношения с подчиненными.

После этих переглядываний капитан внезапно подобрел и растянул губы в улыбке:

– Игнат Дормидонтович, вы позволите мне вас так называть?

– Конечно, Савелий Петрович.

– Я думаю, вы устали с дороги и хотите отдохнуть, а уж после приглашаю вас отужинать со мной.

– Не откажусь, – с удовольствием ответил я, просто мечтая растянуться на нормальной постели после нормальной же помывки, пусть даже в стесненных корабельных условиях.

– Елизар! – крикнул капитан, и на его призыв откликнулся здоровенный бугай, с которым в этот момент разговаривал отошедший от нас боцман. – Проводи его благородие в каюту для пассажиров.

– Будет сделано, Савелий Петрович, – откликнулся матрос и двинулся вперед с явным намерением показывать мне дорогу.

Все хорошо, но затем в кильватер к нам пристроился еще один матрос комплекцией пожиже, но тоже далеко не задохлик.

Настороженные мысли с трудом продрались сквозь радостную расслабленность от того, что мы с Лео наконец-то оказались среди своих. А вот мой усатый друг это благодущие не разделял – каждое его движение выдавало нешуточное напряжение.

Ладно, сейчас мы кое-что проверим.

Мы уже подошли к дверям в надстройке, и тут я резко затормозил:

– Одну минутку, любезный, – разворачиваясь, обратился я к идущему сзади матросу, – мне нужно обратно.

– Я это... – опешил здоровяк.

За моей спиной тут же прогудел Елизар:

– Не велено.

– А что велено? – с простодушным лицом поинтересовался я. – Связать меня или сразу придушить?

Кажись, угадал. Лицо Елизара дернулось и затвердело в решительной гримасе, но тут же вытянулось от удивления. Он не успел сделать даже полшага ко мне и замер, глядя в дуло револьвера, появление которого из-под пончо стало для матросов большим сюрпризом. Еще один револьвер уставился на второго конвоира. Я встал спиной к надстройке и лицом к фальшборту. Получился эдакий Дикий Билл из вестерна. Для достоверности не хватало только взвести курки, что тут же было проделано со зловещими щелчками.

Увы – это все, что я мог сделать в данной ситуации, а еще мысленно молиться, чтобы матросы не догадались о том, что в барабанах всего лишь катышки смолы и пакли.

Оказывается, иногда маяться дурью – это очень полезное занятие. Главное, чтобы мои реальные мысли не отразились на лице, так что подпустим туда немного сумасшедшинки.

– Не слышу, Елизарушка. Так что приказал тебе сделать боцман? Придушить или связать?

– Связать, – инстинктивно открестился матрос от обвинения в душегубстве.

– Три шага назад, оба, – добавил я в голос металла. – Елизар, на колени, руки за голову.

Было видно, что перепады в моем настроении беспокоили матроса даже больше револьверов. Чего я и добивался. Елизар послушно отошел на три шага. Встал на колени и завел руки за голову.

Мой приказ был продублирован свирепым шипением Лео.

– Вот и умница, – косясь на второго матроса, похвалил я Елизара, – так и стой. Услышу за спиной малейший шум – стреляю навскидку без предупреждения. А стрелять меня учил казацкий урядник, так что не промахнусь.

Елизар угрюмо кивнул.

– Теперь ты, любезный, – вернулся я ко второму матросу, у которого выдержки было явно меньше, чем у его товарища. – Веди-ка меня обратно к капитану.

Пока мы отсутствовали, ситуация на палубе немного изменилась – капитан поднялся на открытую часть мостика, а боцман руководил спуском шлюпки на воду.

Вот скоты! Шлюпка-то наверняка за покупателями снаряжается.

Выбрав меньшее из зол, я тычком револьвера направил своего проводника к подъему на мостик, но поднялся туда в одиночку, оставив матроса под присмотром Леонарда.

– Нехорошо, господин Красильников, я бы даже сказал – глупо.

– Что, как? – задержался капитан, увидев направленный на него револьвер.

– Сколько за меня пообещали люди Ихея?

– Какого Ихея?

– Господин Красильников, вы даже не представляете, что мне пришлось пережить за последние три дня. Поверьте, пристрелить вас мне сейчас все равно что высморкаться. Сколько?!

– Десять фунтов золота.

В голове суетливо замелькали цифры.

Ну вот зачем мне сейчас знать, сколько это будет в килограммах и рублях?!

Злость на себя явно отразилась на моем лице, заставив капитана испуганно сжаться.

К нему у меня вопросов больше не было, так что я подошел к перилам мостика:

– Боцман, свистать всех наверх!

Боцман и спускавшие шлюпку матросы замерли, но никто не спешил выполнять мои команды.

– Мне что, нужно пристрелить капитана, чтобы меня услышали?

Боцман все же сунул в рот дудку и выдал переливистый, но непонятный мне сигнал.

Увидев его колющий взгляд, я понял, что именно этот человек, окажись он слишком близко, не только разглядел бы в каморах барабана смолянистые катышки вместо пуль, но и нашел бы в себе силы, чтобы броситься на меня с кулаками.

Хорошо, что нас разделяют добрых двадцать метров, а через минуту я постараюсь изобрести против него средство посерьезнее нестреляющих пистолетов.

На носовой палубе перед мостиком начали собираться матросы и техперсонал в промасленных комбинезонах. Их оказалось больше дюжины. Я опять увидел обладателя красной морды, который на удивление оказался нормального телосложения. Состояние лица, скорее всего, обусловлено недавним запоем, в который он умудрился войти прямо в плавании.

Интересный тип, нужно его запомнить, но сейчас меня интересовали все матросы, так сказать, оптом.

– Что же вы, православные, решили продать единоверца нехристям?!

Матросы удивленно загудели. Есть один плюсик.

– Только коль уж поддались жадности, так можно было и головой хоть чуток подумать. Я ведь сюда от самого Пекина не сам добирался. В порту остались агенты Особой канцелярии. Так что если во Владивосток «Бекас» придет без меня, все вы дружной компанией отправитесь кто на каторгу, а кто и на виселицу.

Так, пошло бурление. И кстати, я не ошибся – вперед честной компании вышел именно красномордый матрос.

– Ваше благородие, о каком таком предательстве вы говорите? Не знаем мы ничего!

– А теперь знаете. Подробности можете выпросить вон у вашего боцмана, который на пару с капитаном хотели продать меня цинцам, вместо того чтобы выполнить приказ посла и доставить на родину. А подобные действия в отношении полицейского видака в чине титулярного советника закончиться могут, как я уже говорил, либо каторгой, либо виселицей. И выбирать будете не вы.

Ну что же, похоже, сработал я не хуже матроса Железняка. Большевики-революционеры у меня всегда вызывали лишь глухое раздражение, но нужно отдать им должное, агитировать эти ребята умели. Особенно матросиков, так что не зря я смотрел тот фильм.

Матросы уже обступили боцмана, и было видно, что надумай он качать права – получил бы в физиономию, и не раз.

Не надумал. Умный, чертяка. Начал что-то объяснять. Но вряд ли сможет переагитировать матросов, среди которых забитых крестьян нет по определению. Тем более что волшебные слова «каторга» и «виселица» уже были произнесены.

Пусть сами доходят, а мы вернемся к капитану:

– Когда можете покинуть порт? – строго спросил я, спрятав один револьвер в кобуру, а второй удерживая стволом вниз.

– Но мы только разгрузились. Ждем разрешения на погрузку.

– Я не об этом спросил. И не вздумайте мне врать, не делайте свое положение еще хуже.

– Можем уйти прямо сейчас, только нужно предупредить портовые службы, что мы выходим в море. Хватит сигнальных флажков.

– Значит, отправляемся прямо сейчас, а я, как вы и предложили, пойду отдохну с дороги. Кстати, видите вот это? – Мило улыбнувшись капитану, я сунул руку в сумку и показал ему заднюю часть ракеты-фейерверка с куцым фитилем. – Здесь три фунта энергетической взрывчатки. Фитиль

горит пять секунд, и если надумаете дурить, мы все вместе, дружно пойдем на дно, как «Варяг».

Только сказав это, я вспомнил, что легендарный крейсер еще не успел утонуть, а может, в этой реальности его вообще не построили.

– Какой «Варяг»? – ошалело спросил капитан.

– Отважный, – устало ответил я и пошел к лестнице. – Не дурите, Савелий Петрович. Все не так плохо, как кажется, но может стать намного хуже.

Внизу меня встретил Леонард, свирепо зыркающий на замершего матроса.

Вместе мы направились туда, где оставили Елизара. С колен он встал, но дисциплинированно не покидал указанного места.

– Ну что, голубчик, веди куда вел.

Пассажирская каюта выглядела довольно уютно. Или мне так кажется после всего, что пришлось пережить?

Запершись изнутри, я облегченно выдохнул и как подрубленный упал на койку. Только там меня начало трясти от отходника. Это был даже не цирк, а дурдом какой-то. Сам до сих пор не верю, что мой блеф сработал. Но это не значит, что можно расслабиться.

Минут через десять корпус корабля тронула легкая вибрация, и я ощутил, что мы двигаемся, точнее, плывем, а еще точнее – идем в открытое море. Или все же океан?

Где-то с полчаса я напряженно прислушивался к тому, что происходило за иллюминатором, и напряженно ждал – не пошлют ли за нами вдогонку военный корабль, но все обошлось. Судя по всему, начальство порта не было замазано в делишках Ихея и взятку капитану предлагали частным порядком, а весть о смерти кузена императора сюда еще не дошла.

Побеспокоили нас уже в сумерках. В дверь каюты постучали. Я вскочил с койки и приготовил револьвер.

Кикимору мне в тещи! Даже сам начал верить, что эта железка может стрелять.

– Силыч, глянь, кого там принесло. Если их больше одного, начинай вопить, а я начну палить куда ни попадя, – сказал я достаточно громко, чтобы было слышно в коридоре.

Приоткрыв дверь, я уперся в нее плечом, оставляя небольшую щель для кота. Леонард выскользнул в коридор и тут же спокойно вернулся. Значит, визитер явился в одиночку.

Открыв дверь, я без особого удивления увидел красномордого гуляку с

подносом в руках.

– Ваше благородие, тут кок передал вам отужинать. И еще общество просило передать, что мы и знать не знали о кознях капитана с боцманом.

– Верю, братец, верю. – Отобрав у матроса поднос, я без лишних слов вновь запер дверь.

– Ну что, Силыч, рискнем?

В глазах кота отразились сомнения, но они явно недотягивали по силе до его желания пожрать. Пирожки сердобольного старика уже давно покинули наши организмы, и от их калорий не осталось и следа.

Понимая, что подопытной мышью работать все равно ему, Леонард запрыгнул на стол и приступил к еде, причем с таким энтузиазмом, что пришлось оттаскивать его от миски с кашей. Подождав еще полчаса, я без малейшей брезгливости доел за котом и выпил кофе из большой кружки, который тоже предварительно попробовал мой хвостатый дегустатор.

Вроде ничего. Сразу захотелось спать, что несколько меня не испугало. Сонливость тут же прошла, а значит, ее природа вполне естественна. Так что со спокойной душой я вновь завалился на койку.

Второй посетитель явился к нам посреди ночи. После робкого стука Лео проделал ту же операцию, и я впустил в каюту капитана. Он с ходу сильно озадачил меня, бухнувшись на колени:

– Не губите, Игнат Дормидонтович. У меня трое деток, и одна совсем малышка. Никогда даже контрабандой не марался, а тут словно бес попутал.

– Бес или боцман? – вырвалось у меня, пока я приходил в себя от подобного пассажа.

– Не погубите, Христом-Богом прошу. Вы же говорили, что еще не все потеряно.

– Так, для начала встаньте, – опомнившись, резко сказал я.

В одном капитан был прав – я еще не выпутался из этой передряги, и доводить его до отчаяния не стоит. Чтобы перепуганный человек не наделал глупостей, нужно подарить ему надежду.

– Хорошо, я не стану раздувать это дело, потому что знаю, как грубо работают господа из Особой канцелярии. Надеюсь, что не пожалею о своей слабости и этот урок пойдет вам впрок.

Капитан истово перекрестился, демонстрируя всю искренность своего раскаяния.

Врал, конечно, но я ему не душеприказчик и за спиной во время отчета перед святым Петром стоять не буду.

– И еще примите добрый совет: избавьтесь от боцмана. Думаю, в этом

деле вам с радостью поможет один красномордый морячок.

Капитан испуганно замер, затем вздохнул и явно принял для себя какое-то решение.

Прощаться мы не стали, так что я просто выпихнул незваного гостя за порог и вернулся на койку.

Следующие два дня прошли уныло и скучно – то есть без каких-либо значимых событий, что меня безмерно радовало. Я покидал каюту только чтобы посетить галюн и один раз сходил в мыльню, а то от меня уже пошел специфический запах. По случаю помывки мне выделили матросскую униформу, в которой я стал неотличим от остальных матросов.

Трижды в день красномордый, которого звали Никитой Сечкиным, приносил мне еду. Он же и сообщил о скором прибытии во Владивосток. То, что внешне благодаря одежде мы сейчас не сильно отличались, навело меня на одну интересную мысль.

– Постой, Никита, – остановил я уже собравшегося выйти из каюты матроса. – Скажи, а ты можешь провести меня в город мимо таможни?

– Если потом мне за это ничего не будет, то со всем нашим удовольствием, – улыбнулся моряк.

После того как постзапойное состояние покинуло его, а лицо приобрело нормальный вид, Никита оказался весельчаком и балагуром, а заодно до предела строптивым экземпляром матросской породы.

– Значит, так и сделаем.

Оглашая окрестности басовитыми гудками, «Бекас» прошел по водам бухты Золотой Рог и встал у грузового причала. Все это время я провел на палубе и любовался видами города. Владивосток своими размерами не впечатлял, так как был еще очень молод. Но это дело наживное.

До самой выгрузки на берег я так и не встретил ни капитана, ни боцмана, хотя в рубке иногда мелькало бледное лицо Красильникова и еще одного человека довольно преклонных годов. Судя по всему, это был еще один офицер корабля, возможно штурман, с которым мне так и не довелось познакомиться. Да и не очень-то хотелось.

Никита, как и обещал, провел меня через таможню без досмотра. Получилось это у него до смешного просто. Группа убывавших в увольнение матросов с гомоном и хохотом беспрепятственно прошла мимо сторожевой будки с портовой охраной.

Уже когда мы дошли до пригородов Владивостока, я притормозил Никиту и тихо спросил:

– Скажи, а как поживает ваш боцман?

– Так у нас прошлой ночью беда случилась. Боцман напился и выпал

за борт. Так и не всплыл, бедолага. Горе-то какое!

Белозубая улыбка тут же проиллюстрировала всю глубину страдания безутешного морячка.

Ну что же, одной проблемой меньше. Только меня почему-то смущал оптимизм Никиты. Морячок хоть и невольно, но стал моим союзником, так что нужно ему немного помочь:

– Будь добр, передай капитану, что где-то через полгодика я пошлю во Владивосток запрос насчет того, не выпал ли, случаем, за борт некий Никита Сечкин.

Морячок резко посерьезнел, а затем опять расплылся в широкой улыбке:

– Благодарствую, ваше благородие.

На этом мы и простились. Шагая по улицам Владивостока, я старался сдерживать прущую из меня радость, потому что уже однажды так расслабился, когда оказался на русском корабле. А вот Леонард просто млел от удовольствия – морское путешествие истрепало ему нервы до предела. А еще меня занимала мысль, что подумает капитан, когда найдет в каюте спрятанные револьверы с катышками вместо пуль и фейерверк, который я выдавал за бомбу. Тащить все это в город было опасно, да и не смог я удержаться от прощальной шутки.

Эпилог

К счастью, в этот раз все мои предосторожности оказались напрасными. Похоже, маркированный моим именем мешок с шишками все же показал свое дно. До владивостокского вокзала я добрался без малейших проблем. Так же спокойно взял билет до Хабаровска и уже утром следующего дня погрузился на паром через Амур. За все это время никто так и не удосужился спросить у веселого морячка сопроводительные документы.

Совсем пограницы и жандармы мышей не ловят.

Был, конечно, соблазн погрузиться на Транссибирский экспресс, используя реальные документы, и путешествовать дальше с комфортом, но опять дала о себе знать паранойя. Так что пришлось познакомиться с прелестями путешествия в оборудованной нарами теплушке, место в которой я купил за тридцать рублей у распорядителя грузопассажирского поезда.

А ничего так – вполне удобно, только из отгороженной в углу вагона кабинки немного пахло от ведра со всем известной субстанцией. Но это терпимо. Да и компания подобралась неплохая – домой возвращались промысловики и старатели. А вот кому вообще было хорошо, так это Леонарду.

Вот хоть убейте, не могу понять, как этому мерзавцу удастся очаровывать всех подряд – любого пола и возраста. За время путешествия кота опять закормили до безобразного состояния. Он, сволочь, даже на прогулки во время остановок выходить не желал. Пришлось вышвыривать ленивую скотину наружу под осуждающими взглядами сердобольных попутчиков.

В последний день из пяти, проведенных в теплушке, я никак не мог решить, сдаваться начальству в Омске или проследовать инкогнито в Топинск и уже оттуда дать о себе знать. Все решил вид формирующегося на запасных путях состава, идущего в ставший мне родным город. Я посчитал это знаком свыше и сразу направился к проводникам готовящегося к отправке поезда.

Меня узнали сразу же, даже в форме матроса, и неудивительно – в небольшом Топинске не то что каждая собака знает странного новгородца, а пожалуй, и кошки с мышами тоже. До Топинска меня прокатали в полном комфорте и в кредит – потому что от пятидесяти рублей остался всего рупь

с копейками.

И все же паранойя будоражила меня не напрасно – не успел я обрадовать своим цветущим видом обитателей пожарной каланчи, принять душ и, одевшись во все чистое, усесться за праздничный стол, как наверху в моем кабинете противно задребезжал телефон. Звонил мой бывший начальник. Дмитрий Иванович скорбным голосом объявил, что на меня имеется ориентировка с приказом немедленно взять под стражу. Выдержав театральную паузу, Бренников попросил меня не подставлять бывших коллег и не гулять по городу слишком уж внаглую.

Что и требовалось доказать. Уверен, что во Владивостоке, да и в Омске тоже, такие щадящие условия ареста мне не светили бы даже при самом примерном поведении.

За время вынужденного отдыха я успел написать на имя генерал-губернатора полный отчет о своих китайских приключениях. Причем во всех подробностях, за исключением случая на «Бекасе». Может, это и ошибка, но свое слово я стараюсь держать. Мое дело ловить убийц, а жадными капитанами пусть занимаются Особая канцелярия и Имперская контрразведка.

Через три дня тот же Дмитрий Иванович, заглянув на рюмку чая, сообщил мне о снятии ареста и вызове на ковер к генерал-губернатору.

За самоуправство и, как выразился князь, дурное геройство всыпали по первое число, но как-то без огонька. Там же я узнал, что ничего страшного своей самостоятельностью в дипломатических отношениях двух империй не порушил – за два дня до моего попадания на ковер через Омск в Москву проследовало посольство Цинской Империи.

Но финальную точку в этой истории поставило происшествие, случившееся через три дня после моего возвращения из Омска.

Проснулся я от жуткого грохота и в первый момент подумал, что это землетрясение, которых в Топинске отродясь не было. Затем по знакомым звукам понял, что это беснуется Кузьмич. Похоже, у нас гости. В грохоте явственно слышалось рычание обернувшегося Евсея, а вот Леонард почему-то молчал, и это наводило на определенные мысли.

Когда я в одних портках, но с револьверами в обеих руках спустился в гостиную, там уже воцарилась тишина.

– Убег, кошка драный, – раздосадованно прорычал Евсей.

Он тоже был в одном исподнем и только что закончил обратную трансформацию. Из-за ведущей в сени двери показалась седая голова оружейника с крупнокалиберным дробовиком в руках, а за моей спиной раздался топот ног Чижа.

Вот и чудненько – все целы.

За кота я особо не переживал, хотя и он через секунду виновато выглянул из-под шкафа. Ну а домовому вообще ничто не угрожало, к тому же он до сих пор не успокоился – в стенах и печке все еще что-то потрескивало. В общем, ночной визит незваного и оставшегося неизвестным гостя мы перенесли без особых последствий. Оставалось два вопроса – почему посетитель так старался сохранить свое инкогнито и что за сундук стоит на нашем обеденном столе?

Как и полагается, оружейник первым заметил обновку:

– Игнат Дормидонтович, думаете, это адская машинка?

– Понятия не имею, Корней Василич. Надо проверить.

– Вот сейчас и проверим, – хмыкнул оружейник и захромал на своем протезе обратно в гараж.

Мне кажется или у него новая модификация искусственной ноги? Совсем я отстал от топинской жизни.

Вернулся оружейник с каким-то крючком и мотком веревки. Осторожно осмотрел замок и удовлетворенно хмыкнул:

– Не заперто, ну и ладненько.

Затем Корней привязал конец бечевки за торчащую над крышкой украшенного драконами сундучка ручку и протянул веревку к печке. Там закрепил принесенный с собой крючок и уже через него протянул бечевку к дверям в сени.

– Вы бы вышли из дома от греха подальше, – предупредил нас оружейник.

Я никуда уходить не собирался, как и Евсей, а у нашего юного помощника согласия никто и спрашивать не станет:

– Чиж, быстро на улицу.

– Ну-у...

– Бегом, кому я сказал!

Наконец все приготовления завершены, рывок за бечевку, и... ничего не произошло, кроме того что я сумел рассмотреть целую гору китайских золотых монет с квадратной дыркой посередине. А еще сверху лежал бумажный свиток.

Ну что же, поинтересуемся, что нам там пишут из Цинской Империи.

С первых же строк, к моему удивлению написанных по-русски, стало понятно, что это послание от Вейдуна, хоть он и пытался шифроваться по максимуму:

«Долгих лет благоденствия и крепкого здоровья вам,

уважаемый Игнат Дормидонтович. Пишет вам сын бедной жертвы Уссурийской замятни. Для начала спешу выполнить поручение, данное мне одной пожилой дамой, чей чарующий взгляд вы должны помнить...»

Ну да, забудешь тут. Черные глазки имперской ведьмы мне даже пару раз приснились, заставив проснуться в холодном поту.

«...Она просила передать вам небольшой гостинец от своей госпожи и ее благодарность за помощь в решении щепетильного вопроса. Сама она по вполне понятной причине сделать этого не может...»

Ну да, где я, а где вдовствующая императрица. Не станут же мне в открытую выдавать медали за убийство императорского кузена. Но я не в обиде, потому что вместо золота вполне могли прислать и киллера с удавкой.

«...Также ваша добрая знакомая передает от себя перстень, который в случае нужды позволит вам без препон обратиться лично к ней...»

Вот уж без надобности. Надеюсь, ноги моей в Китае больше не будет.

«...Я также решил не отставать от нашей теперь уже общей знакомой и к кольцу прилагаю бирку от себя. Теперь любой член нашего союза поможет вам в беде или нужде. Поверьте, я имею право говорить за всех, потому что мы с вашим компаньоном по ночным прогулкам крепко держим в руках наследство нашего Учителя. На этом прощаюсь с вами, надеюсь, не навсегда. В стотысячный раз благодарю небо за то, что имел великую честь узнать столь достойного воина и, надеюсь, друга».

Финальная часть письма сначала обрадовала меня тем, что Шен все-таки выжил. Затем я удивленно хмыкнул, понимая, что Вейдун из простого кладовщика за пару дней вскарабкался на уровень главы как минимум отделения большой организации. А учитывая его новое знакомство с императорской ведьмой, которая наверняка допрашивала и Вейдуна, и Шена, ребята далеко пойдут. Но настоящий шок у меня вызвало

содержание небольшого шелкового мешочка. Да, перстень с изумрудом оказался очень красив, но я его наверняка продам – хватит с меня восточной экзотики. А вот вид золотого брелока треугольной формы с непонятным иероглифом посередине заставил меня сначала задуматься, а затем обозвать себе идиотом.

Ну конечно! Я же когда-то читал об этом! Союз Человека, Земли и Неба. Три гармонии! Триада, чтоб ее!

Докатились, господин видок, теперь у нас в друзьях целая организация уголовников. Не знаю, чем они занимаются в этой реальности и времени, но точно не цветы разводят или крестиком вышивают.

– Ну и чего стоим посреди ночи? – не очень-то справедливо выплеснул я раздражение на соратников. – Чего не спим?

– Так тут же не меньше пуда, – немного невпопад восхищенно выдохнул оружейник, непонятно как успевший оценить вместимость сундучка.

– Корней Васильевич, с каких это пор вы начали считать чужие деньги?

Оружейник смутился и, кажется, немного покраснел. Он тут же похромал обратно в свою обитель, мимоходом шлепнув Чижа по шее и направив его на лестницу. Евсей лишь понятливо кивнул и ушел к себе.

Ну и что мне теперь делать с этой грудой золота? Хорошо хоть это деньги не от триады, хотя чистого золота в этом мире не бывает по определению.

– Кузьмич, – позвал я домового, и он тут же материализовался у печки, – будь другом, припрячь монеты на время.

Полупрозрачный человечек кивнул и тут же растаял. Внезапно одна из лежащих сверху монет выпрыгнула из ларца. Покатилась сначала по столешнице, а затем, упав вниз, по полу. В итоге она исчезла где-то за плинтусом.

Вот и ладненько. Уверен, Кузьмич спрячет золото так, что его не найдут, даже если будут разносить каланчу по камешку.

Немного успокоившись, я зевнул. Вместе с облегчением из меня полезли уже порядком забытые старческие привычки – раскачиваясь, как медведь, я побрел по лестнице вверх. При этом даже позволил себе недовольное ворчание:

– Ходють тут всякие, мусорят, а потом убирай за ними.